

ЛОБСАНГ РАМПА

ШАФРАННАЯ МАНТИЯ

**«СОФИЯ»
«ГЕЛИОС»**

2001

Т. Лобсанг Рампа. Шафранная мантия.

Пер. с англ. — К.: «София», 2001. — 160 с.

«Шафранная мантия» Лобсанга Рампы, астрального путешественника, ясновидца, целителя и одного из самых интересных и противоречивых мистиков нашего времени — это история его необыкновенного детства в монастырях Тибета. Под руководством своего наставника доброго и мудрого Ламы Мингьяра Дондупа (о невероятной жизни которого за пределами этой Земли, в Стране Золотого Света, вы узнаете из следующей книги, «История Рампы») мальчик Лобсанг учится астральным путешествиям, ясновидению и телепатии, медицине и основам буддизма. Он встречается с невероятно сложными и увлекательными ситуациями, с удивительными людьми и животными, перемещается в иные времена и пространства, готовясь к великому предназначению своей жизни.

Оглавление

Глава 1. Жизнь в Потале.

На берегу ручья — Караван из Индии — Спасение утопающей — Стирка в монастыре — Возвращение с прогулки — Встреча с Кис-Кисом — Вкус тсампы — Вечернее богослужение

Глава 2. Урок индийского буддизма.

Индийский Учитель — Что такое настоящий буддизм — Детство Гаутама — Гаутама познает страдание — Побег и скитания — Урок заканчивается, и я иду к врачу — Приключения на кухне — Вид на Лхасскую долину

Глава 3. Ожидание Наставника.

Происшествие перед уроком — Учитель выходит из себя — Гаутама в поисках Истины — Животные приходят на помощь человеку — Гаутама становится Буддой — Проповедь Срединного Пути — Конец урока

Глава 4. Чудотворец поневоле.

На Золотой Крыше — Нарушитель устава — Схватка с Дьяволом — Оказывается, я умею летать! — Большой переполох в монастыре — Снова на уроке — Четыре Благородные Истины — Что теперь будет со мной?

Глава 5. Аудиенция у Далай-Ламы.

Меня готовят к визиту — Незабываемая встреча — Похвала Высочайшего — Неужели в такой день можно учиться? — Святой Восьмеричный Путь — Неприятный разговор — Учителя из Индии вызывают к Настоятелю

Глава 6. Новый Учитель.

Что такое *правильное мышление* — *Нирвана* — Молитва буддиста — Учитель рассказывает о секте Дзэн — Откровенный разговор — Целеустремленность — Новости от Наставника

Глава 7. Астральные путешествия.

Заброшенный храм — Таинственный кристалл—Богослужение девяти лам — Путешествие в астральный мир — Заблудшие души обретают покой — Меня обнаруживают — Ламы испытывают мои способности — Прогулка сквозь стены

Глава 8. Раскрытие тайн.

Возвращение в реальный мир — Неужели я путешествовал вне тела? — Ламы объясняют происшедшее — Мне суждено астральное будущее — Старый монах, которого я раньше не замечал — Бессонница — Завтрак в монастыре — Поход в типографию за бумагой

Глава 9. Приезд Наставника.

Ожидание на крыше — Буря в долине — Я издали вижу ламу Мингъяра Дондупа — Визит к парикмахеру — Монахи рассматривают индийские журналы — Мучительная стрижка

Глава 10. Удивительный подарок.

Как живут ламы — Долгожданная встреча — Индийские сладости — Разговор с Наставником — Магический кристалл — Правила обращения с кристаллом — Богослужение с участием Далай-Ламы — Последняя ночь в Потале

Глава 11. Возвращение в Чакпори.

Мы с Наставником уезжаем из Поталы — Встреча с торговцем в деревне Шо — Слухи опережают меня — На кухне — фармакологическая фабрика монастыря — Целебные свойства трав — Меня обещают посвятить в искусство приготовления лекарств

Глава 12. Спасение монаха.

Моя личная комната — Вид из окна — Наставник рассказывает о Хатха-йоге — Удивительные картины — Прогулка по окрестностям — Кис-Кис ведет меня за собой — Раненый монах — Я поднимаю тревогу — Наставник приходит на помощь

Глава 13. Подлинный смысл религии.

Первое занятие в родном монастыре — Лекарство от всех болезней — Визит к Настоятелю — Встреча с молодым послушником — В чем смысл религии? — Китайская анатомическая схема — Разговор с Наставником о Боге, молитве и обращении в иную веру — Религия есть труд во имя других

Глава 14. Путешествие в горы.

Разорванная мантия — Визит на склад — Неожиданные обновы — Завтрак с Наставником — История одежды — Что мешает видеть ауру человека — Люди и их одежда — Сборы в дорогу — Переправа через Счастливую реку — Семейный монастырь — Ночь в горах — Непроступная хижина

Глава 15. Благословение отшельника.

Слепой монах — Загадочная келья — Неприятное приключение — Меня ждет удивительная жизнь

*Honi soit que mal y pence —
Gaudet tentamine virtus*

Глава 1 Жизнь в Потале

Странные тени струились перед моим беззаботным взором, колыхаясь в сознании, словно разноцветные фантомы из какого-то далекого прекрасного мира. Испещренная солнцем поверхность воды сверкала совсем близко у моего лица.

Я осторожно опустил руку, наблюдая за пришедшими в движение небольшими ленивыми волнами, и, прищурясь, всматривался в глубину. Вот именно этот большой старый камень — здесь она и живет. Она уже плывет поприветствовать меня. Я неспешно прикоснулся пальцами к замершей рыбине. Она лишь медленно шевелила плавниками, стараясь удержаться возле моей руки.

Мы были старыми друзьями. Я часто приходил сюда, бросал в воду кусочки корма, а затем гладил ее. У нас с ней было полное взаимопонимание, возникающее между существами, у которых нет никакого страха друг перед другом. В то время я даже не знал, что рыбу можно есть.

Буддисты никогда не отнимают жизнь и никогда не приносят страданий другим.

Я глубоко вздохнул и опустил голову в воду, пытаюсь тщательнее рассмотреть этот иной, волшебный мир. Я чувствовал себя богом, разглядывающим бесконечно разнообразные формы жизни. Длинные водоросли едва заметно колыхались в прозрачном потоке. Крепкие подводные растения стояли прямо, словно громадные деревья в загадочном лесу. По дну, как змеи, причудливо извивались полосы песка. Они были окаймлены бледно-зелеными водорослями, превращавшими все вокруг в подобие хорошо ухоженной лужайки.

Крошечные рыбки, разноцветные и большеголовые, металась среди зелени в нескончаемом поиске пищи и развлечений. Улитка опустилась на поверхность огромного камня и трудолюбиво счищала с него песок.

Мои легкие разрывались; жаркое полуденное солнце жгло шею, а шероховатые прибрежные камни впились в тело. Осмотрев все в последний раз, я поднялся на колени и благодарно вдохнул ароматный воздух. Здесь — в моем мире — вещи сильно отличались от чудес, которые я только что видел в том спокойном подводном мире. Здесь было слишком много суеты, беспорядка и спешки. Я слегка покачивался из-за незажившей еще раны на левой ноге и поэтому прислонился спиной к любимому старому дереву. Медленно приходя в себя, я оглядывался по сторонам.

Норбу-Линга буквально пылал от многообразия красок: яркая зелень ив, багрянец и золото Островного Храма и глубокая-глубокая небесная лазурь, подчеркнутая белизной пушистых облаков, стремительно летящих над горами откуда-то со стороны Индии. Чистая вода озера отражала и подчеркивала цвета, а легкий ветерок возмущал его поверхность, заставляя отражение вздрагивать и замутняться так, что появлялось ощущение чего-то нереального. Все здесь было мирным и спокойным. Однако я знал, что сразу же за стенами обстановка была совсем иной.

Одни монахи в желто-коричневых мантиях ходили по двору, таская вороха одежды для стирки. Другие, присев возле переливающегося на солнце ручья, отжимали и переворачивали белье, чтобы оно хорошенько вымокло. Выбритые головы блестели на солнце.

День постепенно набирал силу и становилось все жарче. Маленькие послушники, совсем недавно принятые в монастырь, возбужденно прыгали у ручья. Они терли свои мантии большими грязными камнями, стараясь придать своей одежде более старый и поношенный вид. Они стремились создать впечатление, что ее обладатель давно уже не новичок.

Иногда солнце отражалось тонким лучом света от золотой мантии какого-нибудь видного ламы, бредущего из Поталы в Парго-Калинг (или Западных Ворот). Некоторые из них были почтенными людьми, служившими в храме до глубокой старости. Однако иногда попадались и совсем молодые. Одни из них были признанными воплощениями выдающихся лам прошлого, тогда как другие обучались и совершенствовались, полагаясь лишь на собственные силы.

Прокторы, которыми чаще всего становились крепкие тибетцы из провинции Хам, следили за соблюдением дисциплины. Они неспешно вышагивали вокруг, пугая юных монахов своим грозным видом. Рослые и неуклюжие, они были вооружены длинными

палками — символом своих обязанностей. Это были совсем не интеллектуалы, а сильные и неподкупные люди, которых, впрочем, только за это и взяли на службу. Один из них подошел ближе и сурово посмотрел на меня вопросительным взглядом. Однако, узнав меня, он направился дальше в поисках нарушителей, заслуживающих его внимания.

Позади меня, устремляясь в небо, возвышалось здание Поталы — Обители Богов — одного из самых величественных творений человеческих рук. Многоцветная скала слабо светилась и играла всеми своими красками, отражаясь в спокойной воде. Повинуясь причудам изменчивого света, выпуклые пестрые образы казались наполненными жизнью. Они вздрагивали и шевелились в теплом дневном воздухе, словно толпа оживленно спорящих людей. Мощные лучи желтого света отражались от Золотых Склепов на крыше Поталы и, устремляясь вдаль, оставляли яркие блики на темных склонах гор.

Внезапный скрип согнувшейся ветки заставил меня обернуться. Мое внимание привлекла старая птица, севшая на дерево над моей головой. Ее оперение было линялым и серым — и от этого она выглядела более древней, чем старший обитатель монастыря. Взглянув на меня блестящими бусинками глаз, она крикнула: «Крак!», повернулась ко мне спиной и, сильно взмахнув крыльями, уронила вниз неожиданный «подарок». Все это она проделала с удивительной быстротой, силой и точностью. Только благодаря спасительному прыжку в сторону мне удалось избежать участи мишени. Птица снова повернулась в мою сторону и, прежде чем приковать свой взгляд к далекому горизонту, еще раз сказала: «Крак! Крак!».

Налетел легкий ветерок и принес с собой приглушенные звуки, свидетельствовавшие о приближении торговцев из Индии: мычание яков, сопротивляющихся попыткам погонщиков заставить животных идти быстрее, астматический скрип старой сухой подпруги, тяжелое шарканье ног и музыкальный шорох маленьких камней, разлетающихся в стороны от идущего каравана. Вскоре я увидел уныло бредущих животных, тяжело нагруженных тюками с экзотическими товарами. Громадные рога, взметнувшиеся над мохнатыми бровями, то поднимались, то опускались в такт шагам яков, медленно плетущихся по дороге. Одни торговцы были в тюрбанах, другие — в меховых шапках, третьи — в потрепанных фетровых шляпах.

— Подайте, подайте во имя любви Господа! — молили нищие. Но торговцы оставались безразличными к их мольбе. Это выводило нищих из себя, и они заходились в страшных проклятиях:

— Ваши матери — просто коровы, путавшиеся с борами. Ваше семя — семя Шайтана. Ваши сестры — базарные потаскухи.

Вдруг на меня повеяло странными запахами. Они заставили меня вздохнуть и внимательно принюхаться. Это были диковинные запахи из глубины Индии, смешавшиеся с ароматом чайных брикетов из Китая и пылью, которая высыпалась из поклажи, — все это, смешиваясь, доносилось до меня. Звуки колокольчиков на яках, громкие разговоры торговцев и проклятия нищих постепенно затихли вдали. Скоро женщины Лхасы будут встречать богатых гостей, а местные торговцы будут шокированы ценами на привезенные товары: их поднятые брови и повышенные голоса станут иллюстрацией непомерно высокой стоимости заморских вещей. Скоро и я отправлюсь обратно в Поталу.

Сзади до меня донесся какой-то непонятный шум, и я обернулся. Неподалеку совершали омовение будущие монахи. Двое готовы были уже подраться, потому что один плеснул водой на другого. Откуда ни возьмись, появились прокторы, и через мгновение провинившиеся уже смиренно шагали в сторону монастыря в железных объятиях «стражей спокойствия».

Но что это? Я обратил взгляд на кусты. Два крохотных блестящих глаза, находившихся прямо у земли, пристально смотрели на меня. Два маленьких серых уха были настороженно обращены в мою сторону, а тело — напряжено и готово стремительно унести прочь, сделай я хотя бы одно неосторожное движение. Маленькая серая мышь

обдумывала возможность проскользнуть между мной и озером, пытаюсь пробраться к своей норке. Прямо у меня на глазах она бросилась вперед, не сводя с меня взгляда. Однако она явно слишком переволновалась: не глядя, куда бежит, она налетела на сломанную ветку и, пронзительно вереща от ужаса, полетела головой вниз. Прыжок был, увы, неудачным — до берега было довольно далеко. Перебирая лапками на лету, она шлепнулась в воду. Очевидно, бедная мышь не умела плавать и сразу же начала тонуть. Я зашел по колено в воду и взял ее в руки. Осторожно вытирая зверьку краем моей мантии, я выбрался на берег и опустил маленький дрожащий комочек на землю. Замешкавшись на одно лишь мгновение, она скрылась в маленькой норке, позабыв поблагодарить меня за спасение. «Крак!» — прокричала старая птица, смеясь надо мной, а затем поднялась в воздух и, шумно размахивая крыльями, полетела в направлении Лхасы.

В направлении Лхасы? Это напомнило мне, что скоро я смогу вернуться в Поталу. У стен Норбу - Линга стояли монахи, наблюдая за сохнувшим на земле бельем. Оно должно быть тщательно осмотрено и лишь потом собрано. Дело в том, что наши меньшие братья — насекомые — могли прогуливаться по лежащей одежде, и поэтому, сворачивая ее, монахи могли их раздавить. Одна уже мысль об этом заставляла буддийских священников вздрагивать и бледнеть.

Часто случалось, что маленький червячок прятался от солнца в складках лежащего белья. Обнаружив его, монахи бережно переносили незваного гостя в безопасное место, где человек не мог бы повлиять на его судьбу. Поэтому монахи то и дело подходили к сохнувшей одежде, присматривались к ней и облегченно вздыхали, когда одно за другим крошечные создания оказывались вдали от опасности.

Постепенно кучи белья увеличивались, пока все оно не было собрано и подготовлено к тому, чтобы его отнесли в Поталу. Молодые послушники покачивались под своей свежестиранной ношей. Некоторые ничего не могли видеть перед собой из-за наваленного на них груза. Иногда слышались отрывистые крики, когда какой-нибудь малыш падал и ронял свою поклажу на пыльную землю или даже в прибрежную слякоть.

С высокой крыши донеслось низкое гудение раковин и звуки огромных фанфар. Окружающие горы многократно отражали эти звуки, и иногда казалось, что вибрации пульсируют внутри тебя, подолгу не утихая в твоей груди. Затем все вдруг замирало, и вокруг становилось так тихо, что можно было слышать стук собственного сердца.

Я покинул приятную прохладу тени дерева и стал пробираться сквозь кустарник. Идти было трудно. Не так давно, сидя у костра, я обжег левую ногу, и не успела она зажить, как сильный порыв ветра сорвал меня с крыши Поталы и бросил на склон горы, в результате чего обе ноги у меня оказались сломанными. Я ходил с трудом и на некоторое время был освобожден от выполнения своих обычных обязанностей. Однако моя радость была слегка омрачена тем, что мне теперь приходилось учиться «за двоих», искупая тем самым свое безделье.

Сегодня же — в день стирки — я был свободен от своих обязанностей и мог прогуляться и отдохнуть в Норбу-Линге. Из-за недуга я не мог возвратиться через главный вход вместе с высокопоставленными ламами и настоятелями. Каждый шаг давался мне с трудом. «Девяносто восемь, девяносто девять, сто...», — мысленно считал я, шагая. Остановившись у края дороги, я ждал, пока мимо пройдут ламы, монахи и странники. Дождавшись момента, когда никого не было поблизости, я прихрамывая перешел на другую сторону дороги и нырнул в кусты. Поднимаясь по крутому склону горы, я оказался над деревней Шо, а затем вышел на тропинку, пролегающую между зданием суда и Поталой.

Путь был труден, но прекрасен тем, что рядом в изобилии росли мелкие горные растения. Воздух стал прохладным, в результате чего мои недавно сломанные ноги начали нестерпимо болеть. Я подобрал край своей старой, изодранной мантии и присел на удобный камень, собираясь с силами и духом. В стороне Лхасы я увидел маленькие мерцающие огоньки — это были торговцы, расположившиеся на отдых под открытым

небом. Индийцы часто пренебрегали возможностью остановиться на постоялом дворе. По правую сторону от себя я увидел сияющую реку, которая, казалось, делала в этом месте передышку на своем нескончаемом пути к Бенгальскому заливу.

— Ур-р, ур-р — раздался чей-то низкий голос, и небольшая пушистая голова уткнулась мне в колени.

— Ур-р, ур-р — как можно ласковее ответил я. Одно плавное движение — и большой черный кот сказался у меня на коленях, тыкаясь в меня мордочкой.

— Благородный Кис-Кис, — с трудом проговорил я сквозь пышную шерсть, — ты задушишь меня, если будешь проявлять ко мне столько внимания.

Осторожно положив руку ему на шею, я мягко отстранил его, чтобы лучше разглядеть. Большие синие, слегка косящие глаза уставились на меня. Его зубы были такими же белыми, как и облака, а широкие подвижные уши внимательно прислушивались к каждому звуку.

Благородный Кис-Кис был моим старым добрым другом. Уютно расположившись под развесистым кустом, мы с ним частенько разговаривали, поверяя друг другу свои опасения, разочарования и прочие жизненные невзгоды. Сейчас он делился впечатлением от повязок у меня на ногах, разводя и снова сводя большие лапы, мурлыкая все громче и громче. Еще некоторое время мы сидели вместе, а затем решили, что пора продолжать путь.

Пока я с трудом тащился вверх по склону, спотыкаясь от боли в поврежденных ногах, благородный Кис-Кис семенил впереди, гордо подняв хвост. Он то и дело исчезал за деревьями ближайшего подлеска, а когда я подходил к нему, резво выпрыгивал мне навстречу и игриво цеплялся за мою развевающуюся мантию.

— Погоди! Погоди! — воскликнул я, когда он в очередной раз бросился на меня. — Такое поведение не пристало командиру Кошачьего Подразделения Охраны.

В ответ он прижал уши, забрался по мантии мне на плечи, а затем снова спрыгнул на землю и скрылся в кустах.

Меня всегда забавляли наши коты. Мы использовали их в качестве охранников. Особым образом воспитанный сиамский кот намного свирепее, чем собака. Наши коты все время проводили у священных предметов. Когда какой-нибудь странник пытался прикоснуться к ним или, тем более, украсть, эти коты — всегда по двое — нападали на него и заставляли отказаться от своего замысла, угрожая вцепиться в горло. Коты-охранники были свирепы, однако я дружил с ними. С помощью телепатии мы могли общаться без всяких трудностей.

Наконец я достиг входной двери. Благородный Кис-Кис был уже здесь и энергично царапал когтями широкую доску деревянного порога. Когда я поднял щеколду, он толкнул дверь своей крепкой головой и исчез в дымном полумраке. Я последовал за ним, правда, не так быстро.

Это и был мой временный дом. Оказавшись здесь, я снова вспомнил о боли в костях, которая была такой нестерпимой, словно я пришел в Поталу из самого Чакпори. Я вошел в коридор, и знакомые запахи напомнили мне, что я снова дома. В воздухе витали ароматы благовоний, сожженных недавно по какому-то поводу. Кисло, горько и жгуче пахло ячье масло, которое мы сжигали в лампах, обогревавших небольшие помещения. В холодные дни масло застывало, и из него можно было лепить фигурки.

Как мы ни вычищали все в комнатах (по правде говоря, мы никогда не усердствовали в этом), этот запах, пропитавший здесь даже стены, присутствовал неизменно. Менее приятным был запах сухого навоза, которым обогревались жилища старых и немощных монахов. Спотыкаясь, я шел по коридору мимо мерцающих ламп, которые продолжали и дальше коптить в этом и без того дымном коридоре.

Еще один аромат всегда присутствовал во всех тибетских монастырях. Он был для нас настолько привычен, что обычно никто не обращал на него внимания, пока голод не обострял восприятия. Тсампа! Это был запах жареного ячменя, брикетов китайского чая и

разогретого масла. Смешай все это в нужной пропорции, и в результате ты получишь — тсампу. Некоторые тибетцы за всю свою жизнь никогда не пробовали ничего другого, кроме тсампы. Они рождались и умирали с этим вкусом во рту. Тсампа — это пища, напиток и утешение. Она подкрепляет силы во время тяжелого физического труда и питает мозг. Кроме того, общеизвестно, что она умеряет сексуальный интерес. Поэтому тибетцам нетрудно давать обет безбрачия. По этой же причине и сам Тибет является страной монахов, где постоянно понижается уровень рождаемости.

Мое восприятие было обострено уже давно, и поэтому знакомый аромат сразу же привлек мое внимание. Сильно хромая, я прошел по коридору и повернул налево, где запах был особенно сильным. Здесь, возле огромного медного котла, монахи-повара жарили ячмень и засыпали его в бурлящий чай. Один из них отрезал несколько фунтов масла и бросил его в котел, другой в это время высыпал туда из кожаного мешочка соль, которую, как правило, приносили из района высокогорных озер. Третий монах смешивал и растирал все это десятифутовой палкой. Котел бурлил и пенился. На поверхность то и дело поднимались веточки чая, но их тут же увлекала вниз недремлющая палка.

Навоз под котлом горел, обдавая все вокруг не слишком приятным запахом. Черная копоть клубилась под потолком, а вся комната была наполнена дымом. Лоснящиеся от пота лица поваров, казалось, принадлежали обитателям преисподней. Плавающее масло часто прилипало к палке и капало в огонь. Это сопровождалось шипением, вспышкой пламени и новой порцией смрада.

— А, Лобсанг! — радостно прокричал монах сквозь звон и шум. — Пришел за едой? Возьми сам, мальчик.

Из-под мантии я вытащил маленькую кожаную сумку, в которой монахи обычно хранят дневной запас ячменя. Разогнав дым, я доверху наполнил ее свежеподжаренным ароматным ячменем. Затем я вытащил свою чашку и внимательно посмотрел на нее. Она была немного грязноватой. Я зачерпнул горсть песка из корзины у стены и тщательно вычистил чашку. После этой процедуры мои руки тоже стали намного чище. Это мне понравилось. Но оставалось сделать кое-что еще. Емкость для чая была пуста, вернее, все, что в ней было сейчас, это песок, маленькие палочки и другой мусор, который всегда можно было обнаружить в чае.

Я перевернул ее, высыпал все на землю, а затем взял молоток и отколол от чайного брикета кусок подходящей величины.

Подошла моя очередь. Я снова вытащил из-под мантии и протянул свою чашку. Монах поднял ковш, и тсампа с плеском до краев наполнила ее. Благодарный, я отошел в угол и удовлетворенно принялся за еду. Я ел и осматривался вокруг. Кухня была заполнена обычными, надоедливymi, праздными людьми, которые развязно болтали, пересказывая все, что знали о последних скандалах, и сдабривая свои рассказы только что услышанными слухами.

— Оказывается, лама Тенчиг собирается переселиться в монастырь Роуз-Фене. Говорят, он поссорился с господином Настоятелем. Мой друг сам все это слышал.

У людей много предрассудков, связанных с монастырской жизнью. Часто думают, что монахи проводят целые дни в молитвах, созерцании и медитациях. Всем почему-то кажется, что они всегда ведут себя прилично и говорят только о высоких материях. Официально монастырь представляет собой место, куда люди приходят, руководствуясь религиозными побуждениями, с целью поклоняться Духу и очищаться созерцанием. Это официально! На самом же деле одной мантии недостаточно, чтобы можно было утверждать, что тот или иной человек — монах. Во многотысячной общине жителей монастыря должны быть те, кто занимается ведением хозяйства и ремонтом зданий. Здесь должны быть люди, которые следят за счетами, поддерживают порядок, обучают, проповедуют...

Довольно! Монастырь напоминает большой город, населенный исключительно мужчинами. Рабочие, составляющие низший класс монахов, не проявляют интереса к

религиозным аспектам жизни, уделяя им поверхностное внимание. Некоторые монахи заходят в храм только для того, чтобы вымыться в нем пол.

В большом монастыре должны быть места для молитв, школы, лазарет, а также склады, кухни, гостиница, тюрьма — одним словом, все то, что есть в любом «мирском» городе. Главным отличием монастыря является то, что все в нем делается мужчинами и для мужчин и что каждый монах руководствуется в своей деятельности так называемыми религиозными предписаниями. В каждом монастыре есть и усердные труженики и бездельники-трутни. В больших монастырях, как и в крупных городах, имеется множество зданий и парков, которые иногда занимают немалую площадь. Можно сказать, что за высокими стенами таких монастырей живет своей жизнью целое общество.

Другие монастыри малы и в них насчитывается не более сотни монахов, живущих в одном здании. В удаленных местностях можно встретить монастырь, в котором обитает не больше десяти монахов. Таким образом, число живущих в монастыре может изменяться в широких пределах: от десяти до десяти тысяч. Монахи могут быть долговязыми и коротышками, толстыми и худыми, хорошими и плохими, вялыми и энергичными. Кроме того, монастырская дисциплина иногда походит на военную — это зависит от конкретного настоятеля. Он может быть добрым, рассудительным человеком, а может быть и тираном.

Я зевнул и вышел в коридор. Мое внимание привлек шелест, доносившийся из ниши. В тот же момент я увидел черный хвост, показавшийся между кожаными мешками с зерном. Это был кот, «охранявший зерно» и ловивший по ходу дела себе на ужин мышей. Через некоторое время я увидел его сидящим на мешке. С довольным видом он вытирал лапой усы и, казалось, улыбался от удовольствия.

Запели фанфары. Их звук раскатывался по гулким коридорам и эхом возвращался обратно. Под звуки множества шаркающих сандалий и шлепающих босых ног я направился во внутренний храм.

В этом помещении царили сумерки раннего вечера. Пурпурные тени металась по полу, освещая эбонитовые колонны. Окна были окаймлены золотом, и создавалось впечатление, что заходящее солнце своими лучами, словно длинными пальцами, пытается в последний раз приласкать нашу обитель. Клубящиеся облака фимиама распространялись повсюду, и когда солнечный луч, словно копьем, пронизывал их, казалось, что в один миг оживали мириады разноцветных пылинок.

Монахи, ламы и робкие послушники вошли в храм и заняли свои места. При этом, пересекая луч света, каждый из них становился причиной своеобразной цветной вспышки, отражавшейся в трепещущем воздухе. Здесь были золотые мантии лам из Поталы, шафренные и красные мантии остальных монахов, а также наши темно-коричневые одеяния и выцветшие одежды подсобных работников. Все сидели в одном ряду в традиционных позах. В связи с тем, что поврежденные ноги не давали мне возможности занять нужную позу, я расположился так, как мне было удобно. Чтобы не нарушать «общий порядок», я спрятался в тени рядом с колонной, утопающей в дыму от благовоний.

Оглядываясь по сторонам, я рассматривал собравшихся — среди них были и мальчики, и седовласые старцы. Эти люди пришли сюда, каждый руководствуясь своим пониманием преданности. Я думал о своей матери, которая не успела даже попрощаться со мной, когда — ах, как давно это было! — я уходил из дома, направляясь в Чакпори. Меня окружали одни мужчины. Интересно, как выглядят женщины? Я знал, что в других районах Тибета есть монастыри, в которых монахи обоих полов живут вместе, женятся и растят детей.

Клубился фимиама. Служба продолжалась. Сумерки сгущались, превращаясь в темноту, едва оживляемую мерцанием масляных ламп и тусклым тлением благовоний. Мужчины! Правильно ли то, что мужчины живут в монастыре без женщин? Интересно, какого мнения об этом сами женщины? Мне казалось, что у них одно любимое занятие —

болтать о моде, прическах и прочих глупостях. Правда, иногда они могли еще становиться пугалами, намазывая себе на лицо какие-то краски.

Служба окончилась. Превозмогая боль, я поднялся на непослушные ноги и, держась за стены, чтобы не упасть, направился к выходу. Я вышел в коридор и пошел в спальню.

В открытое окно дул студеный ветер с Гималаев. Звезды ярко и холодно сияли в чистом ночном небе. Из окна подо мной доносился дрожащий голос:

— Вот Первая Благородная Истина о происхождении страданий: лишь страстное желание порождает новые перевоплощения...

Тут я вспомнил, что завтра и, возможно, в течение нескольких последующих дней известный индийский Учитель собирается прочесть нам несколько лекций по буддизму. Буддизм, который мы исповедуем в Тибете, — то есть ламаизм — отделился много веков назад от ортодоксального индийского буддизма почти так же, как единая христианская вера распалась на множество конфессий, среди которых можно назвать католицизм, лютеранство, православие и другие.

Подумав обо всем этом, я решил, что уже слишком поздно, и отошел от холодного окна.

Послушники вокруг меня уже спали. Некоторые из них храпели. Несколько человек без умолку болтали, наверное, о своем доме — эта тема была мне очень близка, и я тоже часто мысленно возвращался к ней. Несколько настойчивых юношей пытались практиковать «правильный» ламаистский сон и спали прямо в позе лотоса. Конечно же, у нас не было ни кроватей, ни матрасов. Пол был для нас и столом, и кроватью.

Дрожа от холодного ночного воздуха, я снял с себя мантию и закутался в одеяло, которое все тибетские монахи носят перекинутым через плечо и привязанным к талии. Осторожно, чтобы никого не потревожить, я опустился на пол. Свернутая мантия заменила мне по душе, и я крепко уснул.

Глава 2 Урок индийского буддизма

Эй, парень, слышишь меня, сядь правильно. Сядь как полагается!

Голос был похож на грохочущий гром. Две тяжелые руки шлепнули меня по ушам: по левому и по правому. На мгновение мне показалось, что зазвонили все гонги храма. В глазах зажглось столько звезд, сколько не увидишь и в самую ясную ночь. Рука схватила меня за отворот мантии, подняла в воздух и встряхнула с такой силой, с какой обычно в стряхивают пыльный коврик.

— Отвечай мне! Отвечай! — гремел сердитый голос.

Однако он не давал мне возможности ответить. Он только тряс меня, пока у меня не застучали зубы, а из складок мантии не вылетела и не покатилась по полу чашка для тсампы. И лишь тогда, когда на пол упала сумка с ячменем, а ее ремешок развязался и зерно рассыпалось по полу, этот свирепый человек отпустил меня. Он бросил меня на место, как тряпичную куклу.

Неожиданно меня окутала тишина, напряженная атмосфера ожидания. Осторожно приподняв мантию, я обнажил левую ногу: кровь тонкой струйкой текла из открывшейся раны. Тишина? Я поднял глаза. В дверях стоял Настоятель и смотрел на Свирепого Человека.

— Этот мальчик серьезно травмирован, — сказал он. — У него есть разрешение Высочайшего спать в удобной для него позе. Ему разрешено также отвечать на вопросы, не вставая.

Настоятель подошел ко мне, посмотрел на мои окровавленные пальцы и сказал:

— Кровотечение скоро остановится. Если этого не случится, сходишь в лазарет.

С этими словами он кивнул Свирепому Человеку и вышел.

— Я, — начал Свирепый Человек, — пришел из далекой матери-Индии, чтобы

поведать вам правду о буддизме. Вы, живущие в этой стране, оторвались от наших принципов и образовали свое собственное течение — ламаизм. Я пришел рассказать вам настоящую Истину.

Он взглянул на меня так, словно я был его смертельным врагом. Затем он приказал, чтобы мне вернули мою чашку и пустой мешочек для ячменя. Пока другие выполняли его поручения и сметали рассыпанный ячмень, он все время ходил по комнате, высматривая очередную жертву. Он был высокий и худой, с очень темной кожей и огромным клювообразным носом. Он носил мантию старого индийского ордена и, казалось, презирал всех нас!

Индийский Учитель прошествовал в конец комнаты и поднялся на возвышающуюся платформу. Он аккуратно привел кафедру в соответствие со своими требованиями. Пошарив в жесткой кожаной сумке прямоугольной формы, он вытащил оттуда несколько красивых листов бумаги. Тонкая, размером в одну ладонь шириной и в две — длиной, она совсем не походила на толстые листы, которыми пользовались мы. Эта бумага была тонкой и почти такой же гибкой, как ткань. Его странная кожаная сумка очаровала меня. Она была невероятно гладкой, а в центре ее узкой части сверкал металлический предмет, который со щелканьем открывался, стоило только нажать на него. Кусочек кожи сверху служил удобной ручкой. Я решил, что когда-нибудь у меня будет точно такая же кожаная сумка.

Индиец шелестел своей бумагой и, строго хмурясь, рассказывал нам историю, которую все мы давно уже знали. С нескрываемым интересом я наблюдал, как его нос покачивался в такт словам, а брови образовывали дугу всякий раз, когда он косился на листок с записями. Что он нам рассказывал? О! Это старая, давно знакомая история.

«Две с половиной тысячи лет назад люди Индии были разочарованы своей религией. Индуистские жрецы были развращены и думали лишь о земных удовольствиях и личной выгоде. Пророки и предсказатели бродили по стране, предвещая несчастья и смерть.

Почитатели животных, убедившись в том, что животные лучше людей, стали поклоняться им как богам.

Более культурные индийцы — рассудительные люди, которых заботила судьба страны, — обратились к религии своих предков и глубоко задумались над жалким состоянием человеческой души. Одним из таких людей был индийский раджа, невероятно богатый и воинственный король. Он был обеспокоен и взволнован будущим своего единственного сына Гаутама, который имел несчастье родиться в таком ужасном мире.

И отец, и семья — все желали, чтобы Гаутама был воспитан как принц-воин, а затем унаследовал королевство. Однако старый пророк, которого однажды пригласили во дворец, предсказал, что мальчик станет прославленным проповедником. Отца это поразило, потому что такая судьба казалась ему хуже чем смерть. В те времена было много случаев, когда молодые люди из высших слоев общества отказывались от комфорта и уходили — босыми, одетыми в лохмотья странниками — на поиски новой духовной жизни. Отец решил сделать все возможное, чтобы не дать сбыться пророчеству.

Гаутама был очень проницательным, чутким юношей, который, несмотря на все уловки отца, смог добраться до сути вещей. Аристократ по рождению и воспитанию, он тем не менее проявлял искреннее участие к подданным. Благодаря своему тонкому восприятию он скоро стал осознавать, что его неявно направляют, позволяя встречаться только со слугами и людьми его касты.

После предсказания отец отдал строжайшие распоряжения о том, чтобы его сын был постоянно огражден от зла и горя, которые царили в мире за пределами стен его замка. Мальчику было запрещено ходить на прогулку одному. Во время прогулок он находился под неусыпным присмотром нескольких человек, следивших, чтобы он не мог встретиться с тем, кто беден или страдает. Роскошь и только роскошь — таков был его удел. Все, что можно было купить за деньги, у него было. Все неприятное исключалось из

его жизни.

Однако так не могло долго продолжаться. Гаутама был человеком духа, которого не могла удовлетворить отведенная роль. Однажды втайне от родителей и попечителей он улизнул из дворца и вместе с верным слугой выбрался за пределы стен замка. Первый раз в жизни он увидел, как живут люди других каст. Четыре события ввергли его в глубокие размышления, итогом которых впоследствии стало создание новой религии.

Сначала он увидел дряхлого старика, дрожащего от немощи и болезней. Опираясь на две палки, он едва мог передвигать свое тело.

Беззубый, ослепший от катаракты, старик отсутствующим взглядом уставился на принца. Первый раз в жизни Гаутама осознал, что старость приходит к каждому, что годы рано или поздно возьмут свое, и он тоже станет дряхлым и немощным.

Пораженный юный принц продолжил свой путь. Его ум посетили совершенно незнакомые и ужасные мысли. Однако тут произошло еще одно событие. Лошади замедлили ход, и смятенный взгляд Гаутамы случайно упал на фигуру человека, сидевшего у дороги, который стонал и раскачивался из стороны в сторону. Этот человек был весь покрыт гноящимися ранами. Измученный болезнью, он со стонами отрывал желтые струпы от своего тела.

Юный Гаутама был потрясен до глубины души. С болью в сердце — возможно, что и физической — он продолжал путь, задавая себе множество вопросов. Должен ли человек страдать? Приходит ли страдание ко всем? Неизбежно ли оно? Он посмотрел на слугу. Тот как ни в чем не бывало правил лошадью. «Почему он так спокоен?» — удивленно подумал принц. Слуга оставался совершенно безразличным к происходящему, будто такие сцены были привычны для него. Гаутама понял, что скрывал от него отец.

Они двинулись дальше. Ошеломленный Гаутама был не в состоянии отдавать приказания. Но рок или судьба еще не закончили свои игры с ним. От восклицания Гаутамы лошади остановились — у края дороги лежал обнаженный труп, раздувшийся под лучами немилосердно палящего солнца. Удар хлыста — и туча мух, облепивших разлагающееся тело, поднялась в воздух. Обесцвеченное и смердящее тело полностью предстало перед взором юноши. Пока он смотрел, мухи выползали изо рта мертвеца, жужжали и заползали обратно.

Первый раз в жизни Гаутама увидел смерть и узнал, *что* в конце ждет всех. Не говоря ни слова, юноша подал слуге знак возвращаться. Он сидел, думая о скоротечности жизни, о красоте человеческого тела, которая все же должна увянуть. «Почему красота так мимолетна?» — не мог понять он.

Колеса катили по дороге, поднимая за собой клубы пыли. Юный принц сидел, погруженный в мрачные, угрюмые мысли. По воле случая (или судьбы), он выглянул и увидел хорошо одетого, безмятежного монаха, шагавшего по дороге. Этот спокойный и уравновешенный монах излучал ауру внутреннего согласия, благополучия и любви к людям. Гаутама, пораженный до глубины души всем увиденным ранее, испытал еще одно потрясение: неужели спокойствия, удовлетворенности, уравновешенности и остальных добродетелей можно достичь, отказавшись от повседневной жизни и посветив себя религии? Неужели для этого достаточно стать монахом или членом какого-нибудь мистического ордена? Так он решил стать монахом. Он решил отказаться от жизни во дворце, от всей той роскоши, в которой купался до сих пор.

Отец был непреклонным и негодовал, мать плакала и умоляла. Слугу изгнали из королевства. Гаутама сидел в комнате в одиночестве и размышлял, постоянно возвращаясь мыслями к увиденному. Он размышлял о том, что если так много открылось ему во время короткого путешествия — его единственного путешествия, — то сколько несчастий случается на самом деле в этом мире. Он отказался от еды и сидел в тоске и унынии, не зная, что ему делать, как вырваться из дворца, чтобы стать монахом.

Отец всячески старался сделать так, чтобы грусть и беспокойство покинули юного принца. Лучшим музыкантам было приказано постоянно играть, чтобы юноша не мог в

тишине предаваться своим мыслям. Фокусники, акробаты и придворные актеры старались как могли. По всему королевству ездили гонцы и собирали во дворец самых прекрасных девушек, которые владели изощренным искусством любви. Это делалось в надежде, что, увлеченный ими, Гаутама позабудет наконец о своем унынии.

Музыканты продолжали играть до тех пор, пока не выбились из сил. Девушки исполняли свои эротические танцы, пока и они не свалились от усталости. Только тут Гаутама обратил на них внимание. Он с ужасом взирал на неуклюжие позы лежащих музыкантов. Потрясенный, он смотрел на побледневших от усталости обнаженных девушек. Когда с их лиц исчез здоровый румянец, косметика казалась до уродливости яркой.

Еще раз он осознал, как скоротечна и преходяща красота, как быстро она исчезает, как грустна и мимолетна жизнь, как кричаще и безвкусно выглядят женщины, когда их танцы подходят к концу. Он решил бежать, решил бежать от всего, что знал, в поисках успокоения, где бы оно ни находилось.

Его отец удвоил, а затем утроил охрану дворца. Мать рыдала в истерике. Его жена — несчастная женщина — потеряла сознание, а все девушки дворца, словно сговорившись, рыдали в один голос. Маленький сын Гаутамы был еще младенцем и не мог понимать, что происходит вокруг, однако он тоже плакал, глядя на окружающих. Королевские советники беспомощно разводили руками и изливали потоки никому не нужных слов.

Несколько дней Гаутама обдумывал план будущего побега. Охранники во дворце хорошо его знали. Однако люди в королевстве не знали его вообще, потому что он редко покидал дворец. Наконец, когда он был на грани отчаяния, разум подсказал ему, что нужно перехитрить лишь нескольких охранников. От одного верного слуги, который был щедро вознагражден и немедленно покинул королевство, он получил старую изорванную одежду, какую носят только нищие. И вот однажды в сумерках, перед тем, как ворота замка должны были закрыться на ночь, он надел эту одежду, взъерошил волосы, испачкал лицо и руки грязью и выбрался за город вместе с толпой нищих, которых выгоняли на ночь.

Он ушел в лес, подальше от основных дорог, подальше от людей. Он очень боялся, что неопытность в повседневной жизни выдаст его. Всю ночь он брел, стараясь добраться до границ отцовского королевства. Он не боялся ни тигров, ни других диких животных, рысущих в ночи; всю свою жизнь он был настолько огражден от любых тревог, что даже не подозревал о существовании этой опасности.

Тем временем в замке его побег был обнаружен. Было обыскано все здание, все окрестности и парки. Король метался и отдавал распоряжения. Повсюду в готовности стояли вооруженные охранники. Однако поиски не увенчались успехом, и все отправились спать, чтобы с рассветом их продолжить. Король был разгневан не на шутку, о чем можно было судить по воплям и плачу, которые доносились из дворца.

Гаутама пробирался по лесу, по возможности избегая встреч с людьми и не отвечая ни на чьи вопросы. Он питался зернами, ягодами и плодами, а жажду утолял водой из холодных чистых источников. Однако вскоре рассказы о странном бродяге, который ведет себя очень необычно, достигли дворца. Слуги короля отправились на поиски, но не смогли обнаружить беглеца — Гаутама прятался в чащобе, куда всадники на лошадях не могли пробраться.

Отчаявшись, король приказал всем танцовщицам отправиться в лес на поиски Гаутамы и заманить его обратно в замок. Много дней они расхаживали по лесным просекам, стараясь попасться на глаза Гаутаме, и исполняли свои самые соблазнительные танцы. Дойдя в конце концов до границ королевства, Гаутама перестал скрываться.

— Я отправляюсь на поиски духовного мира и никогда не вернусь, — сказал он родным.

Жена пала перед ним, держа ребенка на руках. Но Гаутама не обратил внимания на

ее мольбу. Он развернулся и продолжил свой путь».

Индийский Учитель продолжал историю, которую мы знали не хуже его:

— На почве прогнившего индуизма возникла новая религия. Это было учение, которое могло вселить надежду и даровать покой. На этом мы закончим наше занятие и вернемся к разговору о Гаутаме после перерыва. А сейчас все свободны!

Ученики поднялись и, уважительно поклонившись Учителю, вышли из комнаты. Мне же было не до этого. Я обнаружил, что мантия у меня оказалась приклеенной к ране на ноге запекшейся кровью. Учитель вышел, так и не взглянув на меня. Ощущая сильную боль, я сидел и не знал, что мне делать. Вошел старый хромой монах и удивленно посмотрел на меня.

— Я видел, как ушел Учитель и пришел вымыть пол, — сказал он.

— Что с тобой?

Я рассказал ему, как открылась моя большая рана, как из нее потекла кровь, и как я старался «заклеить» ее своей мантией.

— Тс-с! Тс-с! — прошептал старик и убежал так быстро, как только мог на своих больных ногах. Вскоре он вернулся с врачом.

Боль жгла подобно пламени. Казалось, что с меня сдирают кожу.

— Эх, сынок, — сказал врач, — видно, ты родился для неприятностей.

Затем он посмотрел на меня и пробормотал:

— И все-таки, почему некоторые из этих Учителей настолько грубы, бесчувственны и ничего не понимают?

Он закрепил у меня на ноге травяной компресс и помог мне подняться.

— Теперь тебе будет лучше. Я дам тебе новую мантию, а эту выброшу.

— О! Господин врач! — воскликнул я испуганно, а колени у меня затряслись от страха. — Я не могу надеть новую мантию, потому что все тогда будут думать, что я новичок, который был совсем недавно принят в монастырь. Лучше уж я оставлю себе эту.

Старый врач засмеялся и сказал:

— Пошли со мной, мой мальчик, пошли. Вместе придумаем, что нам сделать, чтобы справиться с этим затруднением.

Вместе мы прошли по коридору туда, где находился кабинет врача. Столы, ниши и полки в нем были заполнены травами, порошкообразными минералами и предметами, которых раньше я никогда не видел. Тибетцы обращаются за медицинской помощью только в крайнем случае. Мы никогда не пользуемся аптечками первой необходимости. Во всем мы полагаемся на заботу Природы!

Конечно, мы вправляем вывихнутые суставы и зашиваем глубокие раны. Для этой цели используется хорошо прокипяченный, длинный конский волос. Чтобы зашивать очень глубокие раны, мы используем длинные волокна измочаленного бамбука. Бамбук применяется также в качестве дренажной трубки, которая вставляется в тело, когда требуется отвести гной из внутренних полостей. Чистый, вымытый мох сфагнум способствует заживлению ран, если его использовать в качестве пористого материала для компрессов, применяя вместе с травяными мазями или без них.

Врач отвел меня в ту часть комнаты, которой я сразу не заметил. Из кучи старых и заштопанных мантий он вытащил одну. Она была чистой, в нескольких местах аккуратно зашитой и сильно полинявшей. У меня загорелись глаза, когда я представил себе, что в этой мантии я буду выглядеть как человек, живущий в монастыре уже очень давно. Врач предложил мне раздеться. Я подчинился, и он еще раз осмотрел мои раны.

— Гм! Ты слишком худой. В твоем возрасте следовало бы весить больше. Сколько тебе лет? Я ответил.

— Да? Мне казалось, что ты на три года моложе. Гм! Да *ты* уже настоящий мужчина! Попробуй, надень эту мантию.

Я выпятил грудь и старался стоять прямее, чтобы выглядеть больше и выше, но ноги не слушались меня. Мантия была слишком велика для меня, и я старался скрыть это.

— Ничего, — сказал врач. — Ты еще немножко подрастешь, и она придется тебе как раз впору. Она твоя. До свидания!

Было время обеда, и поэтому я торопился поесть до начала дневных занятий. Я уже потерял много времени и теперь, придя на кухню, сбивчиво объяснил, что со мной произошло.

— Ешь, ешь, мальчик, — сказал дружелюбный, измазанный сажей повар, щедро наполняя мою чашку.

Солнечный свет вливался в окно. Я стоял, упираясь локтями в оконную раму, ел и выглядывал на улицу. Внизу стоял монах, и я почувствовал непреодолимое желание выплеснуть на него из чашки немного тсампы. Искушение было столь сильным, что я не удержался и подшутил над этим ничего не подозревающим человеком.

— Еще, парень? — спросил повар с некоторым удивлением. — Еще?! Похоже, что ты неделю не ел, или, быть может, ты пытаешься накормить кого-то за окном?

Наверное, я выглядел виновато, потому что он раскатисто рассмеялся и предложил:

— Давай я тебе насыплю в чашку золы?

Мое веселье не могло продолжаться вечно. В чашке больше ничего не было. Внизу же толпа раздраженных монахов вытирала свои испачканные макушки и подозрительно оглядывалась. Один из них даже направился на кухню. Я поспешно выскользнул в коридор и принял самый беззаботный вид. Повернув за угол, я увидел, что мне навстречу направляется возбужденный монах. Он не был уверен, видел ли он снизу именно меня.

— Покажи мне свою чашку, — прорычал он. Приняв как можно более невинный вид, я вытащил чашку из своей мантии и протянул ее для осмотра.

— Что-нибудь не так, сэр? — спросил я, — Это действительно моя чашка.

Монах тщательно обследовал чашку в поисках следов сажи, которые я предусмотрительно удалил. Он уставился на меня с нескрываемым подозрением, а затем, возвращая мне чашку, сказал:

— О! Да ты тот самый калека. Ты не можешь влезть на крышу. Кто-то оттуда сыплет вниз золу. Я поймаю его!

С этими словами он повернулся и бросился туда, где была лестница на крышу. Я глубоко вздохнул и зашагал прочь.

Позади меня раздался смех и голос повара:

— Отлично, мальчик! Тебе бы быть актером. Не бойся. Я тебя не выдам, ведь тогда мне тоже придется отвечать.

Он обогнал меня и поспешно пошел дальше, видимо, торопясь куда-то по делам. Я неохотно продолжил свой путь в класс, где проходили занятия. Оказалось, что я пришел сюда первым. Опираясь на подоконник, я стоял у окна и смотрел наружу. Мне всегда нравилось осматривать окрестности с высоты, видеть нищих у Парго-Калинг и испытывать никогда не проходящий трепет от созерцания ослепительно сверкающих вдали снежных вершин. Я мог проводить часы и дни напролет, не сводя с них глаз.

Вокруг Лхасы горы описывали громадную букву «U» — это были могучие Гималаи, которые образуют главный хребет континента. Часто на досуге я занимал себя тем, что подолгу разглядывал открывающийся вид. Выбеленные стены Поталы подо мной незаметно переходили в настоящую скалу, которая когда-то, много лет назад была вулканом.

Белизна рукотворного сооружения переходила в коричневатую серость горы. Никто не мог сказать, где заканчивалось одно и начиналось другое — так удачно они были сплавлены вместе. Нижние склоны горы были покрыты мелким кустарником. Мы, мальчики, часто играли там, вдали от взрослых. Еще ниже располагались строения деревушки Шо. Здесь находились здания суда, правительственных учреждений, типографии, службы регистрации населения и тюрьмы.

С этих склонов открывался вид на долину, которая походила на оживленную сцену. Паломники приходили сюда по Пути Пилигримов. Они надеялись, что, ступив на эту

землю, они получают силу и исцеляются. Иногда они простирались ниц, а затем проползали несколько футов и снова растягивались на земле. Все это, конечно, выглядело весьма причудливо с той высоты, на которой я находился. Какие-то монахи энергично шныряли между домами, — должно быть, прокторы ищут там беглеца. Ламы верхом на лошадях чинно направлялись по своим делам. Настоятель со своей свитой свернул на нашу дорогу и медленно двинулся в сторону главного входа. Группа предсказателей, занятая бойкой торговлей, расхваливала возможности своих гороскопов: «Их благословил сам господин Настоятель. Они обязательно принесут вам удачу!»

Мое внимание привлекла зелень ив у придорожного пруда. Легкий ветерок мягко раскачивал ветви. Вода отражала проносящиеся облака и меняла цвет всякий раз, когда мимо проходил пешеход. Один предсказатель обосновался на берегу этого пруда. Он утверждал, что может «читать будущее своих клиентов в священной воде у подножия Поталы». Торговля и вправду шла бойко!

Вокруг Парго-Калинг толпились люди. Повсюду были воздвигнуты небольшие прилавки, и с них странствующие торговцы продавали пищу и сладости паломникам. Один из лотков был завален разнообразными амулетами и очаровательными шкатулками. Бирюза и золотые орнаменты ярко сверкали в лучах солнца. Бородатые индийцы с блестящими глазами бродили вокруг в ярких тюрбанах, выискивая дешевые товары и стараясь выторговать себе побольше сувениров.

Напротив возвышался монастырь Чакпори — Железная Гора. Он был немного выше Поталы, но зато не так богато украшен и не так основательно застроен. Чакпори был строгим на вид, а местами даже серым и мрачным. Чакпори был Чертогом Исцеления, тогда как Потала был Жилищем Богов. За Чакпори искрящиеся и смеющиеся воды Счастливой Реки прокладывали себе путь к Бенгальскому заливу.

Немного прищурившись, я сквозь пелену, застилающую глаза, разглядел лодочника, который перевозил пассажиров на другой берег. Его надувная лодка, сделанная из шкуры яка, всегда завораживала меня, и мне иногда начинало казаться, что намного лучше быть лодочником, чем малолетним послушником в большом монастыре. Однако у меня не было никаких шансов стать лодочником. Это я прекрасно знал. Сначала мне надо было покончить со своей учебой. И вообще, разве кто-нибудь слышал о монахе, который стал лодочником?

По левую сторону отраженными солнечными лучами слепили глаза золотые купола Йо-Канга — одного из соборов в Лхасе. Я смотрел на Счастливую Реку, которая протекала по болотистой долине и мерцала сквозь ивовые заросли, ласково журча под прекрасным Бирюзовым Мостом. Мой взгляд легко скользил по этой мерцающей серебряной полоске, которая вдалеке уменьшалась, неся свои воды по плоским низинам.

День был оживленным. Высунувшись из окна и рискуя выпасть, я увидел еще нескольких торговцев, бредущих сюда по высокогорным тропам. Очевидно, они пришли сюда из Дрепунга. Я хотел разглядеть их получше, однако вскоре они скрылись из виду. Я вспомнил, что вот-вот должны начаться занятия.

Склоны гор были усеяны монастырями. Одни монастыри были большими и находились на полном самообеспечении. Другие же были маленькими и казались прилипшими к склонам крутых скал. Самые крохотные были расположены в труднодоступных местах и служили приютом для монахов, отказавшихся от мира и решивших провести остаток жизни, затворившись в кельях.

Неужели это так хорошо, — всегда недоумевал я, — быть полностью отрезанным от мира? Неужели кому-то будет легче от того, что молодой здоровый мужчина укрывается от всех, чтобы провести около сорока лет в полной темноте и абсолютной тишине? Почему для того, чтобы разорвать оковы плоти, нужно медитировать всю жизнь вдали от людей? Как странно, что эти люди добровольно лишают себя возможности постраниковать, поговорить с друзьями и едят всего лишь раз в несколько дней.

Глава 3 Ожидание Наставника

Я думал о своем Наставнике, ламе Мингьяре Дондупе, который неожиданно был вынужден уехать в далекий Пари. Я думал о всех тех проблемах, которые появились у меня в его отсутствие, и о том, что только он один может мне помочь. Однако завтра он уже будет здесь, и тогда я с радостью вернусь в Чакпори. Здесь в Потале было слишком много церемонности, слишком много напыщенности. Да! Множество вопросов тяготило меня, и мне не терпелось узнать на них ответы.

Через некоторое время мое внимание привлек нарастающий шум. Звуки были такими громкими, что мне показалось, будто приближается стадо яков. В класс ворвалась гурьба мальчишек; их игра требовала от них носиться по коридору, подобно якам. Я осторожно пробрался в глубину комнаты и сел, прислонившись к стене, подальше от резвящихся ребят.

С радостными криками, в развевающихся мантиях, они носились по классу и прыгали друг за другом. Вдруг раздалось громкое «Бум!», сопровождаемое чьим-то сдавленным вздохом. В классе воцарилась мертвая тишина. Все замерли и стали похожи на статуи. Мой испуганный взгляд остановился на Индийском Учителе, который с потрясенным видом сидел на полу, скосив глаза, в которых отразилась растерянность.

— Пришла очередь его чашки и ячменя вывалиться из мантии, — с ликованием подумал я.

Он осторожно пошевелился, а затем, дрожа, поднялся на ноги, ухватился за стену и огляделся по сторонам. Я был единственным, кто сидел и, очевидно, не имел никакого отношения к происходившему. О! Как прекрасно чувствовать, что у тебя совершенно чистая совесть. Я был переполнен сознанием собственной порядочности.

На полу лежал оглушенный и оцепеневший от страха мальчик, который имел неосторожность с разбегу удариться в узкую грудь Индийского Учителя. Из носа мальчика текла кровь, но индеец бесцеремонно пнул его ногой.

— Вставай! — прорычал он.

Нагнувшись, он схватил мальчика за ухо и поднял с пола.

— Неблагодарный, противный, маленький тибетский мерзавец, — кричал он, шлепая мальчика по ушам, — я научу тебя, как нужно относиться к индийским джентльменам! Я выучу тебя йоге, которая умертвит твою плоть и освободит дух!

Я подумал, что нужно будет спросить у Наставника, почему многие из этих великих Учителей ведут себя так жестоко.

Наконец рассвирепевший Учитель перестал колотить мальчишку и сказал:

— Я проведу с вами удлинённый урок. Я покажу вам, что нужно учиться, а не дурачиться. Итак, приступим.

— Однако, господин преподаватель, я здесь совсем ни при чем, я не должен оставаться со всеми, — сказал я.

Индеец повернул ко мне свирепое лицо:

— Ты! Ты здесь хуже всех. То, что ты покалечен и беспомощен, совсем не освобождает тебя от наказания за твои мысли. Ты останешься вместе со всеми!

Он собрал рассыпавшиеся листы. Мне было жалко смотреть, как прекрасная кожаная сумка с ручкой сверху и сверкающей застёжкой поцарапалась в результате падения на твердый каменный пол. Индийский Учитель заметил это и прорычал:

— Кто-то дорого заплатит за это. Я потребую возмещения у Настоятеля Поталы.

Он открыл портфель и тщательно осмотрел его содержимое, приводя все в порядок. Через некоторое время он сказал:

— Мы остановились утром на том, что Гаутама отказался от жизни во дворце и решил посвятить себя поискам Истины.

Затем он продолжил начатый рассказ.

«...Гаутама покинул дворец своего отца, находясь в полном смятении. Внезапное

открытие перевернуло его мировоззрение. Он увидел болезнь, не зная ничего о болезни. Он увидел смерть, не ведая о том, что это такое. И, наконец, он увидел полную уравновешенность и удовлетворенность. Человек, обладавший таким умиротворенным видом, носил монашескую мантию. Это заставило Гаутаму предположить, что спокойствие и умиротворенность можно приобрести вместе с монашеским одеянием. Поэтому дальнейшие поиски смысла жизни и внутреннего равновесия протекали именно в этом направлении.

Он уходил все дальше и дальше от королевства, которым правил его отец, надеясь встретить где-нибудь просвещенных монахов и всезнающих отшельников. Через некоторое время он обучился у лучших Учителей всему, что они могли ему дать. Заканчивая обучение у очередного Учителя, он в поисках нового знания отправлялся дальше. Он желал обрести самый драгоценный дар на земле — душевное спокойствие и умиротворение.

Гаутама был очень способным учеником. Он не был обделен талантами, однако больше всего он отличался от других тем, что обладал ясным сознанием. Он был способен воспринимать информацию и упорядочивать ее, отбрасывая все бесполезное и оставляя лишь суть, на основе которой можно было сделать полезный вывод.

Один из великих Учителей, пораженный проницательностью ума Гаутамы, предложил ему стать наставником младших учеников. Но Гаутаме это было чуждо. Он считал, что не сможет никого обучать, пока сам не достигнет полного понимания. Как он может учить других, если сам еще не нашел Истины? Он изучил пророчества и комментарии к пророчествам, но все это дало ему лишь некоторое спокойствие, тогда как осталось множество других вопросов и проблем, не ответив на которые, Гаутама не мог считать свой поиск законченным. Поэтому он отправился дальше.

Гаутама был одержим; это был человек с пылающей душой, которая не давала ему покоя, постоянно побуждая его к поиску знаний, поиску Истины. Однажды один отшельник убедил его, что только аскетическая жизнь может принести успокоение. Гаутама радостно ухватился за эту идею. Долгое время он жил, забыв о материальном мире, о мирских удовольствиях, жил только поиском смысла самой жизни. С каждым днем он заставлял себя есть все меньше и меньше и, как гласит предание, в конце концов был способен обходиться одним зернышком риса в день.

Он проводил все свое время в глубочайшей медитации, оставаясь неподвижным в тени смоковницы. Жесткая диета подорвала его здоровье, он был изможден голодом и недостатком элементарной заботы о себе. Долгое время он находился на грани смерти, но просветление не приходило к нему. Он все еще не знал секрета успокоения. Он все еще не нашел смысла жизни.

Некоторые друзья собрались вокруг него во время голодания. Им казалось сенсацией то, что этот человек может прожить, питаясь одним зернышком риса в день. Они рассчитывали получить для себя какую-то выгоду от общения с этим выдающимся человеком. Однако все эти друзья бесславно покинули его в нужде. Один за другим они бросили Гаутаму погибать от голода, отправившись на поиски новых сенсаций. Гаутама же снова остался один, освободившись от этих ненадежных друзей, от всех своих последователей. Он по-прежнему продолжал размышлять о смысле жизни.

В жизни Гаутамы наступил поворотный момент. Многие годы он практиковал йогу, которая умерщвляла плоть и освобождала дух от оков тела. Но сейчас эта йога была бесполезной для него. Она была лишь средством для управления непослушным телом и не способствовала духовному развитию. Гаутама понял также бесполезность продолжения аскетической жизни. Аскетическая жизнь могла привести лишь к смерти, оставив неразрешенными вопросы, которые не давали ему покоя.

Его дух был озарен тем, что открылось ему при выходе на астральный план во время медитации. Он достиг просветления и помнил все, что увидел в астральном мире. Теперь он был освобожден от несчастий, сопровождающих земную жизнь, освобожден от

возвращения на Землю в нескончаемом круговороте рождения, становления и смерти. Он обрел знание о причинах человеческих страданий, об их природе. Он понял, как прекратить эти страдания.

С этого момента Гаутама стал пробудившимся Гаутамой, или Буддой Гаутамой. Он задумался снова. Ему хотелось понять, что делать дальше. Раньше он страдал и учился сам. Должен ли он теперь учить других, или нужно позволить им самим найти ответ с помощью тех средств, которые он использовал? Он сомневался, поверит ли кто-нибудь в реальность того переживания, которое так сильно потрясло его. В конце концов он решил, что единственный приемлемый для просветленного образ жизни — это помогать другим, рассказывая им о просветлении, которое низошло на него.

Поднявшись на ноги и взяв с собой немного пищи и воды, он отправился в путь к Бенаресу. Там он надеялся найти пятерых своих последователей, которые оставили его, когда он больше всего нуждался в их помощи.

В результате путешествия, длившегося довольно долго, — ведь Гаутама был еще очень слаб — он наконец попал в Бенарес, где встретил тех, кого искал. Он поговорил с ними и поведал им обо всем, что ему довелось испытать. Его рассказ вошел в историю как «Проповедь о вращении колеса закона».

Он рассказал своим слушателям о причинах и природе страдания. Он также поведал им о том, как избежать страданий, и изложил основы религии, которая известна в наши дни под названием буддизм. Буддизм — это религия для тех, кто ищет пробуждения.

Итак, Гаутама чувствовал голод. Я чувствовал голод тоже! Мне хотелось, чтобы Учитель с пониманием отнесся к этому. Мы никогда не ели вдоволь. У нас никогда не хватало времени на самих себя. Однако голос Учителя продолжал монотонно вещать, тогда как время тянулось нестерпимо долго. Мы были голодными, уставшими, и поэтому нам было трудно понять всю важность того, о чем он говорил.

Мальчик, столкнувшийся с Учителем, сидел недалеко от меня и громко сопел. Его нос был явно поврежден, а возможно, и сломан, но он сидел, стараясь пальцами остановить кровотечение и не дать Учителю повода для новой вспышки гнева. Я не мог понять, почему Учитель ведет себя так. Почему те, в чьей власти проявить милосердие, участие и понимание, поступают как садисты? Я решил, что как только приедет мой Наставник, я постараюсь лучше разобраться в этом вопросе, который не давал мне покоя.

Я с удовольствием обратил внимание на то, что Индийский Учитель выглядит немного уставшим. Он тоже почувствовал голод и захотел пить, однако продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу. Все, кроме меня, сидели на полу, скрестив ноги и расположившись несколькими ровными рядами. Я старался выглядеть как можно скромнее. Обычно учителя прохаживались за нашими спинами, так что мы не могли знать, где находится учитель в данный момент. Но Индийский Учитель стоял прямо перед нами, глядел в окно, рассматривал тени, пробегающие по земле, и следил за тем, как проходит время. Наконец ему это тоже надоело, он повернулся к нам лицом и сказал:

— Хорошо! Сделаем перерыв. Вы слишком рассеяны и не уделяете должного внимания моим словам, которые могут повлиять на всю вашу жизнь и открыть для вас вечность. Сделаем получасовой перерыв. Вы свободны и можете воспользоваться этим временем, чтобы поесть. Затем возвращайтесь сюда, и я подведу итог своему рассказу.

Он быстро запихнул листы в свою кожаную сумку. «Клик!» — благозвучно защелкнулась она, и Учитель вышел. Его желтая мантия колыхалась. Мы сидели, удивляясь внезапности того, что случилось. Наконец все оживились и вскочили на ноги. Один я поднялся с трудом. Мои ноги не гнулись. Держась за стену, я осторожно переставлял их одну за другой. Кое-как я доплелся до владений дружелюбного повара и пожаловался ему на то, что мне, абсолютно невинному мальчику, пришлось пострадать из-за грехов остальных.

Повар улыбнулся и сказал:

— А как насчет того парня, который сыпал золу из окна? Не свидетельствует ли этот случай о том, что плохая карма рано или поздно обязательно настигает человека? И неужели, если бы ноги у тебя были целы, ты бы не был заводилой шалунов?

Он снова добродушно улыбнулся. Это был замечательный старик.

— Ну, давай! Ты должен хорошо поесть и успеть вернуться, пока этот брюзга опять не вышел из себя.

Я приступил к обеду. Я ел то же, что на завтрак и на обед. Это была тсампа. Я ел ее на протяжении многих лет.

Мы, тибетцы, никогда не носили часов. Когда я жил в Тибете, я даже не подозревал об их существовании. Однако что-то внутри нас точно подсказывало нам время. Люди, которые больше полагаются на себя, чем на механические приспособления, способны развить в себе некоторые довольно необычные способности. Так, например, я и мои друзья могли определять время с точностью, которой позавидовали бы обладатели наручных часов. Как раз перед тем, как прошли отведенные полчаса, мы возвратились в класс, ступая осторожно и тихо, как мыши, хорошо поевшие зерна в кладовых.

Мы вошли в класс в строгом порядке все, кроме мальчика с разбитым носом. Он, бедняга, ушел в лазарет, где обнаружили, что нос у него сломан. Мне поручили отдать индийскому Учителю расщепленный прут, в который была вставлена записка, объясняющая, почему мальчик — ныне пациент — отсутствует на занятиях.

Все сели и стали ждать. Я стоял, прислонившись к стене, держа в руке прут и слегка поигрывая колышущимся листочком бумаги. Внезапно в дверях появился Учитель. Он сердито оглядел всех и повернулся ко мне.

— Эй, мальчишка! Что ты здесь делаешь, играя со своим прутком? — крикнул он.

— Сэр! — ответил я с некоторым трепетом. — Я принес послание от Врачевателя.

Я протянул прут в его направлении. Сначала мне показалось, что он замешкался и не знает, что делать дальше. Вдруг он вырвал прут у меня из рук так резко, что я чуть было не упал. Выбросив прут, он развернул лист и прочитал его. Пока он читал, его злоба усиливалась. Затем он смял лист и бросил его на пол. Для нас, тибетцев, это было большим оскорблением. Мы относились к бумаге с необычайным трепетом. Ведь именно с помощью бумаги мы могли изучать историю. А этот человек, этот индийский дикарь, бросил священную бумагу на пол!

— Ну, что же ты стоишь, вытаращив глаза?

Я смотрел на него и «таращил глаза», потому что не видел никакого смысла в его поведении. Если он — Учитель, подумал я, тогда я никогда не буду учителем. Он грубо принудил меня отвернуться и сесть. Я повиновался. Он снова стал перед нами и продолжил рассказ.

«...Гаутама открыл новый путь приближения к реальности, который назвал Серединым Путем. Жизненный путь Гаутамы носил определенно двоякий характер. Он был наследным принцем и жил среди большой роскоши и комфорта, окруженный танцовщицами (глаза Учителя странно заблестели). Он мог позволить себе питаться изысканными блюдами и развлекаться, как подобает молодому принцу. Впоследствии он испытал крайнюю нищету, страдания и чуть было не погиб от лишений и голода. Гаутама ясно осознал, что ни богатство, ни нищета не дают разрешения внутренних проблем человека. Поэтому ответ находится где-то *между* ними.

Буддизм часто воспринимается как религия, но это не религия в прямом смысле этого слова. Буддизм — это путь жизни, это ориентир, следуя которому, человек может добиться определенных результатов. Буддизм только условно может быть назван религией, и для тех из нас, кто является истинным буддистом, термин «религия» неверен. Правильнее будет называть это учение Серединым Путем.

Буддизм основывается на учениях индуизма. Индуистские философы и религиозные учителя утверждали, что путь к самопознанию и познанию духа, а также

задачи, стоящие перед человечеством, напоминают движение по лезвию бритвы, когда малейший наклон в ту или другую сторону может привести к падению.

Гаутама знал все индуистские учения, так как в начале жизни исповедовал индуизм. Однако благодаря своей настойчивости он открыл Серединный Путь.

Слишком категорическое самоотрицание есть ошибка. Оно может привести к искаженному взгляду на жизнь. Настолько же плохо идти на поводу у собственных желаний. Здесь полезно помнить о правилах настройки струнного инструмента. Можно перетянуть струну настолько, что при малейшем прикосновении она лопнет. Очевидно, что в этом случае вряд ли уместно говорить о гармонии.

Столь же плохой результат будет сопутствовать нам, если мы полностью ослабим натяжение струн. Гармонии можно достичь лишь тогда, когда все струны натянуты достаточно жестко, но не чересчур. Так обстоит дело и с человеком — слишком много страданий и чрезмерные удовольствия нарушают гармонию.

Гаутама ввел понятие Серединного Пути и открыл принципы, с помощью которых каждый может достичь счастья. Он говорил, что счастье найдет только тот, кто его ищет.

Один из первых вопросов, которые задает человек: «Почему я несчастен?» Это очень распространенный вопрос. Задав себе этот вопрос, Гаутама много размышлял, думая о сути вещей. Он пришел к выводу, что страдания испытывает даже новорожденный. Рождаясь, ребенок плачет от боли и дискомфорта, потому что вынужден покинуть уютный и безопасный мир, к которому привык. Ребенок плачет всякий раз, испытывая неудобства. Подрастая, он находит другие способы заявить о своих неприятностях, об отсутствии удовлетворения и наличии страданий. Но ребенок не задумывается над тем, почему он плачет. Он просто плачет. Он просто реагирует, подобно автомату. Одни причины заставляют человека плакать, другие — смеяться, но страдание и боль осознаются только в том случае, когда люди задумываются над их причинами.

Исследования показывают, что большинство людей начинают глубже ощущать страдания в возрасте десяти лет, когда задумываются над тем, почему они должны страдать. Гаутама задал себе этот вопрос, когда ему было тридцать лет; до этого времени родители делали все, чтобы уберечь его от любых проявлений страдания. Люди, которые были во всех отношениях защищены и окружены заботой, незнакомы с несчастьями, и поэтому, когда страдание по-настоящему входит в их жизнь, такие люди оказываются неподготовленными к этому и часто подвергаются душевным или нервным срывам.

Каждый человек когда-нибудь сталкивался со страданием. Каждый испытывал физическую или душевную боль. Без боли на нашей Земле невозможно обрести знание, невозможно очиститься от грязи, которая засоряет человеческую душу.

Нельзя сказать, что Гаутама основал новую религию. Учение Гаутамы и его вклад в общечеловеческое знание сфокусированы на проблеме страдания и счастья. Во время своей медитации, когда все животные хранили молчание, стараясь не мешать ему, когда улитки охлаждали его обожженную голову, Гаутама осознал, что такое боль, осознал, в чем причина страдания, и понял, каким образом их можно избежать. Он научил этому пятерых своих последователей. Его учение выразилось в четырех принципах, на которых основываются все буддистские писания. Речь идет о Четырех Благородных Истинах, изучением которых мы займемся позже.

Скоро опустился ночной сумрак, и темнота стала такой, что мы с трудом могли видеть друг друга. Силуэт индийского Учителя неясно вырисовывался на фоне окна в слабом свете звезд. Он продолжал говорить, забыв или просто не обращая внимания на то, что нам пришло время отправиться на ночную службу. Служба должна была состояться в четыре, а затем в шесть часов утра.

Наконец он решил, что уже достаточно устал, и что, возможно, попусту тратит время. Стоя в темноте спиной к окну, он не мог видеть нас, не мог точно определить, слушаем ли мы его внимательно, или же просто спим в сидячем положении.

Внезапно он ударил ладонями по кафедре, произведя оглушительный звук. Этот

звук был настолько неожиданным, что мы подпрыгнули от страха и стукнулись о пол коленями. Кое-кто из нас даже вскрикнул.

Индийский Учитель постоял еще некоторое время, оглядывая нас.

— Теперь все свободны, — только и сказал он, выходя из комнаты.

Ему было проще, он был гостем и обладал особыми привилегиями. Никто не мог ему приказывать. Он мог отправиться сейчас к себе в комнату и провести остаток ночи так, как ему вздумается. Нам же предстояло отправиться в храм на богослужение.

Мы с трудом поднялись на ноги и, спотыкаясь, вышли из темного класса в еще более темный коридор. Занятия никогда не заканчивались так поздно, и свет уже был погашен. Коридоры были хорошо нам знакомы, и мы без труда вышли в главный холл, освещенный обычным мерцанием масляных ламп. Лампы располагались в стенных нишах на уровне головы. Два монаха постоянно наполняли их маслом и поправляли фитили, которые плавали на поверхности.

Мы едва дотащились до своей спальни и без излишней суеты повалились на пол, чтобы хоть немного поспать, прежде чем звуки фанфар известят нас о начале ночного богослужения.

Глава 4 Чудотворец поневоле

Я лежал, притаившись на вершине высокого вала и рассматривал открывшийся вид. Ноги у меня болели так, словно их жгло адское пламя. Я боялся, что они снова начнут кровоточить. Для того чтобы оглядеть весь горизонт, мне пришлось встать, пересиливая боль и страх.

Здесь я чувствовал себя, будто на вершине мира. Выше я мог бы подняться лишь в том случае, если бы у меня были крылья или если бы мне удалось воспользоваться каким-то необычным воздушным змеем. Ветер кружил и завывал вокруг меня, теребя ритуальные флаги и гудя под крышами Золотой Гробницы. Мелкая черная пыль постоянно сыпалась дождем на мою незащищенную голову.

Рано утром я осторожно выбрался из спальни и, дрожа от страха, стал осторожно пробираться по безлюдным коридорам. Останавливаясь и прислушиваясь к малейшему шороху, я в конце концов добрался до Священной Крыши, на которую позволялось выходить только Высочайшему и его ближайшим друзьям.

Оставаться на крыше было очень опасно. Мое сердце бешено колотилось от одной мысли, что меня могут поймать, и я буду изгнан из монастыря с ужасным позором. Изгнан? Что я буду тогда делать? На некоторое время меня охватила паника, я даже собрался бежать к себе на родину, в низинные районы. Здравый смысл остановил меня. Бежать сейчас, когда моя миссия еще не окончена, было бы настоящим поражением.

Буду изгнан с позором? Что же мне тогда делать? У меня нет дома. Перед моим уходом отец сказал, что его дом — больше не дом для меня и что я должен найти свой путь в жизни.

Мой блуждающий взгляд остановился на искрящейся поверхности Счастливой Реки. Я увидел смуглого лодочника в лодке из шкуры яка, и мне стало немного легче. Вот что я буду делать — я стану лодочником!

Для большей безопасности я пробрался дальше по Золотой Крыше; теперь меня заметят не сразу, даже если Высочайший и рискнет прийти сюда в такой ветер. Ноги у меня дрожали от напряжения, и к тому же давали о себе знать жажда и голод. Начавшийся дождь решил одну из моих проблем. Я наклонился и смочил губы в образовавшейся лужице.

Неужели он не приедет? Прикрыв глаза ладонью, я внимательно всматривался в удаленный горизонт. Вдруг со стороны Пари показалось маленькое облачко пыли! На мгновение я позабыл о боли в ногах и о постоянно угрожающей опасности быть замеченным. Двигаясь по долине, к Лхасе издали приближалась небольшая группа

всадников.

Ветер усилился, и облака пыли, не успев подняться из-под копыт, тут же уносились прочь. Я все смотрел и смотрел, прикрывая глаза от режущего ветра, стараясь не упустить ни одной детали.

Деревья гнулись под ветром. Листья отрывались и уносились вдаль, гонимые им. Озеро у Змеиног Храма больше не напоминало спокойное зеркало. Бурлящие волны вздымались и бешено неслись, чтобы разбиться о далекий берег. Птицы, привыкшие к такой погоде, предусмотрительно скрылись в своих убежищах. Развевающиеся на ветру полотнища ритуальных флагов с громкими хлопками бились в воздухе. Огромные трубы, закрепленные на крышах, хрипло гудели, когда в них дул ветер. Здесь, в самой высокой точке Золотой Крыши, можно было чувствовать необычные сотрясения и какое-то странное шуршание. Я видел, как ветер вырывает из-под старых балок клубы древней пыли.

Повинуясь неприятному предчувствию, я обернулся и увидел призрачную черную фигуру, приближающуюся ко мне. Липкие руки обхватили меня и сильно встряхнули. Я не успел ни вскрикнуть, ни перевести дыхание. Какая-то зловонная туча обволокла меня, и меня чуть было не стошнило от отвратительного запаха. Я не ощущал ничего, кроме звенящей темноты и невыносимой вони.

Меня пробрала дрожь. Неужели это расплата за все мои грехи? Злой дух напал на меня и, кажется, собрался утащить. О! Зачем я ослушался закона и проник на священную территорию? Теперь рукой самого провидения я буду наказан за свою непокорность. Ну уж нет! Я не собираюсь просто так сдаваться Дьяволу. Я буду сражаться с ним до последнего вздоха. Ослепленный паникой и гневом, я неистово дернулся и оторвал от Дьявола солидный кусок. Тут я все понял и с облегчением залился звонким истерическим смехом. То, чего я испугался, оказалось старым, прогнившим тентом из козлиной шкуры. Видимо, ветер и сбросил его на меня. Сейчас его остатки неслись в направлении Лхасы.

Буря заканчивалась. Последний сильный порыв, издав громкий вой, потащил меня по скользкой крыше. Чтобы удержаться, я пытался ухватиться руками за флюгер. Я старался подойти к краю крыши, однако продолжал раскачиваться, пока не очутился в протянутых руках изумленного ламы, который, открыв рот, смотрел на меня, будто я свалился с небес.

Шум и суета стихли внезапно — так всегда заканчивались бури в Лхасе. Ветер успокоился и нежно овеивал золотые карнизы, слегка поигрывая в огромные трубы. Высокие облака все еще проносились над горами, разрываясь на маленькие лоскутки. Правда, я не чувствовал особого спокойствия. Внутри меня «буря» только начиналась.

— Поймали, — шептал я себе. — Попался, как дурачок! Теперь уж точно придется быть лодочником или погонщиком яков. Вот теперь меня ждут настоящие неприятности!

— Сэр! — произнес я дрожащим голосом. — Уважаемый лама, Хранитель Гробниц! Я просто...

— Да, мой мальчик, — успокаивающе сказал старый лама, — я все видел. Я видел, как тебя принесло сюда ветром. Ты, наверное, благословлен Богами!

Мы долго смотрели друг на друга. Наконец лама вспомнил, что все еще держит меня в руках, — он был слишком изумлен, чтобы подумать об этом раньше. Он осторожно опустил меня. Я украдкой взглянул в сторону Пари. Нет! Всадников больше не было видно. Должно быть, они свернули в сторону, пока я...

— Благородный Хранитель, — раздался голос, — видели ли вы мальчика, летящего над горами? Наверное Боги взяли его к себе. Да будет мир его душе!

Я обернулся. Из маленького люка выглядывал старый монах по имени Тимон. Он был из тех, кто убирает в храмах и выполняет другую работу. Мы были старыми друзьями. Сейчас, когда он увидел и узнал меня, его глаза широко раскрылись от удивления.

— Благословенная Мать Долма! — воскликнул он. — Так это ты!!! Несколько дней

назад буря сорвала тебя с этой крыши, а теперь вернула обратно. Это настоящее чудо!

— Но я.. — попытался было я что-то сказать, однако старый лама прервал меня.

— Да, да! Мы знаем, мы все видели. Я пришел проверить, все ли здесь в порядке, и ты опустился на крышу прямо передо мной!

Я немного смутился. Кажется, они увидели, как на крышу упала старая козлиная шкура, и подумали, что это я. Ну что ж, не стану их переубеждать. Мне вспомнилось, как я испугался, когда мне показалось, что я вступил в схватку со злым духом. Я осторожно осмотрелся по сторонам и убедился, что рваного тента нигде не видно. Ведь я разорвал его, а ветер далеко унес его.

— Посмотрите! Посмотрите! — закричал Тимон. — Вот доказательство! Посмотрите на него!

Я опустил глаза и увидел, что тесемка ритуального флага была обернута вокруг меня. Я потянул за нее — у меня в руках оказалась половина флага. Старый лама, не переставая кудахтать, повел меня вниз. Но я вырвался и помчался к стене, чтобы присмотреться к горизонту и попытаться увидеть своего любимого Наставника, Ламу Мингьяра Дондупа, приближающегося к монастырю. Но все вокруг было мутно от ветра, который оставил нас и принялся подметать долину, поднимая в воздух облака пыли, листья и, должно быть, обрывки старого тента.

Хранитель Гробниц подошел ко мне и тоже стал всматриваться вдаль.

— Да, да! — сказал он. — Я видел, как ты прилетел с той стороны стены. Ты пронесся передо мной на ветру и упал на самую высокую часть крыши Золотой Гробницы. Было страшно смотреть на тебя. Я видел, как ты старался удержать равновесие, и даже закрыл глаза рукой.

Тоже неплохо! Я-то думал, что он видел, как я сражался на крыше со старым тентом. В этом случае он мог бы обо всем догадаться. Вот бы мне тогда досталось!

Болтовня продолжалась все время, пока мы возвращались, проходя через двери и направляясь к строениям внизу. Здесь собралась группа монахов и лам, каждый из которых мог подтвердить, что я был поднят с вьющейся внизу горной тропинки и взвился вверх, размахивая руками. Они думали, что меня разбило о стену или унесло далеко от Поталы. Никто из них не сумел разглядеть сквозь пыльный и жалящий ветер, что это был не я, а всего-навсего кусок старой козлиной шкуры.

— Да! Да! — сказал один. — Я видел это своими собственными глазами. Он стоял на земле, укрываясь от ветра, и — «пуф!» — внезапно взлетел и пронесся над моей головой, размахивая руками. Думаю, что в этой жизни мне не доведется больше такого увидеть!

— Да! — поддержал другой. — Я стоял у окна и наблюдал за разыгравшейся бурей. Этот мальчик пролетел передо мной, обдав меня клубами пыли. Пролетая, он чуть было не задел моего лица!

— Это еще ничего! — продолжал третий. — Он столкнулся со мной и чуть было не вышиб из меня мозги. Я стоял возле парапета, когда он подлетел ко мне. Я хотел схватить его, но он едва не сорвал с меня мантию, натянув ее мне на голову. Некоторое время я не мог ничего видеть, и за это время ему удалось улететь. Я думал, что он разобьется, но вот он снова здесь!

Меня передавали из рук в руки, словно я был призовым кубком. Монахи трогали меня, ламы пощипывали, и никто не мог догадаться, что я и не собирался взлетать на крышу, а, наоборот, чуть было не свалился с нее.

— Чудо! — сказал старик, находившийся во дворе. — О! Посмотрите, вот идет господин Настоятель!

Толпа с уважением расступилась, пропуская фигуру в золотой мантии.

— Что случилось? — спросил Настоятель. — Почему вы здесь собрались? Объясните мне. — Он повернулся к старшему из присутствующих лам.

Совместными усилиями постоянно увеличивающейся толпы происшествие было

«объяснено» во всех подробностях. Я стоял посредине и мне хотелось только одного — провалиться сквозь пол... в кухню. Я был страшно голоден, потому что ничего не ел с прошлого вечера.

— Пойдем со мной! — приказал Настоятель.

Старейший лама взял меня за руку, чтобы помочь, — я был смертельно уставшим, испуганным и голодным. Мы вошли в комнату, которой раньше я никогда не видел. Настоятель сел и молча обдумал все, что ему рассказали.

— Расскажи мне все сначала, ничего не упуская, — обратился он к ламе.

Так я еще раз услышал рассказ о своем «удивительном полете» с земли на Гробницу Святейшего. Вдруг мой желудок издал громкий, недовольный звук, заявляя тем самым, что давно уже не видел пищи. Настоятель сказал, сдерживая улыбку:

— Отведите его на кухню и дайте поесть. Мне кажется, приключения утомили его. Потом позовите благородного Знатока Трав, ламу Чина, чтобы он осмотрел ноги мальчика. Но сначала все же пусть он поест.

Еда! Как это вкусно звучит!

— С тобой постоянно что-то происходит, Лобсанг, — сказал приветливый повар, — сначала тебя сбрасывает с крыши, кидая на скалы, потом от подножия скал тебя возносит на верхушку крыши! Странная у тебя жизнь. Может, это сам Дьявол играет тобой?

Он вышел, ухмыльнувшись про себя. Я не беспокоился о том, что он догадывается, как на самом деле все произошло. Он всегда был добр ко мне и не раз выручал в трудную минуту. Громкое мурлыканье и сильный толчок заставили меня посмотреть вниз. Один из котов пришел выразить мне свое почтение. Я осторожно погладил его пальцами по спине, от чего он стал мурлыкать еще громче. Со стороны мешков с ячменем донеслось слабое шуршание, и он быстро, как молния, бросился туда.

Я подошел к окну и посмотрел на Лхасу. К сожалению, нигде не было видно и следа маленькой группы всадников, которую должен был возглавлять мой Наставник. Может, он пострадал во время бури? Я загрустил. Когда же он наконец вернется?

— ...значит, завтра? — донесся до меня голос, и я обернулся. Один из завсегдатаев кухни что-то говорил, но я уловил лишь конец его фразы.

— Да, — сказал другой, — они останутся на ночь в монастыре Роуз-Фене и придут завтра.

— О! — спросил я. — Вы говорите о моем Наставнике, ламе Мингъяре Дондупе?

— Да! Кажется, тебе следует потерпеть еще один день, — сказал один из завсегдатаев. — Кстати, я вспомнил! Тебя ждет благородный Врачеватель. Будет лучше, если ты поторопишься.

Я хмуро поплелся прочь, думая о том, как много неприятностей существует в этом мире. Почему мой Наставник вынужден был остановиться и провести день и ночь в монастыре Роуз-Фене? Я считал тогда, что только мои проблемы имеют какое-то значение, и даже не представлял себе, как много лама Мингъяр Дондуп делает для других. Наконец я добрался до комнаты Врачевателя. Он собирался уходить, но, увидев меня, схватил за руку и втащил внутрь.

— Ну, что случилось на этот раз? С тобой постоянно происходят какие-то нелепые происшествия.

Потупившись, я стоял перед ним. Мне пришлось снова рассказать ему обо всем, что якобы случилось со мной во время прошедшей сильной бури. Однако я умолчал, что сам забрался на Золотую Крышу, потому что знал: он может сообщить об этом Высочайшему.

— Сними мантию — я осмотрю тебя. Мне потом нужно будет доложить о твоём состоянии.

Я стащил мантию и бросил ее на низкую скамейку. Врачеватель опустился на колени и принялся ощупывать и остукивать меня, проверяя, не сломаны ли у меня кости и

не порваны ли связки. Он был очень удивлен, когда увидел, что у меня повреждены лишь ноги, на которых виднелись темные желтовато-синие кровоподтеки.

Возьми вот это и хорошенько вотри себе в кожу, — с этими словами он встал и, дотянувшись до высокой полки, взял оттуда кожаный мешочек. Он был наполнен какой-то травяной мазью, которая пахла довольно неприятно.

— И не вздумай заниматься этим здесь! Я не хочу, чтобы все вещи здесь провонялись, — строго сказал он. — В конце концов, это твои синяки.

— Благородный Врачеватель, — сказал я, — правда ли, что мой Наставник вынужден был остановиться в монастыре Роуз-Фене?

— Да, он должен встретиться с настоятелем этого монастыря, и поэтому я думаю, что он вернется завтра утром. Это значит, что нам нужно подождать еще немного, — сказал он, а затем лукаво добавил:

— А тем временем ты побываешь на еще одном увлекательном занятии у нашего уважаемого Индийского Учителя.

Я посмотрел на него, и мне стало ясно, что старый Врачеватель не больше, чем я, уважает индийца. Однако не время было обсуждать это. Солнце поднялось уже высоко, и мне нужно было снова отправляться в класс, где проходили занятия.

Сначала я зашел в спальню, стянул с себя мантию и натерся вонючей мазью. Затем, вытерев о мантию руки и одевшись, я направился в класс, где занял место как можно дальше от Учителя.

Вскоре пришли остальные. Здесь были и малыши, и совсем взрослые парни, которых собрали в одну группу в честь особого события — визита очень известного Индийского Учителя. Считалось, что мы получим огромную пользу, узнавая о буддизме в изложении представителей другой культуры.

Учителя долго не было. Постепенно все сидевшие в классе стали подозрительно принахиваться. Те, кто сидел рядом со мной, отодвинулись от меня как можно дальше. Когда появился индеец, я сидел «в гордом одиночестве», окруженный полукругом учеников, которые не решались пододвинуться ко мне ближе, чем на дюжину футов.

Учитель вошел со своим неизменным кожаным портфелем в руках. Вдруг он принахался и подозрительно огляделся вокруг. Он принялся энергично шевелить ноздрями, шумно втягивая воздух. На середине пути между дверью и кафедрой он остановился и снова огляделся. Тут он увидел, что я сижу в одиночестве. Он направился ко мне, но очень скоро отступил. От большого количества людей в комнате стало жарко, и, нагревшись, мазь стала вонять еще сильнее. Индийский Учитель положил руки на бедра и сурово посмотрел на меня.

— Мой мальчик, ты, наверное, самый большой источник неприятностей в этой стране. Своими перелетами с горы на гору ты разрушил все обычные представления о возможностях человека. Я видел все это из своей собственной комнаты. Я видел, как ты парил вдалеке. Должно быть, сам Дьявол научил тебя этому. А теперь от тебя повсюду разносится этот ужасный запах!

— Благородный Индийский Учитель, — отвечал я, — я не могу избавиться от этого зловония. Это всего лишь мазь, прописанная мне Врачевателем. Мне самому этот запах очень неприятен.

Даже намек на улыбку не появилось на его лице; он презрительно отвернулся и отошел к кафедре.

— Мы должны продолжить занятия, — сказал Индийский Учитель, — тогда скоро я смогу избавиться от вас и вернуться домой, в более цивилизованную Индию.

Он привел в порядок свои бумаги, подозрительно оглядел нас, чтобы убедиться в том, что мы достаточно внимательны, и продолжил:

«... Во время своих скитаний Гаутама много думал. В поисках Истины и цели жизни он путешествовал шесть лет. Путешествуя, он много страдал от нищеты и голода, но при этом постоянно задавал себе один главный вопрос: «Почему я несчастен?»

Он непрерывно размышлял, и ответ пришел, когда все творения Природы пришли к нему на помощь. Улитки охлаждали его голову, птицы махали крыльями, овеяв свежим воздухом, а все остальные животные не подавали голоса, стараясь не потревожить Гаутаму. Он открыл, что существуют четыре великие истины, и назвал их Четырьмя Благородными Истинами, которые являются законами человеческой жизни на Земле.

Рождение есть страдание, говорил Гаутама. Рождаясь, ребенок приносит боль себе и матери. Только испытав боль, можно появиться на этой Земле. Старение есть страдание. Человек становится старше, и его тело не может больше сопротивляться разрушительным влияниям. Начинается увядание, внутренние органы работают с перебоями, проявляются возрастные изменения, и страдание продолжается. Никто не может стареть и при этом не страдать.

Болезнь есть страдание. Когда орган отказывается правильно работать, появляется боль. С помощью страдания орган заставляет тело приспосабливаться к новым условиям. Вот почему болезни так мучительно переживаются людьми. Смерть есть окончание болезни. Смерть освобождает тело от воздействия страданий. Но условия, которые приводят к смерти, сами по себе болезненны. Таким образом, нашим страданиям нет конца.

Страдания вызывает также присутствие того, что мы ненавидим. То, что нам не нравится, всегда держит нас в состоянии напряжения, и мы испытываем разочарование. Мы становимся несчастными, когда разлучаемся с теми, кого любим. Разлука с тем, кто нам дорог, и неизвестность в отношении того, когда мы встретимся с ним снова, заставляют нас испытывать душевные муки и разочарование.

Стремиться к чему-то и не получать желаемое — вот причина страдания, причина уныния и скорби. Таким образом, желать и не получать — означает страдать и беспокоиться.

Только смерть приносит спокойствие, только смерть приносит освобождение от страданий. На грани смерти человеку становится ясно, что, держась за существование, он держится за страдания, за все то, что делает его несчастным».

Индийский Учитель посмотрел на нас и сказал:

— Будда, наш благословенный Гаутама, не был пессимистом. Скорее, он был реалистом. Он представлял, что тот, кто не примет его учения о страдании, не сможет обрести душевное равновесие. Пока человек не поймет, что именно является причиной страдания, он не сможет стать на Серединный Путь.

Я подумал, что все Учителя слишком много внимания уделяют страданию. Я хорошо помнил, как однажды мой дорогой Наставник, Лама Мингьяр Дондуп, сказал мне:

— Лобсанг, давай разберемся, в чем заключается истинный смысл учения Гаутамы. Он никогда не говорил, что жизнь является причиной страдания. Вопреки всем священным писаниям и рассказам великих Учителей, Гаутама никогда не утверждал этого. В действительности он говорил, что жизнь означает лишь возможность страдания. Каждое событие жизни может стать причиной страдания. Может! Но это не означает, что все *должно* приносить боль.

Как много непонятного в том, о чем говорят, вернее, о чем умалчивают великие люди! Гаутама, например, считал, что страдания и боль не ограничиваются только физическими причинами. Он всегда подчеркивал, что страдания духовные, вызванные плохими *эмоциями*, намного превосходят дисгармонию, возникающую при появлении физической боли. Гаутама учил:

«Если я чувствую себя несчастным, то это происходит лишь потому, что я веду неправильный образ жизни, существую в разногласии со своим естеством. Если я живу негармонично, это значит, что я не научился принимать жизнь такой, какой она есть, со всеми ее недостатками и *возможностями* для страдания. Я смогу достигнуть счастья, только осознав причины такой жизни и избавившись от них».

Мысли об этом не выходили у меня из головы. Кроме того, ужасная вонь, которую производила злополучная мазь, полностью выводила меня из равновесия. Учитель снова

подошел к кафедре и произнес:

— Это была первая Благородная Истина. Займемся теперь второй.

«Гаутама прочитал проповедь своим ученикам, тем своим бывшим друзьям, которые разочаровались в нем, когда он перестал быть для них сенсацией. Теперь они стали учениками Гаутамы. Он сказал им:

— Я могу научить только двум вещам — пониманию страдания и освобождению от страданий. Вот Благородная Истина, повествующая о причинах страдания. Именно страстное устремление порождает круговорот рождения и смерти. Речь идет о страстном устремлении в совокупности с чувственными удовольствиями и поисками мимолетного удовлетворения. Оно может принимать формы стремления к процветанию и мирскому богатству.

Как мы уже знаем, страдания появляются, если мы делаем что-то неверно. Они являются результатом неправильного отношения к миру. Сам по себе мир не плох, просто многие люди считают его плохим. Именно наше отношение, наши заблуждения заставляют мир выглядеть плохо. Каждому присущи страсти, стремления и вожделения, которые заставляют нас совершать поступки, приводящие к страданиям. Только освободившись от стремлений и страстей, мы освобождаемся от таких поступков.

Смысл Великого Учения Будды состоит в том, что тот, кто стремится, не может быть свободным, а тот, кто не свободен, не может быть счастливым. Другими словами, освобождение от стремлений — это большой шаг в направлении счастья.

Гаутама учил, что каждый человек должен найти свое счастье. Он говорил, что обычное мирское счастье не приносит успокоения, потому что удовлетворение при этом очень мимолетно. Это тот тип счастья, которого человек достигает, постоянно изменяя свои желания, постоянно бросаясь от одного к другому в поисках свежих впечатлений, новых знакомств. Удовлетворение при этом быстро проходит. Истинное счастье приносит глубокое удовлетворение, полностью освобождает душу от беспокойства. Гаутама говорил:

— Нужно избегать такого счастья, которое требует проявления плохих качеств и забвения хороших. Настоящее счастье достигается тогда, когда на смену плохим качествам приходят хорошие.

Мы должны прекратить гоняться за бесполезными вещами, удовлетворяющими желания плоти. Они не позволяют нам вырваться в другой мир. Мы должны перестать удовлетворять свои стремления, которые возрастают с каждым днем. Мы должны наконец задуматься над тем, что действительно ищем и как нам этого достичь? Мы должны задуматься над природой наших стремлений, над их причинами. Узнав причины, мы сможем искоренить их.

Было видно, что этот предмет очень занимал Учителя. Однако ему, вероятно, очень досаждал запах моей мази, потому что он сказал:

— Прервемся на несколько минут. Я не хочу перегружать ваши мозги, которые, как я вижу, не могут сравниться по вместимости с мозгами моих индийских учеников.

Он собрал свои бумаги, сложил их в портфель, аккуратно закрыл замок и поспешно вышел, задержав дыхание, когда проходил мимо меня. Несколько мгновений все сидели тихо, ожидая, пока его шаги не стихнут в коридоре. Затем один из учеников повернулся ко мне и сказал:

— Фу! Лобсанг, как от тебя несет! Это, наверное, потому, что ты путаешься с дьяволами, летая с ними по небу.

Я ответил, стараясь быть как можно сдержаннее:

— Если бы я был действительно связан с дьяволами, я бы не смог летать с ними по небу, однако все знают, что я летал.

Когда все разошлись, я встал и выглянул в окно. Я не мог понять, что Наставник делает в монастыре Роуз-Фене, и как мне вынести еще несколько занятий с Индийским

Учителем, которого я терпеть не мог. Я подумал, что если бы он действительно был таким буддистом, каким себя считает, то лучше бы понимал чувства маленьких мальчиков.

Пока я стоял, размышляя, в комнату вошел молодой лама.

— Лобсанг! — сказал он. — Пойдем скорее! Высочайший хочет видеть тебя.

Вдруг он остановился и нахмурился:

— Фу! Что с тобой случилось?

Я рассказал ему о травяной мази.

— Давай поспешим к врачу и посмотрим, что можно сделать, чтобы избавить тебя от этого зловония перед тем, как тебя увидит Высочайший. Идем! Скорее!

Глава 5 Аудиенция у Далай-Ламы

Мы вместе помчались по коридору, направляясь в комнату Врачевателя. Вместе? Не совсем так! Молодой лама действительно мчался, а я плелся за ним на непослушных ногах. Он держал меня за край мантии и тащил за собой. Я бормотал что-то про себя и, тяжело дыша, едва поспевал за ним. После моих злополучных полетов сначала с крыши на землю, а затем обратно, каждый думал, что может обращаться со мной, как с воздушным шариком.

Да! Теперь я уже сам поверил в то, что со мной произошло. Правда, я не знал, что обо всем этом думает Высочайший. Вдруг ему все известно!

Мы повернули за угол и ворвались в комнату. Врач ел тсампу. Когда мы появились, он оторвался от еды и посмотрел на нас. Снова увидев меня, он широко раскрыл рот. Его рука замерла над чашкой.

— Опять ты?! Что случилось на этот раз?

Молодой лама, задыхаясь от возбуждения и беспокойства, буквально взорвался целым каскадом слов. Он говорил с такой скоростью, что, казалось, слова сами срываются с его языка.

— Высочайший... Он хочет увидеть Лобсанга. Что нам делать? Врач опустил свою чашку и вытер пальцы о мантию.

— Если бы он просто увидел Лобсанга, это было бы одно дело. Но ведь Высочайший почувствует и его запах! Я не могу привести к нему Лобсанга в таком виде, — взволнованно проговорил лама. — Надо его как-то освежить.

Врач ухмыльнулся, но, вспомнив о Высочайшем, спохватился.

— Ах! — сказал он. — Я затеял все это ради шутки. Я испытывал новую мазь, и тут подвернулся этот мальчишка. На самом деле это мазь от синяков, но теперь я вижу, что ею вполне можно мазать столбы и стены для того, чтобы отпугивать собак. Мне надо подумать.

Мы с молодым ламой смотрели друг на друга с некоторым страхом. Да, в определенном смысле это средство превратило меня в собачье пугало.

Но что теперь делать? Старик сыграл со мной злую шутку. Теперь же она обратилась против него. Посмотрим, удастся ли ему избавить меня от этого запаха до того, как меня поведут к Далай-Ламе.

Врач вскочил на ноги и радостно щелкнул пальцами.

— Снимай свою мантию, — приказал он.

В очередной раз я стащил ее. Врач отошел и появился через минуту, неся в руках кожаную емкость, наполненную приятно пахнущей жидкостью. Подтолкнув меня к небольшому сливному отверстию, он с головы до ног окатил меня содержимым емкости.

Я попытался отряхнуться. Вещество было липким, и мне казалось, что вместе с ним с меня сползает и моя кожа. Быстро схватив тряпку, он обтер ею тело. Кожа стала розовой и сильно зудела, но зато пахла теперь бесподобно.

— Вот! — воскликнул он удовлетворенно. — Ты доставил мне много неприятностей. Возможно, страх перед лечением заставит тебя приходить только в случае

крайней необходимости.

Он вышел в другую комнату и вернулся, неся чистую мантию.

— Надень ее, — скомандовал он, — не можем же мы позволить тебе появиться перед Высочайшим в таком виде.

Я оделся. Мое тело чесалось и зудело. Грубый материал мантии только ухудшал мое состояние, однако ни молодой лама, ни врач не обращали на это внимания.

— Быстрее! Быстрее! — сказал лама. — Мы не можем терять ни минуты.

Он схватил меня за руку и потащил к двери. Я неохотно переставлял ноги, оставляя на полу пахучие следы.

— Подождите! — воскликнул врач. — Ему нужно надеть сандалии.

Он поспешно вышел, а затем вернулся с парой сандалий в руках. Я их примерил и обнаружил, что они слишком велики и пришлись бы впору мужчине в два раза больше меня.

— О! — воскликнул я в панике. — Я запутаюсь в них или вообще потеряю их по пути. Дайте мне мои!

— Нет, ты необычный мальчик! — проворчал врач. — Ты просто целый ком неприятностей. Вечно с тобой что-то происходит. Подожди. Я обую тебя нормально, иначе ты опозоришь меня перед Высочайшим.

Он возобновил поиск и после долгой суеты вытащил, наконец, откуда-то подходящую пару обуви.

— Иди! — воскликнул он. — И не возвращайся сюда до самой смерти.

Он раздраженно отвернулся и продолжил свою прерванную трапезу.

Молодой лама покраснел от волнения и беспокойства.

— Как я объясню нашу задержку? — спросил он, словно я мог дать ему ответ.

Мы быстро зашагали по коридору и вскоре столкнулись с другим молодым ламой.

— Где вы были? — сердито спросил он. — Высочайший ждет, а он не любит ждать!

Объяснять, что случилось, не было времени.

Мы мчались по коридору, поднимаясь с этажа на этаж, пока, наконец, не достигли большой двери, охраняемой громадными прокторами. Узнав двух лам, они расступились, и мы вошли в личные покои Далай-Ламы. Вдруг первый лама резко остановился и подтолкнул меня к стене.

— Стой спокойно! — сказал он. — Я посмотрю, опрятно ли ты выглядишь.

Он оглядел меня с головы до ног, несколько раз поправляя мою мантию.

— Повернись, — приказал он, внимательно осматривая меня. Он хорошо знал, что молодые послушники обычно не очень аккуратны.

Я повернулся, став лицом к стене. Снова он поправлял и одергивал складки моей одежды.

— У тебя повреждены ноги. Впрочем, Высочайший знает об этом. Если он предложит тебе сесть, ты должен сидеть так изящно, как только можешь. Все в порядке. Можешь повернуться.

Я обернулся и заметил, что второй лама ушел. Мы стояли и ждали. Я уже стал думать, что ноги мои больше не выдержат. Стоило ли так спешить, чтобы теперь стоять и ждать? И зачем только я стал монахом?

Внутренняя дверь открылась, и из нее вышел старый лама. Очень официально, как и подобало человеку его положения, лама посмотрел в мою сторону, осматривая меня с головы до ног.

— Ты можешь передвигаться без посторонней помощи? — спросил он.

— Святой Мастер! — ответил я. — Я могу ходить, но, правда, с трудом.

— Тогда пойдем, — сказал он.

Повернувшись, он направился в следующую комнату, пересек ее и вышел в коридор. Подойдя к двери, он постучал и вошел. Я же остался ждать снаружи.

— Ваше Святейшество, — услышал я его исполненный почтения голос, — вы изволили пожелать увидеть мальчика Лобсанга. Ему тяжело ходить. Врач говорит, что он сильно поранил себе ноги и до сих пор еще не выздоровел.

Я не услышал ответа, но старейший лама вскоре вышел и прошептал:

— Иди! Когда войдешь, остановись и поклонись три раза. Если прикажут, подойдешь ближе. Иди медленно. Смотри, не упали. Ну а теперь вперед!

Он мягко взял меня за руку и повел в комнату.

— Ваше Святейшество, мальчик Лобсанг! — сказал он перед тем, как выйти и закрыть дверь.

Ничего не видя перед собой от волнения и страха, я нерешительно поклонился три раза в ту сторону, в которой, по моему мнению, должен был находиться Высочайший.

— Проходи! Проходи и садись здесь, — прозвучал ласковый низкий голос, который я уже слышал во время своего первого визита.

Я поднял глаза. Первым, что я увидел, была шафранная мантия, светившаяся в ярких солнечных лучах, проникающих в комнату через окно. Шафранная мантия! Над ней — доброе, но решительное лицо мужчины, которому доверено принимать решения. Это было лицо доброго человека, лик Бога на Земле!

Он находился на небольшой платформе, возвышающейся над землей. Красная подушка, на которой он сидел, резко выделялась на фоне его мантии. Он был в позе лотоса со сложенными перед собой руками; его колени были накрыты золотым покрывалом. Перед ним стоял низкий столик, на котором лежало несколько предметов: маленький колокольчик, шкатулка, молитвенное колесо и деловые бумаги. Кончики его усов свисали ниже подбородка. На лице сияла добрая улыбка, но сквозь нее были видны следы перенесенных страданий. Возле стола на полу лежали две подушки для сидения. Он указал на них и произнес:

— Я знаю о твоём недуге. Садись, как тебе удобно.

Я поблагодарил его и сел. Все здесь волновало меня. Обстановка произвела на меня большое впечатление и привела в состояние легкого трепета.

— Итак! — сказал Его Святейшество. — Мне говорили, что с тобой недавно что-то приключилось. Мне все рассказали. Скажи, тебе было очень страшно?

Я посмотрел на него. Этот великий человек был буквально наполнен добротой. Я понял, что я должен рассказать ему обо всем так, как оно было на самом деле. Его мне не удастся провести. Конечно же, я буду исключен, выброшен прочь за то, что нарушил Закон и забрался слишком высоко. Ничего, я стану лодочником или буду мастерить змеев, или — мои мысли путались — я смогу отправиться в Индию и, может быть, стану торговцем...

Высочайший строго посмотрел на меня. Мне стало не по себе, когда я представил, чем все это может закончиться.

— Ваше Святейшество! — начал я. — Мой Наставник, Лама Мингьяр Дондуп, говорил мне, что Вы — величайший человек в мире, и я не могу скрывать от Вас правду.

Я остановился, стараясь проглотить ком, застрявший у меня в горле.

— Ваше Святейшество, — сказал я слабым голосом, — я проснулся рано утром и поднялся...

— Лобсанг! — прервал меня Высочайший. Его лицо расцвело от удовлетворения. — Можешь не продолжать, я уже все понял. Я сам был маленьким мальчиком. Ох, как давно это было! Он умолк и задумчиво посмотрел на меня.

— Я доволен тобой, — сказал он. — Ты никогда не говорил об этом ни с кем другим и хранил в тайне то, что произошло на самом деле. Иначе тебя бы просто изгнали за нарушение Закона.

Он некоторое время сидел, размышляя над чем-то, а затем добавил:

— Иногда нам всем нужно чудо. Оно помогает слабейшим из нас укрепиться в вере. Они должны иметь доказательства своей веры. Но после тщательного изучения

«доказательств» нередко оказывается, что в действительности все гораздо проще, чем принято считать. Так иллюзия уступает место реальности.

Полуденное солнце залило комнату золотистым светом. Когда легкий ветерок шелестел в складках шафранной мантии Высочайшего, она светилась и, казалось, полыхала пламенем. Красные подушки были окружены ореолом, отбрасывая розовые отражения на полированный пол. Небольшое молитвенное колесо слегка покачивалось на ветру, и бирюза, которой оно было отделано, излучала нежное голубое сияние в золотистом воздухе. Высочайший неспешно протянул руку и, подняв молитвенное колесо, внимательно посмотрел на него, а затем положил обратно.

— Твой Наставник, а мой брат по святости Мингъяр Дондуп, очень, очень хорошо отзывался о тебе, — сказал Его Святейшество. — Так считают и все те, кто близко знаком с тобой. Тебе в этой жизни многое предстоит сделать, и поэтому ты должен находиться под опекой Наставника и подобных ему людей. В будущем ты многое узнаешь лично от Наставника, а не на групповых занятиях.

Высочайший умолк и посмотрел на меня. В уголках его глаз пряталась улыбка.

— Но сейчас ты должен продолжить курс занятий с нашим индийским гостем, — сказал он.

Это было не очень приятно для меня. Я надеялся избежать встречи с этим ужасным человеком. Я надеялся, что мне удастся пропустить дневное занятие под тем предлогом, что меня водили на аудиенцию к Высочайшему.

— Твой Наставник вернется поздно ночью либо завтра утром, — продолжал Далай-Лама. — Мы встретимся с ним, а затем вы сможете вернуться на Железную Гору и продолжить там специальные занятия, Мудрые люди определили твое будущее и сказали, что тебе придется очень трудно. Поэтому чем больше ты будешь учиться сейчас, тем лучше ты проявишь себя потом.

Он приветливо кивнул мне и поднял свой маленький колокольчик. Раздался мелодичный звук, на который явился старый лама. Это был тот же самый лама, с которым я пришел сюда. С некоторым трудом я поднялся на ноги, три раза неловко поклонился, прижимая руки к груди для того, чтобы чашка и все остальное не вывалилось, как в прошлый раз. Затем я зашагал прочь, думая лишь о том, чтобы не споткнуться и не упасть.

— Ну, мальчик... Для такого человека, как ты, это была очень длинная аудиенция. Его Святейшество, кажется, благоволит к тебе. А сейчас, — он посмотрел на тени, — пришло время поесть и отправиться в класс на занятия по индийскому буддизму. Ты можешь идти, мой мальчик. Этот человек проведет тебя мимо стражи.

Он снова улыбнулся мне и ушел.

Молодой лама, которого я встретил первым, появился передо мной и сказал:

— Пойдем! Сюда!

Ковыляя, я пошел следом за ним. Я подумал, что этот день, еще и половина которого не прошла, по насыщенности событиями был похож на долгую неделю.

В очередной раз я пришел на кухню и получил немного тсампы. На этот раз я был принят с уважением — я побывал на встрече с Высочайшим, и повсюду уже разлетелись слухи, что он остался доволен мной. Торопливо съев свою порцию и продолжая распространять приятный запах, я направился в класс.

Наш Учитель стоял перед кафедрой и говорил:

«Сейчас мы поговорим о Третьей Благородной Истине, одной из самых коротких и простых истин.

Гаутама учил, что тот, кто прекращает пытаться чего-то достичь, тем самым освобождается от страдания, связанного со стремлением. Страдания прекращаются после полного исчезновения стремлений.

Стремящийся человек обычно старается достичь того, чем обладают другие. Он становится жадным к чужому имуществу. Жадность ослепляет его, и если он не может получить желаемое, у него появляется чувство зависти. Человек начинает ненавидеть

хозяина желаемых вещей. Все это становится причиной разочарования, обиды и гнева.

Если кто-то желает достичь невозможного, у него появляется чувство неудовлетворенности. Поступки, которые обусловлены стремлением, способствуют нарастанию беспокойства. Счастье достигается только тогда, когда человек перестает стремиться, когда он принимает жизнь такой, какой она есть, со всеми ее преимуществами и недостатками».

Индиец обратился к своим листам, порылся в них немного и сказал:

«Сейчас мы подошли к Четвертой Благородной Истине. Она разделяется на восемь составных частей и называется Благородным Восьмеричным Путем. Существует восемь этапов, через которые должен пройти каждый для того, чтобы достичь освобождения от страстей и стремлений. Сейчас мы рассмотрим их. Вот первый из них:

(1) **Правильное понимание.** Гаутама учил, что человек должен иметь правильное представление о причине страданий. Тот, кто чувствует печаль и тоску, должен знать, почему они возникают. Он должен изучить самого себя и отыскать в себе то, что вызывает страдания. Только когда человек откроет для себя эту причину, он может что-либо предпринять для постижения Четырех Благородных Истин и ответить на вопрос: «Как мне стать счастливым?»

Прежде чем мы сможем идти по жизненному пути со спокойной уверенностью в том, что мы проводим жизнь так, как следует, мы должны узнать, что является нашей целью. Это — второй шаг на Благородном Восьмеричном Пути.

(2) **Правильное побуждение.** Каждый к чему-то стремится — это может быть ментальная, физическая или духовная цель. Она может заключаться в помощи другим или в заинтересованности только самим собой. Однако, к несчастью, люди так основательно введены в заблуждение, что не понимают, к чему им следует стремиться.

Таким образом, мы обязаны отбросить все ложные ценности, все ложные слова и ясно увидеть то, чем мы являемся, и то, чем мы должны стать. Мы должны отказаться от своих иллюзий, которые, очевидно, являются причиной наших несчастий. Для большинства людей основными словами являются «я», «мне» и «мое». Большинство людей слишком сконцентрированы на себе и совсем не задумываются о правах других.

Важно уметь взглянуть на себя свежим взглядом, как на незнакомца: «Нравится ли тебе этот незнакомец? Хотел ли бы ты быть его близким другом? Сможешь ли ты провести всю жизнь с ним рядом: есть, спать, работать вместе с ним?» Мы должны приобрести *правильное побуждение к действию*, прежде чем сможем достичь успеха в жизни. После этого ты поймешь, что следующее, что тебе нужно, это

(3) **Правильная речь.** Это означает, что человек должен управлять своей речью, он не должен лгать, повторять услышанные слухи. *Правильная речь* всегда позволяет другим людям извлечь пользу из слов этого человека. Такая речь позволяет воздержаться от разговора, если он неприятен собеседнику, либо, наоборот, поддержать беседу, когда она может ему помочь. Словом можно ранить глубже, чем мечом; оно может быть ядовитее самого страшного яда. Речь может уничтожать целые народы. Таким образом, человек должен уметь правильно говорить, а это достигается через

(4) **Правильное поведение.** Если кто-то поступает верно, он и выражается верно. Другими словами, *правильное поведение* определяет *правильную речь* и *правильное побуждение*.

Правильное поведение подразумевает, в частности, что человек никогда не говорит лжи, не употребляет спиртных напитков и не ворует чужих вещей.

Гаутама учил, что мы — результат наших собственных мыслей. Мы сейчас представляем собой то, чем являются наши мысли, приобретенные в прошлом. Таким образом, если мы думаем правильно и ведем себя верно сейчас, мы будем «правы» и в некотором ближайшем будущем.

Гаутама говорил: «Ненависть никогда не останавливала ненависть; ненависть может быть побеждена только любовью». Еще он говорил: «Пусть человек ответит на

гнев другого любовью, пусть он ответит на зло другого своим добром».

Я убедился на собственном опыте, что практически невозможно доказать другим людям, что я обладаю экстрасенсорными способностями. Теперь я и не пытаюсь им что-то доказывать. Ведь человек не должен нападать на тех, кто нападает на него. Гаутама утверждал, что человек не должен отвечать тем, кто нападает на него с обвинениями. Гаутама учил: «Если кто-то проклинает тебя, ты должен подавить негодование и твердо сказать себе, что это тебя не касается, и что ни одно гневное слово не сорвется с твоих уст. Оставайся добрым, приветливым и беззлобным».

Буддизм — это учение о Серединном Пути, это закон жизни, согласно которому человек должен относиться к другим так, как он относится к себе. Следующий шаг — это

(5) **Правильный образ жизни.** Согласно учению Будды, существуют занятия, недостойные настоящего буддиста. Например, настоящий буддист не может быть мясником или продавцом ядов, он не имеет права торговать рабами, а также быть рабовладельцем. Буддист не должен употреблять или распространять спиртные напитки. Во времена Гаутамы буддист должен был странствовать или жить в монастыре.

(6) **Правильное устремление.** Этот этап Благородного Восьмеричного Пути имеет особое значение. *Правильное устремление* подразумевает, что каждый должен найти свой способ движения по Пути. Человек, который стремится к духовному развитию, должен быть внимательным. Ему не следует спешить к достижению желаемых результатов, не пройдя все промежуточные стадии. Однако, с другой стороны, ищущий не должен слепо идти за большинством, проявляя при этом ложную скромность и покорность. Каждый развивается со своей собственной скоростью.

(7) **Правильное мышление.** Правильно мыслящий человек управляет всеми своими поступками. Мысль — источник действия. Если вы

обдумываете что-то, — это первый шаг к осуществлению этого. Некоторые мысли вносят заметный диссонанс в гармонию внутреннего мира. Физические желания отвлекают человека и могут повредить ему. Кто-то, например, стремится много и обильно есть. Вред приносит не само это желание, а переедание. Несчастье и страдание начинаются с того, что человек постоянно думает о будущей еде, что приводит к развитию чрезмерной страсти к обильному питанию.

Буддист должен помнить, что чувства недолговечны, что они приходят и уходят, как постоянно меняющийся ветер. Эмоции неустойчивы, и поэтому на них нельзя полагаться. Человек должен научиться всегда полагаться на *правильное мышление*[^] независимо от сиюминутных желаний.

(8) **Правильное созерцание.** Гаутама прекрасно знал, что йога не может быть средством для достижения духовных знаний. Йога — это лишь набор упражнений, направленных на то, чтобы подчинить разуму физическое тело человека. Эти упражнения были созданы для того, чтобы научиться управлять телом с помощью разума. Они не помогают человеку достичь духовного развития.

Правильное созерцание позволяет контролировать неуместные мысли и осознавать свои реальные потребности. С помощью *правильного созерцания* — то есть медитации — человек без помощи размышлений, а только благодаря интуиции может прийти к правильному выводу о том, что для него полезно, а что нет».

Голос индийского Учителя умолк, и этот человек словно вернулся к действительности. Он обвел всех нас взглядом и остановился на мне.

— Эй, ты! — сказал он, указывая на меня. — Я хочу поговорить с тобой. Выйдем в коридор.

Я медленно поднялся на ноги и вышел. Учитель вышел за мной и закрыл дверь, затем снова приоткрыл ее и, просунув голову, сказал:

— Сидите тихо, чтобы я не слышал ни звука! Я буду рядом. Он снова закрыл дверь и повернулся к ней спиной.

— Итак, мальчик, — сказал он, — ты виделся с Далай-Ламой. Что он сказал тебе?

— Благородный Мастер! — воскликнул я. — Мне бы не хотелось повторять все, о чем шла речь на аудиенции.

Он гневно заорал:

— Я — твой Учитель, я приказываю тебе рассказать! Говорили ли вы обо мне?

— Я не скажу вам, сэр, — ответил я. — Я могу только сказать, что мне запрещено высказываться обо всем, что связано с Далай-Ламой.

— Я доложу о твоей дерзости, неповиновении и о том, что ты очень плохой ученик.

С этими словами он приблизился ко мне и сильно ударил по обеим щекам, а затем повернулся и вошел в класс. Его лицо пылало от гнева. Я вошел следом и занял свое место.

Индийский Учитель подошел к кафедре и перелистал свои бумаги. Как только он собрался что-то сказать, в класс вошел лама.

— Уважаемый сэр, — сказал лама Индийскому Учителю, — я должен передать Вам распоряжение зайти к господину Настоятелю. Мне приказано продолжить занятия вместо Вас. Если Вам нетрудно, укажите на чем вы остановились.

С явным недовольством индийский Учитель сказал ему, что в своей лекции уже вплотную подошел к представлению о *нирване*. Затем он добавил:

— Я очень рад, что могу покинуть этот класс, и надеюсь, что мне повезет, и я больше не вернусь сюда.

С этими словами он собрал все свои бумаги в портфель и закрыл его, зловеще щелкнув замком. Когда он выходил из комнаты, лама посмотрел ему вслед, удивляясь открытому проявлению гнева с его стороны.

Мы улыбались, понимая, что теперь занятие пойдет легче, — лама был достаточно молод, чтобы понимать чувства ребят.

— Ну что, друзья, наверное урок начался уже давно? Вы ели? — спросил он. — Может, кто-то хочет выйти?

Мы все улыбнулись ему, уверяя, что можем продолжить занятия. Он удовлетворенно кивнул и, подойдя к окну, некоторое время смотрел в него.

Глава 6 Новый Учитель

Наш новый Учитель отодвинул в сторону кафедру и сел перед нами в позе лотоса, возвышаясь на небольшой платформе, которая имелась во всех тибетских классах. Такие возвышения были и в столовых. Во время приема пищи на них всегда кто-то сидел и читал нам. Так мы продолжали наполнять головы идеями даже тогда, когда наши желудки наполнялись тсампой. У нас считалось неправильным есть и думать о пище. Обычно все Учителя проводили занятия, стоя за кафедрой, и поэтому мы высоко оценили тот факт, что наш новый Учитель сидел перед нами. Это означало, что он не походил на других.

— Только что, — сказал он, — вы ознакомились с представлением о *правильном мышлении*. Я надеюсь, что вы сейчас находитесь в правильном состоянии сознания. Пожалуйста, не забывайте, что именно в сознании кроются причины многих человеческих несчастий. Физические желания могут доставить вам много неприятностей, особенно в монастыре, где все дали обет воздержания. Таким образом, необходимо научиться управлять сознанием, а этого можно достичь лишь с помощью *правильного мышления*. Только так мы можем избежать всех тех бед, которые появляются, когда мы жаждем чего-то, заранее зная, что не можем это иметь.

— Вы знаете, Будда всегда учил, что человека очень часто вводят в заблуждение зрительными впечатлениями. Обычные мужчины склонны идеализировать женщин.

Он посмотрел на одного довольно взрослого парня и, улыбнувшись, сказал:

— Я знаю одного молодого джентльмена, похожего на тебя. Он часто сопровождает старших монахов на рыночную площадь и при этом иногда вполне

заслуживает клички «косящие глаза». Но Будда учил, что такие поступки не подобают монаху, потому что страсть влечет за собой действие. Плохие мысли заставляют человека делать то, что он сам считает неправильным.

— Мы должны, — он оглядел всех нас и улыбнулся, — придерживаться Серединного Пути, не стремясь быть ни слишком хорошими, ни слишком плохими. Я расскажу вам историю об одном страннике, который шел по дороге, увидел очень красивую молодую девушку и захотел с ней познакомиться. К несчастью, ему пришлось на некоторое время зайти в кусты по причине, которую мы не станем здесь обсуждать. Выйдя на дорогу, он понял, что упустил девушку. Тут ему на глаза попался старый монах-буддист, проходивший мимо. Странник остановил его и спросил:

— Скажите мне, благородный Мастер, не встретили ли вы по дороге прекрасную девушку?

Монах безучастно посмотрел на него и ответил:

— Прекрасную девушку? Я не могу тебе точно сказать. Я находился в состоянии *правильного мышления*, и поэтому могу сказать тебе только то, что некоторое время назад я видел, как мимо меня прошло нечто. Однако я не знаю, кто это был, женщина или мужчина. Это не интересовало меня.

Тут лама рассмеялся.

— Эту историю можно назвать пародией на *правильное мышление*, — сказал он. — Тем не менее давайте разберемся с этим предметом, который многие часто не понимают.

Он рассказал нам, что цель Благородного Восьмеричного Пути состоит в том, чтобы дать возможность человеку достичь *нирваны*. *Нирвана* означает прекращение стремлений. Достигая состояния *нирваны*, человек побеждает свои желания. Избавление от жадности и других страстей позволяет мужчине или женщине достичь состояния блаженства.

Нирвана — это освобождение от тела, освобождение от страстей и желаний плоти. Но она ни в коем случае не подразумевает прекращение всех переживаний; она не сводится к прекращению жизни. Неправильно утверждать, что *нирвана* означает существование в состоянии не-бы-тия. Это обычная ошибка, которую совершают невежественные люди, рассуждая о вещах, которые недостаточно хорошо понимают.

Нирвана — свобода от вожделения и других пороков. Это не блаженное созерцание, а полноценная жизнь, наполненная духовным знанием и свободой. Находиться в *нирване* означает находиться в чистом состоянии, в котором нет никаких следов привязанности к чему-то материальному. Но даже достигнув *нирваны*, человек должен продолжать духовное совершенствование и развитие на других уровнях бытия.

Буддисты верят в Колесо Перевоспложений. Они считают, что человек рождается на Земле, живет на Земле и, умерев, возвращается на Землю в другом теле. Нам суждено перерождаться, чтобы повторно выучивать уроки, пропущенные в прошлых жизнях.

Нирвана — это не место, которое можно найти на карте. Это состояние сознания, которое имеет последствия и в обычной жизни. Так, внимательность — это одна из главных добродетелей буддиста, который не приемлет безрассудства.

Нирвана не означает утрату индивидуального сознания при прекращении земной жизни, совсем наоборот. За *нирваной* следует другое состояние, которое по-индийски называется *паринирвана*.

Настоящий буддист — это действительно счастливый человек, который заботится о других и помогает им. Настоящий буддист никогда не признает кастовых различий, которые существуют, например, в Индии.

Человек не может быть счастливым только потому, что ему от родителей досталось большое наследство. Принц может быть несчастным, тогда как нищий — счастливым. Происхождение не дает человеку сил сокрушить страдания, и даже состояние родительского кошелька не может в этом помочь. Единственный путь найти освобождение от пагубных страстей состоит в следовании по Восьмеричному Пути, на котором

человек познает себя, а счастья может достичь лишь тот, кто познал себя.

— Должно быть, вы знаете, — продолжал лама, — что буддизм имеет большое число последователей. Иногда даже говорят, что буддистов в мире больше, чем последователей какой-либо другой религии. Это не совсем верно, поскольку в настоящее время только одна пятая часть населения Земли является буддистами. Буддисты есть в Таиланде, на Цейлоне, в Бирме, Китае, Японии, Корее, Тибете, а также в Индии. Существует много разновидностей буддизма, но все они произошли из одного источника. Таким образом, ясно, что между ними не должно быть разногласий, ведь у всех одни и те же корни. Каждый волен понимать буддизм по-своему. Позднее мы коснемся значимости буддизма, а сейчас я хотел бы рассказать вам о так называемых Убежищах. Он продекламировал:

Есть три Убежища:
Я нахожу убежище в Будде,
Я нахожу убежище в Учении,
Я нахожу убежище в Общине.

— Вы должны повторять эти слова каждый день, просыпаясь утром и отправляясь спать вечером. Они должны проникнуть в ваше подсознание. Эти слова можно назвать Великим Самоотречением, на которое пошел когда-то и сам основатель буддизма. Ведь он покинул дворец и надел монашескую мантию. Вы должны отречься от соблазнов плоти. Вы должны стать молодыми людьми с хорошей репутацией, хорошими намерениями и чистыми мыслями.

Тяжелые дни могут прийти в нашу любимую страну. Это могут быть дни печали, горя и ужаса, и в эти дни такие люди, как вы, должны будут уйти в дальние страны, спасая нашу культуру от исчезновения. Ваше поколение должно изучить и очистить себя, потому что те, кто старше, не смогут последовать за вами, и вам придется все делать самим.

На своем пути вы встретите дзэн-буддистов. Вас может удивить их суровость. Для дзэн-буддистов все учителя и учения — книги и священные писания — это всего лишь указатели, которые напоминают палец, указывающий в сторону правильного пути. Обратите внимание» что когда человеку указывают на что-то, он прежде всего смотрит на указывающий палец. Несведущий всегда уделяет больше внимания пальцу, чем тому объекту, на который этот палец указывает.

Все это прекрасно знают последователи буддийской секты Дзэн. Они утверждают, что реальность может быть постигнута только путем глубоких личных переживаний. К истине невозможно прийти, слушая слова других или читая книги. **Каждый должен постигнуть истину сам.**

Человек может читать и изучать Писания, внимательно слушать и понимать слова мудрых. Но все написанное и напечатанное служит лишь топливом для человеческого сознания. Только пройдя через соответствующие глубинные переживания, человек может связать их с той истиной, о которой говорят другие. Те вещи, которые вы никогда не сможете понять, оставаясь теоретиками, откроются вам, когда вы станете практиками. Общеизвестно, что одно изображение лучше тысячи слов. По аналогии с этим можно сказать, что одно глубинное переживание лучше тысячи изображений.

Он на мгновение запнулся и, отвернувшись, выглянул в окно. Мое сердце затрепетало. Я подумал что он, возможно, видит моего Наставника, возвращающегося в Поталу. Но нет, он опять повернулся к нам и сказал:

— Я собираюсь рассказать вам нечто, что, безусловно, шокирует вас и наведет на мысль о том, что дзэн-буддисты — необразованные дикари. Не так давно в Японии жил очень известный Учитель. Его почитали за высокие идеалы, за глубокие знания и аскетический образ жизни. К нему приходили люди из многих стран Запада, что бы поклониться ему и стать его учениками.

Однажды он читал лекцию в величественном храме, в котором было много умело вырезанных из экзотических пород дерева статуй Будды. Учитель буквально очаровал

слушателей своим красноречием. Но вдруг он остановился посреди лекции. Все ученики замерли, потому что Учитель имел вполне заслуженную репутацию очень эксцентричного человека.

Затем этот мудрый человек подошел к деревянной статуе Будды и бросил ее в огонь. Слушатели в ужасе вскочили. Через мгновение из аудитории послышались протесты: слушатели неодобрительно размахивали руками и топали ногами. Но Учитель был спокоен, стоя спиной к огню, в котором пылала статуя Будды. Когда суета утихла, он сказал, что такими статуями заполнено сознание каждого человека. Различные оправдания, идеалы и прочие ненужные мысли занимают место в сознании каждого человека так же, как статуи будд, расположенные в храме. Таким образом, единственный путь к развитию — сжечь весь этот хлам, уничтожить все то, что мешает совершенствованию. Великий Учитель обернулся и, касаясь пальцами самой высокой статуи, сказал ученикам: «Это грязный образ Будды, но нет ничего хуже грязи в сознании. Давайте сожжем всех идолов, разрушим все ложные идеалы, которые живут внутри нас. Пока человек не вычистит свое захламленное сознание подобно тому, как люди иногда наводят порядок на захламленном чердаке, он не сможет развиваться и совершенствоваться на Пути».

Лама засмеялся, увидев, что на наших лицах застыл ужас. Он сказал:

— О! Да вы, оказывается, настоящие консерваторы. Ну что ж, погодите, скоро вы попадете в другие монастыри и встретитесь там с новыми людьми. Вы поймете, что изучение религии — довольно бесполезное занятие. Вы встретите людей, которые полощут рот перед тем, как произнести имя Будды. Они делают это для того, чтобы рот был чист при упоминании священного имени. Но все это крайности — нельзя ни превращать религию в фетиш, ни утверждать ее бесполезность. Религия — это метод, с помощью которого человек, используя здравый смысл и умеренность, становится на Серединный Путь и тем самым решает свои проблемы.

Мне показалось, что я издал какой-то звук или сделал движение, которое привлекло внимание Учителя, потому что он запнулся на минуту, а затем медленно подошел и, остановившись передо мной, посмотрел вниз.

— Лобсанг, — сказал он, — твой взгляд выражает удивление. По-моему, тебя что-то беспокоит, но дело здесь, по-видимому, не в моем рассказе и даже не в том, что не вернулся твой Наставник. Расскажи мне, что с тобой.

Я хотел провалиться сквозь землю, потому что он был прав — мое внимание было занято необычными мыслями. Грубо говоря, меня тошнило, потому что я осознал, как нелепо проходила моя жизнь. Я подумал, что настала пора разобраться со всем этим.

— Благородный Мастер, — сказал я с некоторым волнением, — вы правы, что мне сейчас не по себе. У меня в сознании царит смятение, а мысли путаются, потому что я оказался в плену у потока событий, которые не совсем согласуются с моими собственными желаниями. Я очень обеспокоен всем этим. Когда я сидел на Золотой Крыше, борясь с ветром и думая, что пришло время умереть, эта мысль радовала меня, потому что мне казалось, что при этом я избавлюсь от своих проблем.

Учитель посмотрел на меня с явной симпатией. Он подобрал свою мантию и сел рядом со мной, скрестив ноги в позе лотоса.

— Лобсанг, — сказал он, — давай поговорим о твоих проблемах. Я полагаю, что будет полезно обсудить их всем классом, потому что схожие проблемы, несомненно, беспокоят и других ребят. Я тоже провел детство в Потале и поэтому полагаю, что твои проблемы похожи на те, которые донимали в прошлом и меня.

— Благородный Учитель, — ответил я, — у меня не было выбора, когда я узнал, что должен покинуть свой богатый дом. Я был направлен сюда своими родителями — влиятельными людьми. Мне сказали, что я должен воспитываться в этом монастыре. Поскольку я пришел из богатой семьи, в течение первых месяцев я перенес много испытаний и невзгод. Я многому научился, однако немало страдал. Недавно я нечаянно

получил сильный ожог левой ноги. Затем я сломал обе ноги, свалившись с крыши во время бури. Но несмотря на свою хромоту и на то, что я испытываю постоянную боль, я должен посещать занятия. Уважаемый Учитель, я никогда не хотел быть монахом, но меня никто не спрашивал, чего я хочу. Меня просто отдали в монастырь. Религия ничего мне не дает.

Лама посмотрел на меня с полным пониманием и сказал:

— Но, Лобсанг, еще не время делать выводы. Религия поможет тебе, когда ты осознаешь Серединный Путь и закономерности перевоплощений. Тогда ты обретешь спокойствие и лучше поймешь, что представляет собой эта жизнь. Интересно, кем бы ты хотел быть?

— Сидя на Золотой Крыше, я увидел лодочника на Счастливой Реке и подумал о том, какая хорошая у него жизнь. Наверное, приятно плавать туда-сюда по реке, которую все любят, и встречать интересных людей. Эти люди приезжают из Индии и Китая или направляются в горы, чтобы вернуться оттуда с новыми знаниями и впечатлениями. А пока я всего лишь мальчик, привязанный к этому месту и вынужденный подчиняться дисциплине. Я не могу делать то, что хочу. Я всегда должен исполнять приказы и изучать то, что не интересует меня. Мне постоянно говорят, что жизнь моя будет трудна, и что я должен посвятить ее достижению какой-то особой цели, выполнению особой задачи.

Я остановился, вытер лоб рукавом и продолжил:

— Почему я постоянно должен переносить эти трудности?

— Жизнь напоминает этот класс, — сказал учитель, положив руки мне на плечи. — Вы собрались здесь — кто с неохотой, кто с радостью — для того, чтобы чему-то научиться. Поэтому вы должны узнавать новое и работать, полагаясь на свои собственные силы. Никто, включая учителей, не может заставить вас совершенствоваться. Если вы сами не работаете, все ваши знания окажутся бесполезными. Вы должны развиваться в присущем вам темпе, быстро или медленно, — все зависит от ваших способностей и стремления к знаниям.

Жизнь — как класс. Сначала вы приходите в класс. Когда же после занятий вы его покидаете, это напоминает прекращение земной жизни, это похоже на смерть. Возможно, завтра вы окажетесь в другом классе, и это будет походить на новое рождение в другом теле при других условиях и обстоятельствах. Вы не понимаете, *чему* вас хотят научить учителя. Вы не понимаете, *зачем* они хотят вас этому научить. Но когда через много лет вы выйдете в огромный мир, находящийся за границами наших гор, вы обнаружите, что знания, которые вы приобрели в этом классе и во многих других классах, помогают вам в обстоятельствах, которые вы сегодня даже не можете себе вообразить.

— Именно это всегда говорил мне Наставник, — ответил я, — но я все же не понимаю, как мне примириться с тем, что делает меня несчастным.

Учитель огляделся, чтобы посмотреть, чем заняты остальные. Все сидели, поглощенные нашей беседой. Она была интересна всем. Казалось, все они озабочены проблемами, похожими на мои собственные. Нас всех отдали в монастырь, не считаясь с нашими желаниями (я, например, поступил сюда, когда мне было семь лет). И теперь эти ребята внимательно слушали. Мы все походили на горстку людей, сгрудившихся в полной темноте в ожидании спасительного луча света, который мог бы указать нам путь.

— Вы должны понять, какие пути открыты для вас, — продолжил учитель. — Ты, Лобсанг, можешь остаться в монастыре и стать монахом, можешь уйти и стать лодочником, можешь мастерить воздушных змеев или путешествовать по землям за горами. Ты должен решить, кем ты собираешься быть. Если ты хочешь быть лодочником, уходи из монастыря и больше о нем не думай. Не вспоминай о монашеской мантии. Но если ты собираешься стать монахом — а именно в этом твоя судьба, — тогда забудь о будущем лодочника и посвяти все свои мысли монашеству, направь все стремления на то, чтобы стать хорошим монахом. И чем больше ты будешь думать над этим, тем легче тебе будет.

Вдруг один из учеников перебил наш диалог:

— Но, благородный Учитель, — сказал он очень возбужденно, — меня тоже принудили поступить в монастырь. Я хочу отправиться жить в Непал. Я думаю, мне будет хорошо в Непале.

Наш Учитель серьезно посмотрел на него. Он, казалось, отнесся к этой реплике как к делу чрезвычайной важности, хотя мог бы посмеяться над детьми, которые не понимают толком, о чем говорят.

— А хорошо ли ты знаешь непальских жителей? — сказал он серьезно. — Имеешь ли ты какое-то представление о них, не считая тех немногих, которых встречал? Знаком ли ты с низшими сословиями непальцев? Если нет, если ты не имел возможности часто бывать в их домах, ты не должен говорить, что они тебе нравятся.

Я хочу сказать, что если ты хочешь остаться здесь в Тибете, то все твои мысли должны быть посвящены Тибету. Если же ты собираешься отправиться в Непал, ты должен покинуть Тибет немедленно и не думать о нем больше. Тот, кто дробит свои мысли, дробит и свои силы. Мы можем владеть мощным потоком мыслей и энергии, а можем рассыпаться по большой территории бесполезными каплями дождя. Каждый из вас должен решить, чем он хочет заниматься и кем хочет стать. Решив это для себя один раз, человек должен сконцентрировать все свои силы на достижении своей цели.

Если вы одной половиной сознания будете стремиться в Непал, а другой — оставаться в Тибете, вы будете постоянно находиться в состоянии нерешительности и никогда не достигните спокойствия ума и уравновешенности. Это один из основных законов, который вы должны помнить. Определите врага, и вы победите его. Оставайтесь целостными — и враг рано или поздно будет побежден. Врагами могут быть нерешительность, страх или неопределенность.

Мы смотрели друг на друга и удивлялись, как хорошо этот Учитель понимает нас. Было приятно осознавать, что существует человек, который является *человеком*. Ему можно было обо всем рассказать, и он мог ответить. Мы думали об индийце и о том, каким надменным он был. Я спросил:

— Благородный Мастер, почему некоторые ламы очень жестоки, тогда как другие чрезвычайно отзывчивы и добры?

Учитель улыбнулся и сказал:

— Уже слишком поздно начинать обсуждение этого вопроса. Я обещаю тебе, что мы поговорим об этом позже. Мы поговорим также о пользе и бесполезности религии. Но сегодня, мне кажется, мы уже достаточно поработали. Теперь давайте займемся каждый своим личным делом.

Он поднялся, и все поднялись вслед за ним. Лама увидел, что я замешкался. Он склонился надо мной, обнял меня и помог подняться. Он проделал это так легко и спокойно, словно поступал так всю жизнь.

— Пойдемте, ребята, — сказал он, — я провожу вас, иначе кто-то обязательно споткнется и упадет в темном коридоре, а я не хочу, чтобы кто-нибудь еще повредил себе ноги.

Ученики помчались по коридору, довольные тем, что занятия закончились раньше чем обычно. Перед тем как выйти, Учитель повернулся ко мне и сказал:

— Лобсанг, твой Наставник вернется завтра утром. Я сомневаюсь, что ты увидишь его раньше полудня, потому что он должен будет сделать доклад перед Высочайшим и членами Высшего Совета. Он отправил послание, в котором упоминал о тебе, а Высочайший в ответном послании рассказал ему, что остался очень доволен тобой. Кстати, Лобсанг, твой Наставник везет кое-что для тебя.

Сказав это, он улыбнулся мне, легко похлопал меня по плечу, повернулся и вышел. Некоторое время я стоял, не понимая, чем я понравился Высочайшему. Ведь я был весь изуродован и побит. Кроме того, в глазах других я — причина постоянных неприятностей. Еще мне было очень интересно, что же мой любимый Наставник везет для меня. Я не мог

даже предположить, что это могло быть, потому что никогда в жизни не видел подарков, предназначенных лично для меня. Я вышел из класса и столкнулся с входящим уборщиком. Это был старый монах. Он дружески поприветствовал меня и участливо поинтересовался состоянием моих ног. Я сказал, что они потихоньку заживают.

— Я сегодня убирал в той части монастыря, где живут Ламы, и слышал, как они говорили, что Его Святейшество очень доволен тобой.

Я обменялся с ним несколькими словами, помогая зажигать масляные лампы, а затем пустился в путь по коридору. Мне с трудом удалось пройти *мимо* кухни, но все же я не зашел туда. Я направлялся в один из маленьких храмов. Мне хотелось побыть одному для того, чтобы заняться размышлениями о прошлом и созерцанием будущего.

В монастыре было немного мест уединения для послушника — точнее, *челы*. Если кто-то из нас был переполнен тоской или не мог справиться со своими проблемами, то единственным местом, где можно было побыть одному, были небольшие храмы, в которых мы прятались за какой-нибудь Священной Фигурой, где никто не мог нас потревожить. Я вошел в тускло освещенный храм. Масляные лампы шипели. Должно быть, кто-то вместе с маслом налил в них воды. Лампы шипели, выпуская клубы черного дыма, который оставлял следы на стенах и на танках.*

Я прошел мимо дымящих ламп и, подойдя к своей любимой статуе, сел в ее тени. Вдруг я услышал урчание. Черная голова слегка ткнулась мне в спину, а затем огромные пушистые лапы оказались у меня на коленях. Мурлыканье становилось все громче.

Некоторое время я поиграл с котом, поглаживая его шерсть, потягивая за хвост и трогая уши. Все это время он не переставал мурлыкать. Вскоре его голова склонилась на бок, и он уснул у меня на коленях. Я сложил руки и подумал о всех происшествиях и трудностях моей жизни.

Я размышлял о настоящем, думая, как легко людям говорить банальности о религии, говорить о правилах праведной жизни. Но как непросто быть маленьким мальчиком, который вынужден делать то, чего не хочет, как трудно быть тем, кого готовят к выполнению каких-то непонятных для него задач. Размышляя об этом, я, должно быть, провалился в сон — мы часто спали сидя. Спал старый кот. Спал я. Время шло.

Удлиняющиеся тени становились все темнее. Солнце, пройдя свой путь по небосклону, исчезло за горизонтом. Вскоре из-за горных вершин выглянула луна, и во всех окнах Лхасы зажглись мерцающие масляные лампы. Я и старый кот шали в тени Священной Статуи.

* Танка — тибетский ритуальный рисунок на ткани, напоминающий христианскую икону. — *Прим. ред.*

Глава 7 Астральные путешествия

Глухое жужжание проникло в мое дремлющее сознание. Мои телепатические силы пришли в готовность. Где-то совсем рядом мощный источник мыслей заполнял им легкий воздух. Я поднял склоненную голову и с трудом приоткрыл слипшиеся веки. Кто-то осторожно копошился у меня на коленях. Чей-то рот мягко схватил мою руку и нежно сжал. «Мур! Мур!» — сказал старый кот. Он понимающе смотрел на меня. Слабое мерцание ламп оставляло кроваво-красные отражения в его глазах, которые при дневном свете были небесно-голубыми. Мягко, так мягко, что я едва почувствовал, кот соскользнул с моих коленей и слился с густой тенью.

Ноги у меня онемели. Не совсем сросшиеся кости сильно ныли. Казалось, что ожоги готовы были открыться, оставляя свежие глубокие раны. Приступы боли сотрясали мою грудь и разливались по спине, угрожая сорвать ребра с их мест. Я осторожно лег, тяжело дыша. Когда боль постепенно угасла, я внимательно осмотрелся. Здесь, в глубокой тени огромной Священной Фигуры, я мог видеть невидимое.

Темные прямоугольники окон ясно выделялись на стенах, покрытых пляшущими

теньями. Ночное небо проглядывало сквозь них, словно плотная бархатная завеса, усыпанная яркими драгоценностями — звездами. Алмазные, рубиновые и бирюзовые точки мерцали и кружились вверху. Здесь, в прозрачном воздухе Тибета, звезды казались не просто белыми пятнышками света, какими их видели в низинах, — они были цветными. Клубящийся дым не мог испортить чистоты тибетского неба, не мог омрачить его величия. Марс был тусклым красным рубином, Венера — зеленой, а крохотное пятнышко Меркурия напоминало осколок бирюзы. Неяркая полоса света тянулась по небу, словно бы кто-то провел по нему пальцем, покрытым измельченной алмазной пылью. Сегодня не было луны, которая обычно довершала картину, поглощая своим сиянием тусклый свет звезд.

Тени на стенах то прыгали, то замирали, превращаясь в огромных гигантов, карабкающихся на крышу, или в маленьких карликов, бегающих по полу. Лампа рядом со мной была неисправна. Из ее дырявого днища вытекало растаявшее масло, оно капало на пол и застывало. Возле дальней стены у окна колыхалась танка, она была похожа на мотылька, пляшущего вокруг мерцающего пламени. Танка слегка похлопывала, отделяясь от стены, несколько мгновений колебалась и, будто от усталости, возвращалась на место только для того, чтобы тут же продолжить свой безумный танец.

Некоторое время у меня кружилась голова. Наконец я полностью пробудился ото сна. Тени вокруг двигались, корчились и кружились. Меня встревожили низкие голоса, раздававшиеся из-за Священной Статуи, за которой я прятался. Я взглянул вверх на ее огромную голову. Мной овладела паника — статуя опрокидывалась, она собиралась упасть и раздавить меня. Силуэт колебался, и я уже был готов броситься прочь, но мне мешали поврежденные ноги. Тут я чуть не рассмеялся — это была лишь иллюзия, вызванная скачущими тенями.

Боль немного утихла. Я встал на четвереньки и осторожно заглянул за статую в глубину храма. Я никогда раньше не видел здесь богослужения. Мы, дети, были очень ограничены в свободе передвижения: для нас существовал лишь главный храм и еще несколько храмов поменьше. Этот храм представлял собой рукотворное сооружение, выдолбленное в скале. Мне было интересно, что собирались делать люди, пришедшие сюда. Осторожно обмотав мантию вокруг талии, чтобы не запутаться в ней, я подкрался поближе, осматриваясь по сторонам.

Мне казалось, что должно произойти нечто интересное. Передо мной расположились сидящие кругом девять лам. Все они были одеты в шафренные мантии. Они сидели лицом к центру круга, где на ярко раскрашенной подставке стоял предмет, которой я не мог хорошо разглядеть. Казалось, там что-то было, и в то же время создавалось впечатление, словно там ничего нет. Я дрожал, волосы на моей голове вздыбились и стояли по стойке «смирно», как солдаты на параде. Холодный пот прошиб меня, мурашки забегали по коже. Я готов был пуститься наутек. Мне казалось, что на резной подставке стоит нечто из мира теней, объект, который не может существовать в реальном мире. Мне становилось все интереснее.

Этот предмет был похож на шар из чего-то, вернее, из ничего. У него не было формы, он как-то странно мерцал. Мне хотелось подобраться поближе и рассмотреть его прямо из-за головы сидящего ламы, но я боялся быть обнаруженным. Поэтому я сидел на месте, протирая глаза руками, чтобы смахнуть с глаз остатки сна. Я внимательно вглядывался во мглу. Сочтя, что сделал все возможное, чтобы привести глаза в порядок, я снова встал на четвереньки и осторожно переполз в другое место, где между плечами лам открывался лучший обзор.

Внезапно до меня дошло, что увиденное мной представляет собой невероятных размеров кристалл горного хрусталя, безупречный и совершенный. Он покоился на резной подставке, полностью завладев вниманием лам, которые сидели, не видя ничего вокруг. Они увлеченно смотрели на кристалл, но создавалось впечатление, что их глаза не участвуют в этом созерцании, словно они всматриваются в грани кристалла каким-то третьим

глазом.

Я знал, что тоже наделен ясновидением. Поэтому, не полагаясь больше на глаза, я позволил вступить в игру своим ясновидческим способностям. Я увидел, что кристалл переливается разными цветами. Казалось, внутри него кружится что-то наподобие дымки, образуя кольца и завитки. Удивленный и испуганный, я словно проваливался с невероятной высоты, с верхушки мира, вниз, в бездонную пропасть. Но нет, это была не пропасть, напротив, целый мир простирался передо мной, красочный мир, наполненный различными вещами. Будто с высоты, я видел уныло бредущих людей, полных грусти, страдания и боли. Это были потерянные души, неприкаянные, ищущие способ избавиться от своих страданий.

Пока я замороженно сидел, представляя себя на залитой солнцем равнине неизвестного мира, ламы затянули песню. Один из них часто поднимал руку и звонил в серебряный колокольчик, другой, сидящий напротив, делал то же самое, только его колокольчик звонил иначе. Они продолжали петь. Их песня разливалась по храму. Это было не стаккато, которое можно услышать во всех остальных частях мира. Это была настоящая глиссада нот, вытекающих одна из другой. Звуки сливались в аккорды, которые отражались от стен и дрожали в воздухе, словно их издавали сами стены.

Руководитель группы сложил руки. Лама рядом зазвонил в колокольчик. Третий высоким голосом запел ритуальную песню «О! Слушайте голоса наших душ». Так они один за другим повторяли древние куплеты то поодиночке, то в унисон. Звук их голосов то возносился вверх, то падал вниз, унося меня куда-то, где я не чувствовал ни времени, ни самого себя.

Затем я услышал всю молитву:

— О! Послушайте голоса наших душ, Все, кто беззащитен и страждет в пустыне.

Послушайте голоса наших душ,

Потому что мы можем защищать незащищенных.

Первая палочка благовоний зажжена — дым поднимается вверх.

Пусть ваши души потянутся вслед —

Так вы обретете защиту.

Послушайте голоса наших душ,

Все, кто беззащитен и страждет в ночи.

Послушайте голоса наших душ, Потому что мы можем стать маяками, светящими в темноте,

Которые могут направить заблудших путников.

Вторая палочка благовоний зажжена и излучает жизнь.

Пусть ваши души примут наш свет, и вы не будете блуждать во тьме.

О! Послушайте голоса наших душ, Все, кто брошен в пропасть невежества,

Послушайте голоса наших душ,

Наша помощь станет мостом через ущелье, и дальше вы сами продолжите Путь.

Третья палочка благовоний зажжена — клубится дым. Пусть ваша душа смело движется навстречу Свету.

О! Послушайте голоса наших душ, Все, кто изнемогает под бременем жизни.

Послушайте голоса наших душ.

Мы принесем вам Покой, который умиротворит ваши души.

Четвертая палочка благовоний зажжена — медленно движется дым.

Мы принесем покой, который возродит вас.

О! Послушайте голоса наших душ, Все, кто насмехался над священными словами.

Послушайте голоса наших душ.

Мы принесем вам мир! Вы сможете познать бессмертную истину. Пятая палочка благовоний зажжена — она источает аромат жизни.

Откройте свое сознание для того, чтобы узнать!

Звуки пения умолкли. Лама поднял колокольчик, он мягко зазвонил. Остальные проделали то же. Поначалу они звонили поочередно, затем, следуя какому-то ритуалу, зазвонили вместе, издавая звук особой тональности, который отражался эхом, изменяясь по высоте и интенсивности. Ламы возобновили пение, снова повторяя: «Послушайте голоса наших душ», — и снова звоня колокольчиками. Впечатление от их действий было каким-то магическим, как при гипнозе.

Я снова увидел людей, окружавших меня. Но были ли это реальные люди? Неужели я в самом деле оказался в ином мире? Или видел его в кристалле? Я был почти уверен, что нахожусь в другом мире, где трава — зеленее, небо — голубее, где все выглядело отчетливее, ярче, контрастнее. У меня под ногами зеленела лужайка. Боже милосердный! Я ощущал ее своими босыми пальцами. Стоя на коленях, я чувствовал влагу, просачивающуюся сквозь мантию.

Осторожно ошупав все вокруг руками, я опять ощутил траву и несколько камней, лежавших неподалеку. Я осматривал все с жадным любопытством. Огромные валуны из зеленого камня с белыми прожилками лежали на земле то тут, то там. Были здесь и разноцветные валуны. Один мне особенно понравился. Он имел красноватый оттенок и был покрыт выющимися молочно-белыми полосками. Но больше всего меня поразило то, какой вид имела эта удивительная реальность. Все вокруг выглядело нормальнее нормального, только цвета были ярче, очертания отчетливее.

Дул легкий ветерок, я чувствовал его прикосновение своей левой щекой. Это было удивительно, потому что ветерок приносил с собой странные запахи, экзотические ароматы. В отдалении я увидел нечто, напоминающее пчелу. Она прожужжала мимо, приземлилась и забралась в чашечку маленького цветка, растущего в траве.

За всем этим я следил неосознанно, не замечая бега времени. Вдруг я обеспокоенно насторожился — целая группа людей приближалась ко мне. Я смотрел на них и не мог сдвинуться с места. Они шли прямо на меня — так или иначе я находился на их пути. Глядя на них, я чувствовал что-то очень недоброе. Некоторые из них были стариками, опиравшимися на палки. Одетые в отрепья, они еле волочили босые ноги. Другие выглядели здоровыми людьми, но в них не чувствовалось того удовлетворения, которое обычно приносит здоровье. В них было заметно одно и то же — они были несчастны и напуганы, малейшее постороннее движение заставляло их подпрыгивать и прижимать руки к груди. Они были раздражены друг другом, ни один из них не беспокоился о соседе. Они чувствовали себя одинокими, забытыми, отвергнутыми, брошенными в чужой мир.

Они приближались. Каждый был погружен в личные заботы и беспокоился только о своем существовании, не обращая внимания на присутствие других. Они приближались, увлекаемые голосами, которые и я мог слышать: «О! Послушайте голоса наших душ, все те, кто бродит, заблудившись». Пение продолжалось, и люди шли на звуки песни. Когда они доходили до определенного места, — я не мог видеть, что там происходило, — их лица загорались неземной радостью, каждый из них выпрямлялся и, казалось, приобретал уверенность и чувствовал себя намного лучше. Затем они исчезали из виду.

Вдруг раздался неприятный удар колокола, и я почувствовал резкий толчок, словно кто-то пытался меня откуда-то вытащить. Я почувствовал себя воздушным змеем, которого тянут за нитку вниз, тогда как ветер старался поднять меня вверх.

Когда я снова оглядел этот странный пейзаж, мне показалось, что опустилась ночь. Небеса потемнели, цвета стали слабо различимыми. Все вокруг словно бы усохло. Усохло? Как оно могло усохнуть? Но несомненно, вещи вокруг стали меньше. Этот мир не просто уменьшился — туман, похожий на облако, стал покрывать все вокруг. Пока мой испуганный взгляд наблюдал эту метаморфозу, туман превратился в черную грозовую тучу, разразившуюся сверкающей молнией.

Мир все уменьшался и уменьшался, я поднимался все выше и выше. Посмотрев вниз, я увидел, что он кружится под моими ногами, и в конце концов я ощутил, что стою на четвереньках в храме. Но был ли это я? Я был смущен и изумлен и вдруг снова ощутил

отчетливый и ужасный толчок, от которого чуть было не потерял сознание.

Почувствовав легкое головокружение, я поднял руки и протер глаза. Потом я поглядел перед собой и снова увидел кристалл. Он больше не был загадочным миром, а просто лежал, скучно и безжизненно. Ни один луч света не проникал сквозь него. Я стоял перед ним, глядя так, словно он был простым камнем, идолом или чем-то в этом роде. Кристалл не походил больше на инструмент для чудесных переживаний.

Один лама медленно поднялся и взял какое-то покрывало, сшитое из материала, похожего на черный бархат. Он почтительно развернул его, накрыл и тщательно завернул кристалл, затем три раза поклонился в направлении кристалла и снова сел. Вдруг его удивленный взгляд упал на меня. На несколько секунд воцарилась ошеломляющая, шокирующая тишина. Казалось, время остановилось. Я мог слышать только стук своего сердца и ничего больше. Создалось впечатление, что вся природа застыла в напряженном молчании, ожидая, что будет дальше.

Среди лам прошел ропот. Самый ближний ко мне стоял, уставившись на меня. Он был чуть выше остальных, но мне, насмерть испуганному, он казался больше самой Поталы. Не отрывая от меня взгляда, он начал что-то говорить, но тут другой лама узнал меня.

— Это Лобсанг, мальчик Мингъяра, — облегченно сказал он. — У него большие способности к телепатии. Приведи его сюда.

Гигант подошел ко мне, протянул руки и, схватив меня подмышки, поднял вверх. Упоминание о том, что я «мальчик Мингъяра», подсказало ему, что хожу я с трудом, и он решил уберечь меня от лишних неприятностей. Он внес меня в круг, образованный ламами. Каждый из них смотрел на меня, стараясь заглянуть в душу или, скорее даже, сквозь душу в какую-то иную сферу, в которой царит Высшее Я.

Меня охватил сильный страх. Я не знал, что, собственно, я сделал не так. Я выбрал именно этот храм, потому что другие были постоянно заполнены мальчишками, не интересующимися медитацией. Я же интересовался. Ну и что из этого?

— Лобсанг! — сказал невысокий, морщинистый лама. — Что ты здесь делаешь?

— Благородный Мастер, — ответил я, — я привык ходить в небольшие храмы для медитаций. Я сел позади Священной Статуи, где никто не мог бы меня потревожить. Я не хотел вторгаться в ваше богослужение, но уснул и проснулся, услышав его начало.

Дырявая масляная лампа перестала капать, и вдруг раздалось короткое шипение, когда плавающий фитилек, лишившись среды для плавления, угас, прикоснувшись к металлу. Несколько секунд он тлел, и наконец издал острый, горький запах. Откуда-то извне нашего круга донеслось знакомое «Мур! Мур!». Кот, важно пробираясь между ламами, подошел ко мне, высоко подняв хвост, и по-дружески ткнулся в меня головой. Я приподнял дрожащую руку и запустил пальцы в его мех. Он повернулся ко мне, снова ткнулся в меня и опять сказал: «Мур!». После этого он степенно пошел прочь, опять проходя мимо лам. Ламы смотрели друг на друга, и легкая улыбка играла в уголках их губ.

— Видимо, наш охранник хорошо знает тебя, Лобсанг! Он хорошо отзывается о тебе. Он выразил тебе свою преданность, показав нам тем самым, что ты говоришь правду.

Несколько секунд стояла тишина. Один из лам, самый молодой, повернул голову и проводил взглядом высокомерно удаляющегося кота. Затем он улыбнулся и повернулся к группе. Старый морщинистый лама, который был, казалось, самым старшим и руководил богослужением, посмотрел на меня и сказал, обращаясь к друзьям:

— Да, я помню. Это тот мальчик, о котором издали особое распоряжение. Мы ждали возвращения его наставника, чтобы пригласить его сюда, но раз он пришел сам, давайте проверим его способности. Так мы составим о нем мнение независимо от Мингъяра.

Последовало приглушенное совещание. Ламы тихо о чем-то переговаривались. Я

был сильно смущен и не мог понять, о чем шел разговор. Они обладали очень высокими телепатическими и ясновидческими способностями и использовали их для помощи людям. И теперь я сидел с ними — сидел, правда, дрожа от страха, но все-таки сидел. Один из них повернулся ко мне и сказал:

— Лобсанг, мы много слышали о тебе, о твоих природных способностях, о твоих возможностях, о твоём будущем. Мы изучили «Хроники Акаши»* и узнали из них все, что произойдет с тобой. Готов ли ты подвергнуться испытаниям для того, чтобы определить свои возможности? Мы хотим взять тебя в путешествие в потусторонний мир. Мы хотим погулять с тобой по Потале в астральном теле.

* Для того, чтобы узнать больше о «Хрониках Акаши» и многих других интересных понятиях, которыми часто пользуется автор, читатель может обратиться к словарю эзотерических терминов Лобсанга Рампы «Мудрость древних» (Киев, «София», 1994). — *Прим. ред.*

Недоумевая, я посмотрел на них. Путешествие? Интересно, как, по их мнению, я смогу путешествовать? Я еле передвигаюсь по коридорам. В дальних же прогулках я ни за что не стал бы доверять своим не вполне здоровым ногам.

Думая об этом, я в нерешительности завернул край своей мантии.

— Благородный Мастер! — сказал я, — я сделаю все, что вы хотите, но я должен сказать, что не могу много ходить, потому что у меня больные ноги. Но, как подобает послушнику, я отдаю себя в ваше распоряжение, надеясь, что мой Наставник, лама Мингъяр Дондуп одобрил бы мое решение.

Никто не засмеялся и даже не улыбнулся, хотя сказанное мною должно было казаться напыщенным. Я был слишком мал и неопытен и, в конце концов, старался, как мог.

— Лобсанг, мы хотим, чтобы ты лег на пол. Ты должен лечь на спину, потому что ноги не позволяют тебе сидеть в общепринятой позе.

Старый лама осторожно поднял подушку для сидения и положил ее мне под голову. Он скрестил мне руки и положил их на живот. Теперь они покоились между грудной клеткой и пупком. Затем ламы стали готовиться к церемонии. Они придвинули кристалл и благоговейно опустили его у подножия Священной Фигуры. Затем сели вокруг меня так, что моя голова оказалась точно в центре круга. Один лама отошел от группы и вернулся, неся палочки благовоний и маленькую жаровню. Я немножко опозорился и чихнул, когда кружащееся облако дыма, окутавшее меня, вызвало щекотку у меня в носу.

Неожиданно мои глаза отяжелели. Я чувствовал возрастающую усталость, но ламы не смотрели на меня, они смотрели в удаленную точку надо мной. Я волевым усилием открыл глаза и увидел их подбородки и ноздри. Их головы были так сильно наклонены назад, что глаз не было видно. Нет, они смотрели не на меня, они смотрели... Интересно, куда?

Благовония дымились, производя шипящий шум, которого я не замечал раньше. Вдруг я сильно сжал руки, потому что все здание закачалось. Я ощутил, как затрясся пол, и мне показалось, что в Потале началось землетрясение. Паника охватила меня: и только большим усилием воли мне удалось подавить ее. Мне не хотелось опозориться перед своим Наставником, и я удержался от желания вскочить на ноги и выбежать из храма. Однако ламы сидели в абсолютном спокойствии.

Колебания продолжались. Какое-то мгновение я ощущал тошноту. Вдруг мне показалось, что я стал плавно подниматься, и вскоре одна из балок крыши оказалась в нескольких дюймах от моей руки. Я медленно протянул руку, стараясь оттолкнуться, но с ужасом обнаружил, что моя рука прошла сквозь балку, даже не потревожив лежащую на ней пыль.

Испугавшись этого впечатления, я быстро опустился вниз и приземлился на ноги неподалеку от Священной Фигуры. Опускаясь, я вытянул руки, чтобы подстраховаться, зная, что ноги не удержат меня. Но мои руки провалились сквозь статую, тогда как ноги

были упруги и пружинисты.

Я не чувствовал боли и неудобства. Я быстро обернулся — ламы были все еще здесь. Но нет! Один отсутствовал. Я чувствовал, что он стоял рядом со мной, его руки почти касались моих локтей. Он, казалось, сиял и выглядел гораздо крупнее остальных. Я посмотрел на Священную Фигуру и обнаружил, что тоже был немного выше своего обычного роста. Ком огромного страха перехватил мне горло. Меня мутило от испуга. Но лама взял меня за локоть, успокаивая:

— Все в порядке, Лобсанг. Нет причины для страха. Пойдем со мной.

Он вел меня, держа за локоть. Мы осторожно обошли сидящих в кругу лам. Я посмотрел в центр круга, но моего тела там не было, там вообще ничего не было. Я с опаской ощупал себя, я был твердым. Тайком я ощупал и своего спутника — он тоже был твердым. Он заметил мое замешательство и засмеялся:

— Лобсанг! Ты сейчас в ином состоянии вместе со своим телом. Только те, кто обладают выдающимися оккультными способностями — врожденными способностями — могут попадать в такие состояния. Но пошли дальше.

Мы приближались к стенам храма все ближе и ближе. Я вырвался из объятий ламы и повернул обратно, воскликнув:

— Нет. Мы разобьемся, если не остановимся. Эта стена твердая. Лама опять схватил меня и приказал:

— Вперед! Когда ты станешь опытнее, ты поймешь, что это просто!

Он зашел сзади и положил руки мне между лопаток. Стена угрожающе приближалась — твердая стена из серого камня! Он толкнул меня. Тут меня посетило самое глубокое и сенсационное впечатление в моей жизни — я вошел в каменную стену. Я почувствовал легкий приятный зуд. Казалось, что мое тело что-то пощипывало, что миллионы, миллиарды пузырьков проскочили сквозь меня, не причинив никакого вреда, а лишь заставив волосы встать дыбом. Я передвигался без особых трудностей. Казалось, что я двигаюсь сквозь пыльную бурю, но пыль не причиняла мне боли, не резала глаза. Я протянул руку, стараясь зачерпнуть пригоршню этой пыли. Но она проходила сквозь меня, или я проходил сквозь нее — я не знаю, что точнее.

Лама позади меня засмеялся и подтолкнул сильнее. Я провалился сквозь стену и очутился в коридоре. По коридору шел старик, в каждой руке он нес по лампе, еще что-то было зажато у него подмышкой. Я постарался избежать столкновения с ним, но было уже поздно. На мгновение я пожалел о своей неловкости, но старик продолжал идти. Он прошел сквозь меня, или я прошел сквозь него, и никто из нас не был потревожен этим столкновением. Старик не проявил ни малейших эмоций, хотя только что прошел сквозь другого человека.

Под присмотром ламы я прошел сквозь все здание, ни разу не нарушив покоя людей, находившихся в комнатах. Мы проходили сквозь кладовые и после довольно едкого замечания со стороны ламы, который хорошо меня знал, пришли на кухню.

Старый повар отдыхал, взгромоздившись на громадный кожаный мешок с ячменем. Он почесывался и ковырял в зубах маленькой веточкой, часто отворачивался и плевал в угол, а затем снова возобновлял почесывание и ковыряние в зубах. Мы стояли и смотрели на него. Вдруг он встал, тяжело вздохнул и сказал:

— Кажется, пришло время готовить пищу. О! Что это за жизнь?! Тсампа, тсампа и опять тсампа. И это все, что нужно этим голодным людям!

Мы проходили все дальше и дальше сквозь здание. Ноги совсем не причиняли мне неприятностей. Говоря правду, я даже не думал о них — для этого не было причины, они не беспокоили меня. Мы старались быть осторожными и не нарушать покоя других людей. Мы шли по коридорам, углублялись в кладовые, чтобы не вторгаться в жилища.

По пути мы встретили моего старого друга — благородного Кис-Киса. Он лежал, растянувшись на боку, и слегка подергивался. Его усы вздрагивали, а уши были прижаты к голове. Мы беззвучно приблизились — по крайней мере, нам так казалось, — тут он

проснулся и вскочил в полной готовности, растопырив лапы с выпущенными когтями. Но вскоре, узнав меня (все коты способны видеть на астральном плане), он успокоился и замурлыкал. Я попробовал погладить его, но, конечно же, моя рука прошла сквозь него. Это было удивительное переживание. Я часто гладил благородного Кис-Киса, но еще никогда мне не приходилось ощущать его изнутри. Он, казалось, был так же поражен, как и я, но не подал виду, а лишь попытался ткнуться в меня, что ему не удалось к величайшему его удивлению. Мысли перепутались у него в голове, он лег и опять погрузился в сон.

Мы много раз проходили сквозь стены и пробирались вверх сквозь потолки. Наконец, лама сказал:

— Теперь вниз. Для первого раза мы достаточно нагулялись.

Он взял меня за руку, и мы стали спускаться, то проваливаясь сквозь пол, то появляясь с потолка. Наконец мы добрались до коридора, за которым находился храм, и опять подошли к стене. На этот раз я прошел сквозь нее, не испытывая и тени растерянности, даже наслаждаясь странным чувством приятной щекотки. Ламы все еще сидели в храме, образуя круг, и мой проводник, который держал меня за руку, сказал, что я должен лечь в первоначальную позу. Я сделал это. В то же мгновение на меня навалился сон.

Глава 8 Раскрытие тайн

Где-то звонил колокол. Звук, приглушенный расстоянием, становился все громче. «Бом! Бом!» — доносилось издали. Но колокол ли это? Он звучал в унисон моему сердцебиению. Мной овладела паника. Неужели я проспал и опоздал на службу в храме? Я с трудом открыл глаза, стараясь разглядеть, где нахожусь. Мною овладело какое-то странное ощущение! Я не мог сфокусировать зрение. Все, что я мог различить, — это белые шарики, приклеенные к верхушкам шафрановых полосок. Мой мозг напрягался, но я соображал слабо. Где я? Что случилось? Может, я свалился с крыши или откуда-то еще? Я стал смутно ощущать, как приступы боли возвращаются в мое тело.

Ах, да! Сознание стремительно вернулось ко мне, и появилась способность сосредоточивать взгляд. Я осмотрелся. Я лежал на спине на холодном каменном полу. Моя чашка каким-то образом оказалась подо мной и теперь сильно давила между лопаток. Я осторожно приподнялся и уставился на лам, которые сидели и смотрели на меня. Они и были теми ужасными белыми шариками, приклеенными к шафрановым полоскам! Я надеялся, что они не знают, что я о них подумал!

— Лобсанг, мы знаем! — улыбнулся один. — Твои мысли были довольно ясными. Но поднимайся быстрее. Ты держался молодцом и полностью соответствовал рассказам твоего Наставника.

Я осторожно сел и сразу ощутил мягкий толчок в спину и раскатистое мурлыканье. Старый кот обошел меня и остановился передо мной, прикоснувшись к рукам, давая понять, что хочет, чтобы его погладили. Я погладил его, собираясь с мыслями, не зная, что будет дальше.

— Итак, Лобсанг, для тебя это был полезный опыт жизни вне тела, — сказал лама, сопровождавший меня. — Мы должны тренироваться чаще, и скоро ты сможешь выходить из своего тела так же, как *ты* стягиваешь свою мантию.

— Но, благородный Мастер, — сказал я сконфуженно, — я не покидал своего тела, оно оставалось со мной.

У моего провожатого удивленно раскрылся рот.

— Что ты имеешь в виду? — воскликнул он. — Твой дух путешествовал со мной.

— Благородный Лама, — возразил я, — я специально посмотрел — моего тела не было на полу, поэтому я решил, что оно было со мной. Старый морщинистый лама улыбнулся и сказал:

— Ты делаешь распространенную ошибку, Лобсанг, ты просто был сильно поражен тем, что с тобой произошло.

Я посмотрел на него и, честно говоря, не понял его слов. Мне казалось, что они лишены всякого смысла. Я считал, что могу быть вполне уверен в том, видел я свое тело или нет, и если уж я его не видел, значит, его не было. Я полагаю, они заметили мое скептическое отношение и поняли, что я не поверил сказанному. Один из них подошел ближе, чтобы привлечь мое внимание.

— Я расскажу тебе о своем взгляде на это, Лобсанг, и я хочу, чтобы ты внимательно выслушал меня. И хотя то, что я скажу, довольно элементарно, оно ставит в тупик многих людей. Ты лежал на полу, и так как это был твой первый опыт астральных путешествий, мы помогли тебе. Нам нужно было облегчить твою астральную форму, откинув физическую, чтобы ты не почувствовал никаких потрясений и неудобств. Поэтому тебе даже и в голову не пришло, что ты был вне своего тела.

Я смотрел перед собой, обдумывая его слова. Я думал о том, что у меня действительно не было и мысли, что я нахожусь вне своего тела, и никто мне об этом не говорил. Меня не предупреждали, что меня ждет. Как я мог почувствовать, что покидаю тело? Но тут я опять вспомнил, что я не видел своего тела, лежащего на полу. Я встряхнул головой, будто так можно было отогнать все сомнения. Я был вне тела, и в то же время моего тела не было, но где оно было? Почему я не видел его лежащим где-нибудь?

Тут старый кот опять ткнулся в меня и стал пристраиваться у меня на коленях, запуская когти в мантию. Он мурлыкал все громче и громче, напоминая мне о своем присутствии. Лама улыбнулся и заметил:

— Вот! Старый кот говорит тебе, чтобы ты пошевелил мозгами, и тогда все поймешь.

Я протянул пальцы, отстраняя кошачью спину. Его урчание становилось громче. Вдруг он растянулся во всю длину. Кот был огромен. Его голова выглядывала с одной стороны моих колен, а задние ноги свисали с другой. Хвост волочился по полу. Этот кот был намного больше, чем другие той же породы. Он был достаточно свиреп, но все наши коты относились ко мне как к брату, и я относился к ним так же.

Лама, который разговаривал со мной, обернулся и сказал:

— Оставь его. Пусть он полежит на тебе, пока мы поговорим. Возможно, он поможет тебе, напоминая, что ты должен быть внимательным. Итак! Люди видят то, что ожидают увидеть. Иногда они не видят даже весьма очевидных вещей. Ответь мне, сколько уборщиков было в коридоре, когда ты проходил по нему? Кто был тот человек, который подметал ячменный склад? И если бы господин Настоятель прислал за тобой и спросил, видел ли ты кого-то во внутреннем коридоре, что бы ты ему ответил?

Он остановился на секунду, ожидая, что я что-нибудь отвечу ему, но я смотрел на него, испуганно раскрыв рот. Он продолжал:

— Ты мог бы сказать, что не видел никого в коридоре, поскольку человек, который там был, находится там постоянно. Это было настолько привычное зрелище, что ты вполне мог бы его и не заметить. Итак, ты мог бы сказать, что никого не видел в этом коридоре.

Затем вмешался другой лама, он наклонил голову и добавил:

— Прокторы, проводя расследования, часто сталкиваются с трудностями. На их вопросы, не было ли незнакомцев в том или ином здании, обитатели неизменно отвечают, что никого не видели. Тогда как на самом деле там могла бы быть целая толпа народа, могли проходить прокторы, ламы и даже посланники из других монастырей. Но из-за того, что эти люди были обычными — они всегда были рядом, — их появление оставалось незамеченным, они были словно невидимыми.

Молчавший до этого лама опять вступил в разговор:

— Да, это так. Теперь я спрошу тебя, Лобсанг, сколько раз ты был в этом храме? И в то же время ты недавно заметил, что ни разу не видел подставки, на которую мы

устанавливаем кристалл. Эта подставка находится здесь около двухсот лет, она никогда не выносилась из храма, и все же ты смотрел на нее так, словно увидел в первый раз. Она была здесь и раньше, но была обычной для тебя, и поэтому осталась незамеченной.

Лама, который сопровождал меня в астральном путешествии по Потале, улыбнулся и продолжил:

— Ты, Лобсанг, не можешь себе представить, что произошло. Ты не веришь, что путешествовал вне своего тела, но ты не был готов увидеть свое тело. Когда ты смотрел, ты видел лам, сидящих в кругу, и твое внимание заботливо обошло свое собственное тело. Мы можем сделать то же с помощью гипноза. Загипнотизировав человека, мы можем заставить его поверить в то, что он один в комнате, и тогда человек будет видеть в этой комнате все, кроме находящихся в ней людей, и, очнувшись от гипноза, он сможет поклясться, что был один. Так же и ты старался, чтобы тело не попало в поле твоего зрения. Вместо этого ты оглядывал сидящих лам, оглядывал весь храм, пропуская лишь то пятнышко, которое «хотел» увидеть.

Я задумался. Я уже слышал что-то похожее. Однажды я видел старого монаха, у которого был сильный приступ мигрени. Как он мне объяснил впоследствии, он не видел вещей, на которые смотрел. Ему казалось, что их нет. Если он смотрел перед собой, то видел то, что находилось по сторонам, когда же он смотрел в сторону, то видел то, что находилось перед ним. Он рассказывал мне, что смотрел словно через две трубы, прижатые к глазам. У него создавалось впечатление, что на глаза надеты какие-то шоры.

— Очевидное часто может быть невидимым, — сказал один из лам. — Ведь обычность делает объекты незаметными. Возьмем, к примеру, человека, который носит ячмень. Ты видишь его каждый день, и в то же время ты не видишь его. Он настолько знакомая фигура, что спроси я тебя, кого ты видел сегодня утром, ты бы ответил — никого, потому что ты не воспринимаешь носильщика ячменя как человека, это просто нечто, которое всегда делает определенную работу в определенное время.

Это казалось мне удивительным — мое тело лежало на земле, но я был не способен его видеть. Тем не менее я так много слышал о гипнозе и астральных путешествиях, что был готов принять эти объяснения.

Старый морщинистый лама улыбнулся мне и заметил:

— Скоро мы дадим тебе более детальные инструкции, и ты сможешь легко покидать свое тело в любое время. Как и все остальные, ты совершаешь астральные путешествия каждую ночь, уносясь в далекие места, но забываешь об этом. Отныне ты будешь отправляться на астральную прогулку и возвращаться обратно, сохраняя все воспоминания о том, что ты видел и что делал. Если ты сможешь делать это, ты побываешь в величайших городах мира, тебе никогда не будет скучно. Здесь, в Тибете, тебе будут доступны знания разных культур.

Я задумался над этим. Я всегда удивлялся, каким образом некоторые из высокопоставленных лам становились всезнающими. Они, казалось, были удалены от мелочной жизни и в то же время были способны сказать, что в этот момент происходит в любой части нашей страны. Я вспомнил один случай, когда нас с Наставником позвали к очень старому человеку. Я был представлен ему, и мы поговорили. Вернее, говорили он и мой Наставник, я лишь сидел и внимательно слушал. Вдруг старик вытянул руку и сказал: «Меня зовут!» Он ушел в себя, и казалось, свет полился из его тела. Он сидел неподвижно и выглядел как мертвец, как пустая раковина.

Мой Наставник сидел спокойно, и я, глядя на него, тоже сохранял спокойствие. Мы сидели вместе, сложив руки на коленях, не говоря ни слова и не двигаясь. С нескрываемым интересом я смотрел на то, что казалось пустым телом человека. В течение десяти, а может, двадцати минут — было сложно следить за временем в таких обстоятельствах — ничего не происходило. Затем сознание стало постепенно возвращаться к старику. Он протер глаза и открыл их, потом — я никогда не забуду этого — он рассказал моему Наставнику обо всем, что произошло с ним в Шигатсе, городе,

который был довольно далеко от нас. Я осознал, что это намного лучше всех систем связи, лучше самых удивительных приборов, которыми, как я слышал, был полон внешний мир.

С помощью астральных путешествий мне хотелось побывать всюду. Я хотел путешествовать по горам и морям, я хотел посетить другие страны. И эти люди, эти девять лам, собирались научить меня этому!

Старый кот зевнул, его усы вздрогнули. Затем он встал и потянулся с такой силой, что мне показалось, он вот-вот разорвется на две части.

Он соскочил вниз и, высокомерно протиснувшись между ламами, скрылся в тени одной из Священных Фигур. Старый лама заговорил:

— Пришло время закончить это занятие, тем более, что мы собрались здесь совсем не для того, чтобы учить Лобсанга. Мы должны заняться своими делами и увидимся с Лобсангом, когда вернется его Учитель.

Другой подошел и строго посмотрел на меня:

— Ты должен очень усердно учиться, Лобсанг. У тебя в этой жизни много дел. У тебя будут неприятности, страдания, ты будешь далеко и часто путешествовать. Но в конце ты достигнешь своей цели. Мы дадим тебе хорошую подготовку.

Они поднялись, взяли кристалл и вышли из храма.

Я сидел удивленный. Цель! Неприятности? Мне всегда говорили, что меня ожидает трудная жизнь, что у меня есть цель. Почему они постоянно твердят об этом? Можно подумать, что только у одного меня цель, и я один должен страдать! Чем чаще я это слышал, тем меньше это мне нравилось.

Однако мне очень хотелось попутешествовать в астрале и увидеть все то, о чем я слышал. Я осторожно поднялся на ноги, ворча и бормоча проклятия, — боль снова дала о себе знать. Их колело и жгло. Несколько раз упав, я добавил себе синяков. Меня донимала боль между лопатками, в том месте, которым я лежал на чашке. Подумав об этом, я покопался внутри своей мантии и привел свои скромные пожитки в надлежащий порядок. Потом я покинул храм.

В дверях я внезапно остановился и, развернувшись, подошел к мерцающим масляным лампам. Одну за другой я потушил их — это была моя обязанность. Я последним уходил из храма и поэтому должен был сделать это. Пока я шел сквозь темноту к слабому свечению открытой двери, мой нос ощущал неприятный запах, исходивший от чадающих фитилей. Кое-где показывался затухающий огонек, но тут же исчезал в темноте.

Некоторое время я постоял в дверях, не зная, куда пойти. Потом, решившись, я пошел направо. Яркий свет звезд лился в окна, окрашивая все в серебристо-голубой цвет. Я свернул за угол и вдруг остановился. Ну да! Конечно, они были правы! Некоторое время я стоял и думал. Я вспомнил, что время от времени проходил мимо старого монаха, сидящего в маленькой келье и, хотя я видел его каждый день, я никогда не замечал его. Я вернулся на несколько шагов и взглянул. Старик сидел в маленькой келье в удаленной части коридора напротив окна. Он был полностью слеп и сидел на полу, вращая молитвенное колесо — очень, кстати, большое. Он все вращал и вращал его.

Кто бы ни проходил мимо, он мог слышать треск вращающегося колеса. Час за часом, день за днем старик сидел здесь, считая, что в этом предназначение его жизни — поддерживать вращение молитвенного колеса. Это было все, ради чего он жил. Мы, проходившие так часто мимо, привыкли к вращению колеса и поэтому никогда не видели монаха и не слышали треска.

Я стоял в темном проеме, наблюдал за колесом и слушал мягкое пение старичка:

— Ом! Мани падме хум! Ом! Мани падме хум!

Его голос был хриплым, пальцы скрючены и угловаты. Я смутно мог различить его. Он сидел и вращал колесо, вращал уже много лет, вращал еще до того, как я родился. Сколько еще он будет его крутить? Я не знал. Но я понял, что люди могут быть невидимыми, если они настолько знакомы, что никто не замечает их. Звуки становятся тишиной, если к ним привыкнуть.

Я вспомнил, как однажды в одиночку забрался в темную пещеру. Через некоторое время я стал слышать булькающие и шелестящие звуки моего тела — это кровь текла по венам и артериям. Затем я услышал равномерный стук сердца. Я слышал, как воздух проходит по моим легким, а когда я двинулся, то раздался скрип и треск мышц, передвигающих кости. Нам всем присуще это, все мы очень шумные приспособления, и хотя многие другие звуки привлекают наше внимание, мы не слышим те, которыми постоянно окружены и от которых нам не избавиться.

Я стоял на одной ноге, почесывая макушку. Было около полуночи, и вот-вот должен был раздаться зов на полуночную службу. Поэтому я особенно не спешил. Я опустил вторую ногу, плотнее завернулся в мантию и пошел вдоль коридора в спальню. Едва успев лечь, я заснул.

Однако долго спать мне не пришлось. Я скоро проснулся и, переворачиваясь с боку на бок, стал думать о жизни в монастыре. Мальчишки вокруг меня сопели и что-то бормотали во сне. Раздавались звуки храпа, нарушавшие ночной покой. Один мальчик, страдающий аденоидами, стал задыхаться во сне. Я подошел и перевернул его на другой бок, потом лег на спину и прислушался.

Откуда-то доносилось щелканье молитвенного колеса, какой-то монах беспрестанно вращал его, повторяя свои молитвы. Снаружи слышался приглушенный топот копыт, кто-то верхом ехал по тропинке под нашим окном. Тянулась ночь. Время словно замерло. Жизнь казалась вечным ожиданием, в котором ничего не движется, все остается неизменным: и храп, и треск молитвенного колеса, и приглушенный стук копыт. Я почти задремал.

Через некоторое время я поднялся и сел. Пол был твердым. Холод камня пробирал меня до костей. Какой-то мальчик пробормотал во сне, что хочет к маме. Я с трудом встал на ноги и подошел к окну, осторожно обходя спящие тела. Холод усиливался, вот-вот должен был пойти снег.

Из-за высокой цепи Гималаев утро посылало лучи света, которые, словно цветные пальцы, обшаривали нашу долину, пытаясь зажечь новый день.

Пена снежной пыли, лежащая на самых высоких пиках, была освещена золотым светом. Сияние исходило снизу, а верхушки сверкали блестящими радужными полумесяцами, которые переливались, повинуюсь капризам высокогорного ветра. По небу металась яркие лучи света, словно бы солнце, выглядывая из-за гор, давало обещание вот-вот начать новый день. Звезды тускнели. Небо перестало напоминать фиолетовый свод. Оно светлело и светлело, и наконец стало бледно-голубым.

Небо становилось ярче, горы все больше заливал золотой свет. В конце концов ослепительный шар солнца выбрался из-за гор и сверкающим светом залил нашу долину.

Холод становился сильнее. Кристаллики льда падали с неба, ударяясь о крышу с музыкальным звоном. Какая-то отчетливость и ясность чувствовалась в воздухе, способном заморозить даже мозг в костях. Какой странный климат, думал я, то холодно и идет снег, то невыносимо жарко, особенно в полдень. Вдруг в мгновение ока налетел сильный ветер. Он пронесся, поднимая все на своем пути. В горах всегда шел снег, но на открытых пространствах снег, не успев выпасть, тут же уносился ветром. Наша страна высокогорная, и воздух тут разрежен. Он так тонок и чист, что слабо защищает от ультрафиолетовых лучей солнца. Летом наши монахи задыхаются от жары в своих мантиях, но, если облака ненадолго прикрывали солнце, за несколько минут температура сильно понижалась.

Мы очень страдали от бурь. Огромный барьер Гималаев иногда пропускал облака, зарождавшиеся в Индии, которые вызывали изменение температуры. Завывающие вихри выбирались из-за гор и обрушивались на нашу долину, сметая все на своем пути. Люди, которым приходилось попадать в бурю, должны были носить кожаные маски, иначе стремительно летящая с ветром скальная пыль с высочайших вершин могла поцарапать им лица. Путники, застигнутые на открытых горных плато, рисковали быть сброшенными

вниз; если они были невнимательны и недостаточно ловки, их накидки и другие вещи взлетали в воздух и кружились. Их разрывало в клочья, превращая в игрушки безумного ветра.

Где-то внизу, в бледном рассветном воздухе, раздалось печальное мычание яка. И словно по сигналу, высоко на крышах затрубили фанфары. Низко пульсируя, загудели раковины. Звуки отражались и переплетались, сплавляясь в громкую смесь, похожую на величественный аккорд, взятый на огромном органе. В одно мгновение меня окутало множество звуков: пение в храме, ржание лошадей, недовольное ворчание голых сонных послушников, дрожащих от холода. Огромный «муравейник» был разбужен для нового дня, — еще одного дня жизни. И как приглушенный фон, несмолкаемое пощелкивание молитвенного колеса доносилось из глубины здания. Старый монах все вращал и вращал его, считая, что это его единственная цель в жизни.

В комнате началась суета. Активность возрастала с каждым мгновением. Бритые головы с надеждой высовывались в окно, ожидая, что вот-вот потеплеет. Темное бесформенное пятно вывалилось откуда-то сверху и, пролетев перед моими глазами, шлепнулось с отчетливым треском на камни. «Чья-то чашка, — подумал я, — теперь он останется без завтрака, если не получит новую».

Завтрак? Конечно! Начался новый день, сегодня мне надо собрать все свои силы, потому что, я надеюсь, именно сегодня должен вернуться мой любимый Наставник. Перед тем, как я увижу его, будут еще утренние занятия, служба в храме... Но сначала — завтрак. Тсампа — это блюдо, которое никогда не дает чувства насыщения. Но это было единственное блюдо, которое я знал, кроме, быть может, очень редких лакомств из Индии. Я с трудом вышел в коридор, следуя за вереницей детей и монахов, тянущейся вниз в направлении зала, в котором мы ели.

Я немного постоял у входа, ожидая, пока усядутся остальные. Мои ноги были слабы и, когда все кружились вокруг меня, существовала угроза, что я могу потерять равновесие. Наконец я смог войти и занять свое место среди мужчин и мальчиков, сидящих на полу. Мы сидели рядами, скрестив ноги (все, кроме меня — я сидел, поджав их под себя) — около двухсот пятидесяти человек одновременно. Когда мы сели, обслуживающий монах стал разливать тсампу, ходя между рядами, наделяя всех равными порциями. Обычно монахи стояли возле каждого ряда и по специальному сигналу начинали ходить, разнося пищу. Никто не смел есть, пока главный монах не давал сигнала. Наконец все чашки были наполнены тсампой. «Официанты» стали в стороне.

Старый лама подошел к кафедре. Она возвышалась высоко над нами, и лама мог смотреть на нас сверху. Он встал за кафедрой и поднял верхний лист своей книги. Наши страницы, в отличие от западных, были очень длинными и никогда не сшивались вместе. Лама поднял верхний лист своей книги и дал сигнал, чтобы мы приготовились к началу трапезы.

Немедленно главный монах поднял руку и опустил ее, давая нам знать, что мы можем приступить к еде. Мы не заставили себя долго уговаривать. Чтец начал чтение священной книги. Его голос гудел, эхом разливаясь по всему залу, делая неразборчивым большинство слов.

По столовой тихо ходили прокторы, не произнося ни звука, придерживая свои мантии во избежание случайного шелеста.

В монастырях по всему Тибету было принято, чтобы чтецы читали нам, пока мы ели. Считалось неправильным есть и думать о пище. Пища была грубой вещью, необходимой лишь для поддержки тела, которое ненадолго призвано быть обиталищем бессмертного духа. Хотя есть было необходимо, мы не должны были стремиться получать удовольствие от еды. Чтец всегда что-то читал для нас из священной книги, и пока наши рты поглощали пищу для тела, наш дух поглощал пищу для души.

Старшие ламы всегда ели в одиночку, обычно размышляя о священных текстах или разглядывая священные пергаменты и книги.

Считалось большим проступком разговаривать во время еды. Того, кто имел несчастье быть пойманным за разговором, немедленно хватили прокторы и укладывали возле двери. Он должен был лежать там, пока все не выйдут. Выходящие переступали лежащего, заставляя жертву краснеть от стыда.

Мы, дети, всегда заканчивали первыми, но сидели и хранили молчание, ожидая остальных. Часто чтец продолжал читать, не замечая, что все уже давно ждут его. Иногда мы опаздывали на занятия, потому что чтец, увлеченный своим предметом, забывал о пространстве и времени.

Наконец, чтец закончил страницу и посмотрел на нас с некоторым удивлением. Он не стал продолжать, а накрыл книгу обложкой и связал ленточками. Подняв книгу, он протянул ее монаху, тот взял, поклонился и унес ее в хранилище. Главный монах подал знак, что мы свободны. Мы прошли в ту часть зала, где стояло множество кожаных мешков с чистым песком; одной горсти этого песка хватало, чтобы вычистить наши чашки — единственную столовую утварь, которая была нам доступна. Конечно, мы еще использовали пальцы — но никаких вилок и ножей.

— Лобсанг! Лобсанг! Сходи в типографию и принеси три листа, у которых есть чистая сторона. — Молодой лама стоял передо мной, отдавая приказ.

Я что-то недовольно пробормотал и поплелся по коридору. Это был один из видов работ, которые я ненавидел, потому что из-за этого мне приходилось выходить из Поталы и проходить весь путь до деревни Шо, где я должен был встретиться с человеком, у которого можно было получить требуемую бумагу.

Бумага была очень редкой, очень дорогой в Тибете. Она изготовлялась полностью вручную. Бумага рассматривалась как религиозный объект, потому что почти всегда использовалась для записи священных знаний, священных слов. Бумагой никогда не злоупотребляли, ее никогда не выбрасывали. Если при печатании книги что-то не получалось и бумага портилась, ее не рвали, а использовали чистую сторону для нашего обучения. Для этих целей всегда был под рукой большой запас такой бумаги. Мы печатали книги при помощи деревянных блоков, на которых были вырезаны надписи. Надписи вырезались вручную, и поэтому при их изготовлении и испытании портилось много бумаги.

Я вышел из Поталы через черный ход. Этот путь был намного круче, но короче, и я при этом меньше уставал. Мы обычно спускались по этому пути, придерживаясь за кусты, иначе можно было оступиться и полететь вниз в облаке пыли, протерев при этом в своей мантии дыру, причину возникновения которой потом будет трудно объяснить.

Я пробирался по узкой тропинке, вившейся среди высоких кустов. На небольшой поляне я остановился и посмотрел в направлении Лхасы в надежде увидеть долгожданную шафранную мантию, поднимающуюся на Бирюзовый мост или — вот была бы радость! — движущуюся по Кольцевой дороге. Но нет, там были лишь паломники, странствующие монахи и несколько обычных лам. Вздохнув и недовольно ворча, я продолжал свой скользкий путь вниз.

Наконец я добрался до здания суда и, обойдя его, вошел в типографию. Внутри находился старый-престарый монах. Он был весь вымазан краской, потому что постоянно имел дело с только что отпечатанной бумагой и деревянными штампами.

Я вошел и огляделся. Запах бумаги и типографской краски всегда привлекал меня. Я посмотрел на замысловато изрезанные деревянные доски, приготовленные для печатания новых книг. С нетерпением я ждал того времени, когда мне можно будет тоже вырезать такие штампы, меня очень тянуло к этому, а нам, монахам, всегда предоставляли возможность реализовать свои наклонности на благо общества.

— Ну, мальчик! Что ты хочешь? Быстрее.

Старый монах грозно посмотрел на меня, но я знал, что на самом деле он гораздо лучше, чем кажется. Он был довольно приятным стариком, пугавшим малышей, которые иногда по неловкости мяли прекрасные листы бумаги.

Я быстро пересказал свое послание, объяснив, что мне нужно три листа. Он проворчал что-то в ответ и, отвернувшись, стал подыскивать, что бы мне дать. Было похоже, что ему жаль расставаться со своей любимой бумагой. Он оглядывал каждый лист и, передумав, откладывал его. Наконец, мне надоело это, и я, взяв первые попавшиеся три листа, сказал:

— Спасибо, уважаемый Мастер, я возьму вот это. Этого достаточно.

Он оглянулся и посмотрел на меня, широко раскрыв от удивления рот. Но к этому времени я уже был у двери и, когда он снова раскрыл рот, на этот раз чтобы что-то сказать, я уже был далеко и ничего не слышал.

Я аккуратно свернул бумагу чистой стороной вовнутрь. Сунув ее за отворот мантии, я той же дорогой побрел обратно, цепляясь за крепкие кусты.

Выйдя на поляну, я снова остановился, чтобы перевести дыхание. На самом деле я сел на камень и некоторое время смотрел в сторону Серы на монастырь Роуз-Фене. Но, кроме обычного движения, я не видел ничего. Возможно, торговцев было немного больше, чем обычно, но человека, которого я ожидал увидеть, там не было.

Поднявшись на ноги, я продолжил путь вверх. Я вошел в маленькую дверь и принялся искать молодого ламу, который послал меня.

В комнате он был один. Было заметно, что он пытается собраться с мыслями. Я молча протянул ему три листа.

— О! Как долго! Ты что, сам делал эту бумагу? — спросил он.

Он взял листы, не сказав больше ни слова, даже не поблагодарив. Я повернулся и вышел, направившись в класс. Я думал, чем бы занять время, оставшееся до встречи с Наставником.

Глава 9 Приезд Наставника

Я стоял на крыше склада, возвышаясь над окружающим меня пейзажем. Передо мной простиралась вся долина Лхасы, зеленая и прекрасная, с раскрашенными домами и синеющим Бирюзовым мостом. Вдалеке ярко сияла золотая крыша лхасского собора. Он стоял там уже много столетий. Позади меня сверкала Счастливая Река, а за ней возвышалась цепь гор с многочисленными плато, ведущими еще выше и проваливающимися в огромные ущелья и каньоны. Горы тянулись дальше в сторону Индии, захватывая часть Непала и часть Сиккима, простиравшиеся вдоль их фронта. Все это было привычным и хорошо мне знакомым. Сейчас все мое внимание было привлечено к Лхасе.

Внизу справа, почти прямо подо мной, находились Западные ворота — вход в город. Как всегда, место перед ними было заполнено нищими, выпрашивающими милостыню, путниками, которые надеялись получить благословение лам, и торговцами. Я стоял, прикрывая глаза от резкого света, и мог хорошо все видеть. До меня доносились возбужденные голоса:

— Подайте! Подайте во имя любви Его Святейшества! Подайте, и в минуту горя кто-то поможет и вам! Потом с другой стороны:

— О! Это стоящая сделка, всего десять рупий. Десять индийских рупий, и вы — обладатель этой прекрасной покупки. Вы никогда не увидите ничего подобного — времена меняются. Или знаете, что я вам скажу — вы мне нравитесь, пусть будет девять рупий. Вы дадите мне девять рупий, забираете это, и мы расстанемся хорошими друзьями!

Паломники проходили по Кольцевой дороге. Некоторые из них падали ниц, поднимались и снова падали, словно такой особенный способ передвижения мог принести им спасение. Другие шли прямо, разглядывая расцвеченные иззубренные скалы, самую удивительную достопримечательность здешних гор. Когда они подходили ближе, я мог слышать их бормотание:

— Смотри, кто-то выглядывает с крыши. Наверное, это лама.

Это заставляло меня смеяться. Я — маленький мальчик, стоящий наверху в

развевающейся мантии — казался им ламой. Нет. Еще нет. Но со временем я стану им.

Произнеся свое извечное: «Ом мани падме хум!», паломники уходили прочь. Торговцы пытались продать им свои амулеты, молитвенные колеса, брелоки и гороскопы. Большинство этих вещей было сделано в Индии и завезено сюда, но паломники не знали об этом, не знали они и того, что все эти предметы никогда не были благословлены в требуемой манере. Но разве не то же самое происходит во всех других странах и со всеми другими религиями? Торговцы повсюду одинаковы.

Я все всматривался со своего высокого насеста, всматривался в направлении Лхасы, стараясь проникнуть взглядом сквозь легкую дымку, вызванную сжиганием навоза. Погода стала заметно ухудшаться. Я посмотрел вверх и увидел над собой огромную снежную тучу. Я дрожал. Иногда в это время суток было слишком жарко, около сорока градусов по Фаренгейту, тогда как ночью температура падала иногда даже ниже нуля. Но в данный момент погода мало интересовала меня.

Я успокаивал себя, стараясь удержаться на локтях, положив их перед собой на стену. Я вглядывался до боли в глазах. Наконец мне показалось, что я увидел то, что желал. Я стал смотреть с еще большим воодушевлением и увидел приближающегося ламу в шафранной мантии. В ту же секунду я подскочил с такой энергией, что мои предательски слабые ноги подвели меня. Я шлепнулся на спину, опрокинутый ветром. Несколько секунд я не мог вздохнуть, затем опять поднялся на ноги и выглянул из-за стены. Но нет, обладатель шафранной мантии был не тем, кто мне нужен. Я смотрел на него, стремительно идущего в окружении своих спутников. Он вышел на Кольцевую дорогу, и я увидел, как путники расступаются перед ним и провожают его поклонами. Затем где-то через полчаса, проходя мимо, он взглянул вверх, увидел меня и сделал движения руками, которые я сразу понял. Это означало, что мой Наставник прибудет очень скоро.

Это было мило с его стороны, и я высоко оценил его доброту. Высокопоставленные ламы обычно не имеют привычки обращать внимание на малышей. У меня было много возможностей убедиться, что среди священников существуют разные люди, одни — холодные, совершенно аскетичные, отбросившие все человеческие эмоции; другие — веселые, всегда готовые прийти на помощь другому вне зависимости от его звания, возраста или положения в жизни, и, стоит сказать, они-то и были по-настоящему лучшими, по-настоящему аскетичными и праведными. Мне нравились люди, которые могли понять горести и страдания маленького мальчика.

Из высокого окна, до которого я еще никогда не добирался, потому что был всего лишь послушником, высунулась голова и посмотрела вниз. Лицо было усатым. Я почтительно склонил голову. Когда я поднял глаза, лицо исчезло. Некоторое время я стоял в раздумьях, я надеялся, что не доставил никому неудобства, забравшись на эту крышу. И, насколько я знал, не нарушил никаких правил. В последнее время я отчаянно старался вести себя так, чтобы ничто не могло отсрочить встречу с моим Наставником.

Вдали, у величественно высокого Чакпори, я видел монахов, занимающихся своими делами. Они шли вереницей вдоль стен, и я подумал, что, без сомнения, они воздают благодарность за очередной сноп трав, принесенных с высокогорья. Я понял: группа монахов недавно вернулась из удаленных уголков гор, где ежегодно проводится сбор целебных трав. Я надеялся, что вскоре смогу стать членом такой группы.

Вдалеке показался стелющийся шлейф дыма. Я увидел копошащуюся группу людей, по-видимому они заваривали чай, чтобы приготовить тсампу. Было видно, что это торговцы, среди них не было никого, одетого в цветную мантию, все — в серых скучных одеждах, и все — в своих меховых шапках.

Опять поднялся пронизывающий ветер. Внизу торговцы собирали свои пожитки и уходили в укрытие. Паломники для защиты от ветра прижимались к скалам. Нищие демонстрировали чудеса проворства, забывая о всех своих недугах, и разбегались прочь от приближающейся пыльной бури.

Долина Лхасы была чисто выметена бурями, которые, налетая сгор, уносили за собой все. Только огромные камни оставались на месте. Пыль, песок, гравий — все улетало прочь. Но каждый горный ветер приносил сюда новую пыль и песок, порожденные огромными валунами, которые, раскачиваясь и опрокидываясь в горах, сталкивались друг с другом и разбивались, образуя мелкую пыль, разносимую потом ветром.

Внезапно поднявшийся ветер давил мне в спину, заставляя мою мантию прилипнуть к ней. Он давил так сильно, что я не мог пошевелиться. Я с трудом цеплялся за стену, пытаюсь отыскать поручень и спуститься вниз. Я был словно бумажный ком. Ветру ничего не стоило поднять меня. Превозмогая боль, я подогнул колени и с большой осторожностью опустил, свернувшись клубком, защищая лицо и голову от каменной пыли.

С минуту ветер пронзительно выл, словно угрожая снести сами горы. Звук был даже громче наших фанфар. Вдруг в одно мгновение воцарилась удивительная, странная, абсолютная тишина — мертвое спокойствие. В этой тишине я внезапно услышал девичий смех, доносившийся откуда-то снизу, из кустов.

— О! — донесся до меня нежный голос, — не здесь, не в этом святом месте, это кошунство.

Опять смех — юноша и девушка вместе выпорхнули из кустов и направились к Западным воротам. Некоторое время я лениво наблюдал за ними, затем они скрылись с моих глаз, и я их больше никогда не видел.

Я стоял и опять всматривался поверх вершин деревьев в направлении Лхасы. Буря, оставив нас, перебралась туда. Ничего нельзя было разглядеть; я видел лишь большую тучу, которая накрывала все серым одеялом. Облако было бесформенным, оно быстро перемещалось, и создавалось впечатление, что там бежали два бога, держа за края серое одеяло.

Я продолжал смотреть. Стали показываться здания. Облако быстро отступало в долину, становясь меньше и меньше. Ветер терял силу и был уже не в состоянии тащить за собой пыль и тяжелые куски гравия.

Вскоре не стало видно ни малейшего облачка. Я протер глаза и продолжал наблюдение. Я так старался, словно мог увидеть то, чего не было на самом деле. В конце концов я увидел группу людей, появившихся из-за какого-то здания. Некоторые из них были одеты в шафренные мантии. Они были слишком далеко от меня, чтобы я мог разглядеть, кто это, но я знал — я знал!

Я смотрел, как зачарованный, мое сердце забилося быстрее, чем обычно. Маленькая группа людей приближалась, двигаясь медленно, величественно. Они приблизились ко входу на Бирюзовый мост и были укрыты от моего взора этим сооружением, пока снова не появились у другого конца.

Я старался разобрать, кто из них был кто. С невыносимой медлительностью они подходили все ближе. Мое сердце готово было выскочить из груди, когда я распознал в одном из них человека, которого ждал. Я попытался даже заплясать от радости прямо на крыше, но ноги не позволили мне сделать это. Я снова обхватил руками стену и тщетно пытался унять дрожь в своих конечностях, вызванную не столько слабостью, сколько возбуждением от происходящего.

Небольшая кавалькада приближалась, пока наконец не скрылась за высокими зданиями деревни Шо. Я слышал цоканье лошадиных копыт, шелест и трение упряжи и случайные скрипы кожаной сумки, зажатой, возможно, между лошадьё и седоком.

Я стоял на цыпочках, стараясь быть выше и больше видеть. Вглядываясь поверх домов, я мог различить лишь головы всадников, медленно двигавшихся по тропинке в направлении главного входа. Внезапно один из путников посмотрел вверх, улыбнулся и помахал рукой. Я был слишком смятен, чтобы помахать в ответ. Я просто стоял, смотрел и дрожал, предвкушая радость будущей встречи.

Ламы обменялись несколькими словами, и вот уже второй взглянул вверх и улыбнулся. На этот раз я заставил себя изобразить дрожащее подобие улыбки — я был слишком охвачен эмоциями, бурлящими во мне, и отчаянно боролся с приступами плача.

Небольшая кавалькада поднималась все выше, приближаясь к главному входу в Поталу, как и было положено таким высокопоставленным людям. Я знал, что время встречи еще не пришло, потому что Наставник сначала отправится с докладом к Высочайшему. Затем, освободившись, он пойдет в свои комнаты в самой высокой части Поталы и после положенного перерыва обязательно пошлет кого-то на поиски меня.

Я соскользнул вниз со своего «насеста», отряхивая руки и колени, и оглядел себя, чтобы убедиться, что моя мантия достаточно чиста. Потом я подошел к маленькому чердаку на крыше, вошел внутрь и очень осторожно спустился по лестнице, ведущей вниз. Я должен быть полностью готов к тому, чтобы встретить посланника, ищущего меня. В первую очередь я хотел выглядеть настолько опрятно, насколько мог.

Наши лестницы были опасным приспособлением для того, у кого были повреждены ноги. Лестница представляла собой крепкое, хорошо отполированное бревно. С обеих сторон бревна были выемки. Тот, кто хотел подняться вверх, ставил левую ногу в выемку на левой стороне, затем правую — в выемку повыше на правой стороне и так продолжал подъем, обняв бревно коленями. Если человек был неосторожен, либо бревно установлено плохо, он просто скользил по нему, часто сопровождаемый бурным ликованием мальчишек.

Еще одна неприятность, которой следовало опасаться, заключалась в том, что лестницы часто бывали скользкими от масла, поскольку, если кто-то карабкался по ним с масляной лампой в руках, растопленное масло расплескивалось и добавляло проблем. Но сейчас было не время думать о лестницах или масляных лампах. Я добрался до пола, снова тщательно отряхнул себя и оттер несколько пятен застывшего масла. Затем я направился в детскую часть здания.

Войдя в спальню, я подошел к окну и беспокойно выглянул наружу, от волнения стуча пятками о стену. Я смотрел на простирившуюся картину без всякого интереса, потому что там больше не было ничего, что мне хотелось бы увидеть. Все, чего я желал, находилось внутри!

В Тибете мы не использовали зеркал, потому что смотреть в зеркало считалось проявлением тщеславия. Если кто-то был замечен глядящимся в зеркало, его сразу обвиняли в том, что он больше думает о плотских вещах, чем о духовных. С этой точки зрения отсутствие зеркал считалось большим преимуществом.

Однако в данный момент я ощущал настоятельную потребность посмотреть на себя со стороны, поэтому тайком подобрался к медному блюду. Я протер его краем своей мантии, и оно засияло. Несколько раз я взглянул в него и получил достаточное представление о том, как выгляжу. Чем дольше и пристальнее я всматривался, тем большим становилось мое разочарование. Я положил блюдо на место и отправился на поиски монаха-парикмахера, так как мне показалось, что я заслуживаю прозвища «черная голова».

«Черными головами» в Тибете называли людей, которые не входили в Святой Орден. Послушники, траппы, монахи и монастырские служащие брили свои головы, поэтому их часто называли «красными головами». Наши головы действительно становились красными под немилосердным солнцем. Головы же мирских людей были покрыты черными волосами, и поэтому их называли «черными головами».

Кстати, следует отметить, что мы, упоминая высших лам, часто называли их «шафранными мантиями». Мы никогда не говорили «обладатель шафранной мантии», а всегда просто «шафранная мантия». Точно также мы говорили «красная мантия» или «серая мантия». Для нас мантия была предметом, характеризующим ее обладателя. Согласно тибетской логике, считалось, что человек в мантии нужен только для того, чтобы она могла передвигаться.

Я шел все дальше по темным коридорам Поталы и наконец подошел к довольно большой комнате, в которой работал парикмахер. Он был из тех, кого называли монахом лишь из учтивости, поскольку он никогда не покидал своей комнаты и не посещал богослужений. Я вошел в дверь. Как обычно, это место было заполнено завсегдатаями — бездельничающими монахами, которые постоянно крутились вокруг парикмахера или на кухне, отлынивая от работы и бесцельно тратя свое и чужое время. Но сегодня здесь царил атмосфера какого-то воодушевления, и мне хотелось выяснить причину.

На низкой скамейке лежал ворох довольно потрепанных журналов. По-видимому, один из монахов провел богослужение для группы торговцев и те по доброте душевной вознаградили его целой кипой журналов и газет, которые они привезли с собой из Индии. Сейчас в парикмахерской собралась целая толпа, ожидающая монаха, который провел некоторое время в Индии и теперь был уполномочен объяснить всем то, о чем писалось в этих журналах.

Двое монахов смеялись и болтали, рассматривая картинки. Один сказал другому:

— Нужно спросить Лобсанга об этом. Он, должно быть, специалист в таких вещах. Иди сюда, Лобсанг!

Я подошел туда, где они сидели, что-то рассматривая. Я взял у них журнал, после чего один сказал:

— Но ты же взял его вверх ногами. Ты даже не знаешь, как держать эту штуку!

К моему стыду я обнаружил, что он был прав. Я сел между монахами и стал рассматривать удивительную картинку. Она была коричневая, я бы сказал даже, цвета сепии, и изображала странно выглядящую женщину. Она сидела на высоком столе перед еще большим столом, и в предмете, стоящем перед ней на столе, было видно отражение этой женщины.

Ее одежда очень заинтересовала меня, она казалась длиннее монашеской мантии. У женщины была удивительно тонкая талия, которая казалась *туго* затянутой. Ее руки были довольно полными. Посмотрев на ее грудь, я буквально вспыхнул от смущения. Вырез был чрезвычайно низким — опасно низким, — и, к своему стыду, я испугался того, что может произойти, если она наклонится. Но на этой картинке она сидела, держа спину прямо.

Пока мы сидели и разглядывали картинку, пришел еще один монах и стал позади нас; мы даже не заметили его. Кто-то спросил:

— Что же она делает?

Только что вошедший монах склонился над нами и, прочитав надпись внизу, торжественно объявил:

— О! Она всего лишь приводит в порядок свое лицо. Сейчас она красит губы, когда закончит, то примется за карандаш для бровей. Это называется косметикой.

Все это не укладывалось у меня в голове. Косметика? Губная помада? Карандаш для бровей?

Я повернулся к монаху, читавшему по-английски, и спросил:

— А к чему ей отмечать, где находится рот? Она что, так не знает?

Он рассмеялся и сказал:

— Некоторые из этих людей красят в красный или оранжевый цвет свои губы. Они полагают, что так выглядят более привлекательно. После этого они красят брови и даже ресницы и, закончив со всем этим, покрывают разноцветной пылью лицо.

Все это показалось мне очень странным, и я спросил:

— А почему она не закроет одеждой верхнюю часть своего тела?

Все засмеялись и обратили свои радостные взоры на картинку, словно бы стараясь разглядеть, откуда я это взял. Монах, читавший нам, рассмеялся громче всех и сказал:

— Если бы ты видел этих западных людей на вечеринках, ты бы нашел, что они очень плохо прикрывают свою грудь и еще хуже то, что находится ниже талии.

Я старательно изучил все картинки, стараясь понять, что на них изображено. Я не

представлял себе, как женщина может передвигаться в такой неудобной одежде. Казалось, у нее не было ног, однако ее одежда двигалась за ней, вололась по земле. Вскоре я позабыл обо всем, когда услышал, как монах приступил к чтению другого журнала:

— Посмотрите-ка сюда, здесь дата — 1915 год. Это год большой войны на Западе, она чуть было не охватила весь мир. Люди дерутся, убивая друг друга. Они роют норы в земле и живут в этих норах. Когда идет дождь, их заливают водой.

— Из-за чего началась эта война? — спросил другой монах.

— О! Не думай, что войны ведутся из-за чего-то. Западным людям не нужна причина для драки, они просто дерутся.

Он пролистал несколько журналов и взял еще один. На нем была изображена удивительнейшая штука. Она походила на железную коробку и, как было нарисовано на картинке, двигалась по земле навстречу солдатам, которые пытались скрыться.

Это, — сказал монах, читавший по-английски, — новейшее изобретение. Оно называется «танком». Танк помогает победить в войне.

Мы смотрели и думали о войне, о том, как много душ было покалечено, когда погибали их физические тела. Я представил себе, как много потребуется сжечь палочек благовоний, чтобы помочь всем этим странствующим душам.

— Я слышал, что британцы собрали новый батальон турков, — сказал монах, — но они никогда не пытались обратиться за духовной помощью в Тибет.

По правде говоря, я был даже доволен, что они не сделали этого, потому что не видел смысла в убийствах, кровопролитии и страданиях. Мне казалось глупым, что взрослые люди ссорятся и вступают в войну из-за того, что один народ не может договориться с другим. Я вздохнул и с заметным раздражением тряхнул головой, думая о своей несчастливой судьбе. Я знал, что когда-нибудь должен буду отправиться путешествовать по западному миру. Через это мне суждено было пройти. Мое будущее было описано с чрезвычайной ясностью, но я не был от него в восторге. Все, что было мне предсказано, влекло за собой множество страданий и трудностей!

— Лобсанг! — услышал я окрик.

Я взглянул вверх. Монах-парикмахер приглашал меня подойти и сесть на трехногий стул. Я повиновался. Он стал передо мной и вытащил огромную бритву, которой брил головы монахов. Он не пользовался мылом или водой. Он лишь провел несколько раз лезвием бритвы по куску камня и, крепко схватив меня за виски левой рукой, приступил к болезненной процедуре соскабливания щетины с моего черепа. Никому из нас не нравилось это, и все мы с нетерпением ожидали окончания пытки, после которой голова превращалась в нечто окровавленное, изрезанное и исцарапанное. Но мы, тибетцы, не начинали плакать при малейшей боли. Я сидел смирно, а парикмахер все скоблил и скоблил.

— Я полагаю, стоит привести в порядок и твою шею, — сказал он. — Все уже знают, что вернулся твой Наставник. Тебе, наверное, не терпится умчаться?

С этими словами он подтолкнул мою голову так, что она почти уперлась в колени, и принялся тщательно соскабливать длинные волосы с моей шеи. Он постоянно дул на меня, сдувая срезанные волосы, и каждый раз, когда мне удавалось угадать этот момент, я задерживал дыхание. Из рта у него исходил неприятный запах — было похоже, что у него были больные зубы. Наконец он закончил «стрижку» и принялся вытирать кровь, сочившуюся из многочисленных порезов. Кто-то сказал:

— Чтобы остановить кровь, лучше всего положить на каждую рану по кусочку бумаги. Попробуйте.

Вскоре я стал выглядеть словно пугало, весь обклеенный маленькими треугольными кусочками бумаги.

Мне нечего было делать, и я решил остаться в парикмахерской и дослушать продолжавшуюся беседу. Казалось, что в западном мире дела были совсем плохи. Мир готов был вспыхнуть. Неприятности угрожали России. В Англии ирландский народ

поднял восстание. Только у нас в Тибете пока царило спокойствие.

Я хранил молчание, вспоминая о пророчествах, сделанных столетие назад. Я знал, что во время моей жизни в Тибете произойдут большие несчастья. Я знал также, что наш любимый Далай-Лама — последний настоящий Далай-Лама. И хотя следующий тоже будет носить это высокое имя, его духовный статус будет намного ниже.

Я медленно перевернул страницу и увидел невероятную картинку. Это было похоже на большое количество связанных коробок, с вырезанными по бокам дырками, из которых выглядывали люди. Казалось, что коробки тянет за собой какой-то монстр, изрыгающий столб дыма. Под каждой из коробок располагались в два ряда какие-то круглые предметы. Я не мог понять их назначения. Я не знал тогда, что это колеса, а то, что я видел, называется поездом. В Тибете единственными колесами были молитвенные колеса.

Я повернулся к читающему по-английски монаху и потянул его за мантию. Когда он повернулся ко мне, я попросил объяснить, что это значит. Он перевел мне, что это британский эшелон, увозящий солдат на войну в поля Фландрии.

Следующая картинка удивила и напугала меня, она казалась необъяснимой. На ней было изображено сооружение, напоминающее воздушного змея, но без веревки, привязывающей его к земле. Этот змей представлял собой раму с натянутой на нее оболочкой. Спереди у него были палочки, которые, если верить картинке, вращались. Я увидел, что в этом змее сидят два человека, один — впереди, другой — чуть сзади. Монах объяснил мне, что это аэроплан — машина, о которой я никогда не слышал раньше. Я решил, что если когда-нибудь меня выгонят из монастыря, я стану не лодочником, а одним из тех людей, которые летают на этих странных змеях.

Перевернув эту страницу, я увидел то, что лишило меня дара речи. Это было невероятно — огромный предмет, напоминающий длинную трубу, покрытую какой-то материей, летал над городом. Он сбрасывала на город большие темные ящики. На другой картинке было показано, как эти ящики приземлялись, производя вспышки и разрушая здания. Монах объяснил мне, что эта вещь называется дирижаблем, одним из тех, которые используются для бомбардировки Англии. Он рассказал, что бомба — это металлический сосуд, наполненный взрывчаткой, и что бомбы, приземляясь, могут разнести все, на что упадут.

Мне показалось, что в этих журналах нет ничего о мирной жизни, они были полностью посвящены войне. Я подумал, что уже достаточно насмотрелся картинок, которые могли возбудить в человеке лишь плохие чувства. Я положил журналы, поблагодарил парикмахера и монаха, объяснявшего мне все, и пошел обратно в спальню, где вскоре должен был появиться посланник.

Продолжался бесконечный день. Снова пришло время есть тсампу. Я спустился вниз в зал и поел с остальными. У меня был плохой аппетит, но я считал, что нужно воспользоваться моментом и поесть, пока еще есть время.

Вычистив свою чашку, я вышел из столовой и снова вернулся в спальню. Некоторое время я стоял и смотрел в окно, наблюдая людей, суетившихся во дворе.

Глава 10 Удивительный подарок

Вскоре в нашем коридоре появился мальчик. — Лобсанг! Лобсанг! — кричал он. Я бросился к выходу и встретил его у двери, когда он почти уже вошел.

— Фу! — воскликнул он, вытирая со лба пот. — Я искал тебя везде. Ты что, прятался? Твой Наставник хочет тебя видеть.

— Как он выглядит? — спросил я с некоторым беспокойством.

— Как выглядит? Как выглядит? А как он, по-твоему, должен выглядеть? Ты же видел его пару дней назад. Что с тобой? Ты что, заболел?

Мальчик пошел прочь, бормоча что-то себе под нос. Я отвернулся и поправил свою

мантию, проверяя, на месте ли моя чашка и шкатулка, а затем вышел в коридор.

Мне всегда нравилось выбираться из детской части монастыря с выбеленными известью стенами и приходить в ту часть, где жили ламы. Медленно идя по коридору, я заглядывал в комнаты. Большинство лам держали двери открытыми. В одних комнатах можно было видеть стариков, перебиравших четки и беспечно твердивших «Ом мани падме хум!» В других — ламы почтительно перелистывали страницы старых книг, выискивая в писаниях новые идеи. Я никогда не понимал этих стариков, пытающихся прочесть что-то между строк, старающихся извлечь из написанного тот смысл, который не был вложен туда изначально. Если им это удавалось, они тут же начинали строчить «Новые интерпретации писания, сделанные ламой Таким-то».

Древний старик с взлохмаченными белыми бровями спокойно крутил молитвенное колесо и что-то тихо напевал про себя. Другой декламировал себе под нос руководства по ведению теологических споров, в которых явно стремился быть всегда на высоте.

— Эй, маленький наглец, хватит уже ходить здесь и оставлять свои грязные следы на чистом полу, — раздраженно проворчал старый уборщик. Он отложил щетку и гневно посмотрел на меня. — Я не собираюсь работать здесь целый день из-за таких, как ты.

— Выпрыгни из окна, старик! — грубо сказал я, проходя мимо него.

Он потянулся, пытаясь схватить меня, но споткнувшись о длинную ручку своей щетки, упал на пол, произведя глухой стук. Я ускорил шаги, стараясь удалиться от него, прежде чем он поднимется на ноги. Никто ничего не заметил. Молитвенное колесо жужжало и щелкало, монахи все декламировали, а глухие голоса все бубнили свои мантры.

Рядом в комнате старик кашлял и прочищал свою глотку, производя ужасный шум. Я прошел мимо. Коридор был длинным, на своем пути я миновал жилища низших лам, лам высокопоставленных и, наконец, добрался до «престижных апартаментов», где жили самые достойные ламы. Все двери здесь были закрыты. Я свернул из главного коридора и вошел в небольшое крыло, обиталище «особо выдающихся». Здесь, в этом самом почетном месте и останавливался мой Наставник во время визитов в Поталу.

Мое сердце громко стучало, когда я остановился у двери и постучал.

— Войдите! — прозвучал хорошо знакомый голос.

Я вошел и ритуально поклонился сияющей фигуре, сидящей спиной к окну. Лама Мингьяр Дондуп улыбнулся доброй улыбкой и внимательно оглядел меня, стараясь определить, как я жил эти семь дней.

— Садись, Лобсанг, садись! — сказал он, указывая на подушку, лежащую перед ним.

Некоторое время мы сидели, и он задавал мне вопросы. Мне трудно было отвечать на них, а на некоторые — очень трудно. Присутствие этого великого человека наполняло меня глубочайшими чувствами любви и преданности. Мне не нужно было ничего, лишь бы постоянно ощущать его присутствие.

— Высочайший очень доволен тобой, — отметил он и лукаво добавил: — Я полагаю, это стоит отпраздновать.

Он протянул руку и позвонил в маленький серебряный колокольчик. Вошел обслуживающий монах, неся низкий стол — одну из самых красивых вещей, которые можно было встретить в комнатах лам. Я всегда боялся поцарапать или оставить отметину на таком столике. Стол был установлен справа от Наставника. Улыбнувшись мне, лама повернулся к обслуживающему монаху и спросил:

— Ты приготовил поднос для Лобсанга?

— Да, Мастер, — ответил тот, — я сейчас принесу его.

Он вышел и вскоре вернулся, неся поднос, который мог стать лучшим «украшением» этой комнаты. Он был переполнен подарками из Индии. На нем были сладкие и клейкие пирожные, покрытые каким-то сиропом, обсыпанные сахаром, грецкими орехами и каштанами, привезенными из далекой страны. Обслуживающий монах слегка улыбнулся и положил рядом со мной большой пучок трав, которые мы

использовали при несварении желудка.

Другой монах вошел, неся маленькие чашки и большой кувшин, наполненный горячим индийским чаем. По знаку моего Наставника монахи удалились, а я приступил к поглощению этой приятной замены тсампы! У меня не возникло даже и мысли о других послушниках, которые, возможно, никогда в жизни не пробовали ничего, кроме тсампы. Я хорошо знал, что тсампа — единственная пища, доступная для большинства из них на протяжении всей жизни.

Я утешался мыслью, что, скорее всего, если бы им и пришлось попробовать эти экзотические лакомства из Индии, они бы им не понравились. Я знал, что мне в жизни предстоят трудные времена, что вскоре мне придется питаться намного худшей пищей. С детским самодовольством из этого всего я сделал вывод, что нет ничего плохого в том, чтобы, пробуя эти приятные вещи, компенсировать все неприятности, которые я пережил. Поэтому, находясь в полном душевном спокойствии, я съел больше, чем обычно.

Мой Наставник сохранял молчание и только пил чай — его индийскую разновидность. Но внезапно, словно получив сигнал откуда-то свыше, я решил, что не смогу съесть больше ни крошки. Даже вид этой пищи стал мне противен, и я чувствовал, будто во мне начинается какая-то битва. Мне стало казаться, что какие-то странные пятнышки плавают у меня перед глазами. Больше есть я не мог, и мне пришлось удалиться в известное место, потому что все съеденное сильно распирало мой живот.

Когда я вернулся, заметно побледнев и слегка дрожа, мой Наставник продолжал сидеть, невозмутимо и спокойно. Он улыбнулся мне, когда я снова устроился рядом, и сказал:

— Теперь, когда ты проглотил и потом благополучно избавился от большей части своей еды, ты по крайней мере будешь помнить об этом. Это поможет тебе. А сейчас давай поговорим.

Я устроился удобнее. Он внимательно смотрел на меня. Несомненно, его интересовало, как обстоит дело с моими поврежденными ногами.

— Я говорил с Высочайшим, — сказал он, — и он рассказал мне о твоём полете на Золотую Крышу. Его Святейшество рассказал мне также и то, что ты, рискуя быть изгнанным, поведал ему правду. Он очень доволен тобой, очень доволен тем, что узнал, как ты ждешь меня, и сейчас у меня есть особое распоряжение насчет тебя.

Лама посмотрел на меня, слегка улыбнулся, возможно, удивленный выражением моего лица. Я думал, что самые сильные неприятности, самое большое горе, самые страшные трудности, переживаемые сейчас, могут показаться всего лишь маленькими неудачами в сравнении с тем, что ждет меня в будущем. Мне казалось, что неприятности — моя болезнь. Почему я не похож на тех людей, которые летают на удивительных воздушных змеях или управляют этими извергающимися пар коробками, наполненными солдатами?

Я думал, что с удовольствием выполнял бы поручения на одной из тех металлических шуток, которые плавают по воде и перевозят людей из страны в страну. Потом мое внимание отвлеклось, и я задумался над тем, как они могут быть металлическими. Каждый знает, что металл тяжелее воды и поэтому будет тонуть. Этому должно быть только одно объяснение: они не могут быть полностью металлическими — тот монах, должно быть, обманул меня. Я посмотрел вверх и увидел, что мой Наставник смеется. С помощью телепатии он проследил мои мысли и очень развеселился.

— Эти змеи называются аэропланами, паровой дракон — это паровоз, а железные коробки — это корабли, и они действительно могут плавать. Позже я тебе обо всем этом расскажу, но сейчас у нас есть другое дело.

Он слова позвонил. Вошел слуга и унес стоящий передо мной стол, печально улыбаясь тому, как я расправился с лакомствами из Индии. Мой Наставник сказал, что хочет еще чаю, и некоторое время мы ждали, пока его принесут.

— Индийский чай мне нравится больше китайского, — сказал Наставник.

Я согласился с ним. От китайского чая меня иногда даже тошнило. Китайский чай я употреблял гораздо чаще, но индийский казался мне более приятным. Наш разговор о чае был прерван вошедшим слугой, который принес новый кувшин. Он удалился, и Наставник разлил чай в чашки.

— Его Святейшество сказал, что ты освобожден от обычных занятий. Вместо этого тебя буду учить я и другие специалисты. Тебе отведена задача сохранения древних знаний, и в будущем ты напишешь книги о них. Наиболее проницательные пророки, предсказывая будущее нашей страны, говорят, что она будет захвачена, и многое в этом и других монастырях будет разрушено и уничтожено. Благодаря мудрости Высочайшего все записи уже скопированы, и копии останутся здесь. Оригиналы же будут унесены далеко, так далеко, что до них не сможет добраться ни один захватчик. Сначала тебе придется глубоко изучить искусство метафизики. — Он прервался, поднялся на ноги и вышел в другую комнату.

Я слышал, как он там что-то ищет. Потом он вошел, неся в руках простую деревянную коробку. Он положил ее на разукрашенный стол, сел рядом со мной и несколько секунд хранил молчание.

— В древности люди отличались от тех, которые живут сейчас. Тогда они могли руководствоваться законами природы и использовать чувства, которые сейчас утеряны, кроме очень редких случаев. Много сотен веков назад люди были телепатами и ясновидцами, но, используя эти силы для достижения недостойных целей, человечество полностью их утратило. Все эти способности сегодня атрофированы. И хуже того — сегодня люди полностью отрицают их существование. Когда ты покинешь Тибет и посетишь многие страны, ты увидишь, что глупо разговаривать с людьми о ясновидении, астральных путешествиях, левитации или телепатии, потому что они лишь упрямо твердят: «Докажите это, докажите это. Вы говорите загадками, рассказываете небылицы. Не существует ни того, ни другого, ни третьего. Если бы они были, наука бы открыла их».

На некоторое время Наставник задумался, тень пробежала по его лицу. Его возраст было очень трудно определить — никто не мог сказать, молод он или стар. Тело у него было крепким, на лице не было морщин, он излучал здоровье и жизненную силу. И все же я знал, что он много путешествовал и успел побывать в далекой Европе, Японии, Китае и Индии. Я знал, что он обладает также очень большим опытом существования на других уровнях бытия.

Иногда он рассматривал некоторые журналы, привезенные из Индии. При этом он обычно грустно вздыхал, поражаясь глупости воюющих людей. Был один журнал, который особо интересовал его, и он всегда, когда мог, привозил его из Индии. Это был особый журнал, который назывался «London Illustrated». Я находил, что некоторые экземпляры этого журнала были источниками интересной информации. Там были картинки с изображением вещей, которые выходили за пределы моего понимания. Больше всего меня интересовало то, что называлось «рекламой». Всякий раз, стараясь прочесть надписи, я встречал непонятные слова, и когда подворачивался случай, я находил кого-то, кто достаточно хорошо знал этот странный язык и мог объяснить мне значение слов.

Я сидел и смотрел на своего Наставника. Случайно я взглянул на деревянную коробку, которую он принес. Мне было интересно, что она содержит. Эта коробка была сделана из неизвестного мне дерева. У нее было восемь сторон, и она очень походила на шар. Некоторое время я сидел, удивляясь, что же это могло быть, и что могло быть внутри, и почему мой Наставник так внезапно замолчал. Но вдруг он заговорил:

— Лобсанг, ты должен развить свое природное ясновидение до более высокого уровня. И сначала тебе следует познакомиться с этим.

Он осторожно придвинул ко мне деревянную коробку, словно она могла что-то объяснить, но это лишь повергло меня в еще более глубокое смущение.

— Вот подарок, который я должен преподнести тебе от имени самого Высочайшего. Ты сможешь использовать его, чтобы сотворить много добра.

Он наклонился и обеими руками поднял коробку, несколько секунд смотрел на нее и очень осторожно вложил ее мне в руки, продолжая придерживать на тот случай, если я — по мальчишечьей неуклюжести — уроню ее. Она была очень тяжелой, и мне показалось, что там находится огромная каменная глыба.

— Открой ее, Лобсанг! — велел лама Мингьяр Дондуп. — Иначе ты не узнаешь, что находится внутри.

Я осторожно вращал ее в руках, пытаюсь сообразить, как она открывается. У нее было восемь сторон, и я не мог понять, где к ней прилажена крышка. Наконец я взялся за верхушку и сделал поворот. Круглая верхняя часть оказалась у меня в руке. Я присмотрелся к ней. Это была всего лишь крышка. Я положил ее рядом с собой и обратил все свое внимание на то, что находилось внутри коробки. Все, что я смог увидеть, — это тряпичный сверток. Я взял его и стал вынимать. Его вес был невероятным. Я аккуратно расправил мантию на случай, если что-то будет падать. Оно не должно было упасть на пол. Затем я взял коробку, перевернул ее и поднял тяжелое содержимое. Пустую коробку я поставил на место и принялся изучать сферический предмет, завернутый в черную материю.

Когда мои суетливые пальцы развернули его, я чуть не задохнулся от восхищения — передо мной лежал прекрасный, совершенно безупречный кристалл. Это был настоящий кристалл, он не был похож на стеклянную подделку. Этот кристалл был настолько чист, что трудно было определить, где он начинался и где заканчивался. Некоторое время мне казалось, что я держу в руках сферу из ничего, но тут я вспомнил о его весе. Вес был удивительным. Кристалл весил, наверное, столько же, сколько весил бы камень таких же размеров.

Мой Наставник смотрел на меня, улыбаясь. Наши глаза встретились, и он сказал:

— У тебя получается, Лобсанг. Ты держишь его правильно. Теперь ты должен вымыть его, прежде чем использовать. Тебе следовало бы вымыть и руки.

— Вымыть его, уважаемый Лама? — смутился я. — Для чего же его мыть? Он ведь совершенно чист и даже сверкает.

— Да, но если кристалл переменил хозяина, его необходимо вымыть. А этот кристалл хранился у меня, затем у Высочайшего, потом опять у меня. Ведь ты не хочешь рыться в моем прошлом и будущем и, конечно, тебе запрещено рыться в прошлом, настоящем и будущем Высочайшего. Поэтому иди в ту комнату, — он указал рукой направление, — вымой руки, а затем кристалл. Сделай так, чтобы вода, которую ты будешь использовать, была проточной. Я подожду здесь, пока ты не закончишь.

Я очень осторожно завернул кристалл и, поднявшись с по душки, на которой сидел, положил его на свое место, чтобы не уронить на землю. Уверившись, что более или менее твердо стою на ногах, я нагнулся, поднял тряпичный сверток и вышел из комнаты. Это было прекрасно — держать кристалл в воде. Когда я поглаживал его под водой, он, казалось, светился особой жизнью. Мне показалось, что он был частью меня, моим продолжением, и я знал: это было действительно так.

Я осторожно отложил его в сторону и вымыл руки, используя большое количество чистого речного песка. Затем я прополоскал их. Подняв кувшин с водой, я стал медленно поливать кристалл. Вода обтекала его, и можно было наблюдать маленькие радуги, когда падающие капельки попадали в лучи солнечного света, проникающие в комнату. С чистым кристаллом и вымытыми руками я вернулся в комнату своего Наставника, Ламы Мингьяра Дондупа.

— Вскоре мы с тобой будем встречаться чаще, потому что будем жить в соседних комнатах. Так решил Высочайший. С этой ночи ты не будешь спать в общей спальне. К тому времени, когда мы завтра вернемся в Чакпори, будут сделаны приготовления, и тебе отведут комнату рядом с моей. Ты будешь обучаться со мной и другими учеными ламами, которые много повидали, много сделали и много путешествовали в астральном мире. Кристалл будет храниться в твоей комнате, и никто не будет прикасаться к нему, чтобы не

оказать на него никакого влияния. Теперь передвинь свою подушку и сядь спиной к свету.

Я зашевелился и сделал так, как он велел мне. Я сел довольно близко к окну, осторожно сжимая кристалл руками, но Наставник был недоволен:

— Нет, нет, убедись, что ни один солнечный луч не падает на кристалл, иначе ты будешь видеть в нем ложные отражения. Нужно сделать так, чтобы в кристалле не было ни одного пятнышка света. Ты должен позаботиться об этом. — Он встал и повесил на окно тонкую шелковую занавеску, закрывающую солнечный свет. Комната залилась бледно-голубым сиянием, словно на нас опустились сумерки.

Стоит сказать, что в Лхасе, как, впрочем, и во всем Тибете, было очень мало стекол. Стекла привозили из-за гор торговцы. Частые бури, которые сотрясали наш город, почти сразу разбивали все стекла мелкими камешками. Поэтому мы пользовались заслонками из подходящего материала. Некоторые из них были деревянными, некоторые из тонкого шелка или другого похожего материала. Эти заслонки задерживали ветер и пыль. Но у шелковой заслонки было одно преимущество — она пропускала сквозь себя солнечный свет.

В конце концов я оказался в позе, которую мой Наставник считал подходящей. Я сидел, подогнув ноги под себя и высунув пятки вправо. Это не была поза лотоса, потому что ноги у меня все еще болели. Сложенными в горсть руками я держал кристалл у себя на коленях. Я поддерживал его снизу и, казалось, не видел своих рук за строгими гранями этого шара.

Я склонил голову и смотрел на кристалл, точнее, в кристалл, ничего в нем не видя и не фокусируя взгляд. Чтобы правильно смотреть в кристалл, нужно сосредоточиться на точке где-то в бесконечности. Если сосредоточиться на самом кристалле, то привлекают внимание лишь пятна, пылинки, какие-то отражения, все то, что обычно мешает открытию ясновидения. Итак, смотря в кристалл, я учился фокусировать взгляд на бесконечности.

Я вспомнил впечатления от случившегося в храме, когда я видел толпы странствующих душ и слышал пение девяти лам, перемежавших каждое возжигание палочки благовоний звоном серебряных колокольчиков.

Наставник улыбнулся мне и сказал:

— Сейчас еще не время для разглядывания и гадания по кристаллу. Сначала ты должен многому научиться. Тише едешь, дальше будешь. Ты должен научиться правильно держать кристалл. Сейчас ты держишь его правильно. Но существует еще множество способов, как держать его в различных ситуациях. Если ты захочешь узнать, что происходит в мире, ты должен использовать кристалл, положив его на подставку. Если же ты стремишься узнать что-то о человеке, ты должен дать кристалл ему в руки. Если ты будешь достаточно подготовлен, то сможешь потом, держа кристалл перед испытуемым, рассказать ему все, что он захочет узнать.

В это мгновение мне показалось, будто мы провалились в ад. Это были глухие, бессвязные, раскатывающиеся звуки раковин, похожие на мычание яков в долинах. Завывающие звуки дрожали в воздухе, то тише, то громче. Мне никогда не удавалось различить какую-либо музыку в звучании раковин, и поэтому все говорили, что у меня нет слуха. Вслед за раковинами из храма зазвучали фанфары, зазвонили колокола и загремели деревянные барабаны. Мой Наставник повернулся ко мне и сказал:

— Ну что, Лобсанг, нам пора отправляться на богослужение. Сам Высочайший будет там. В наш последний вечер в Потале нам следует вести себя достойно. Мне нужно поторопиться, ты же отправляйся своим шагом.

Сказав это, он поднялся на ноги, погладил меня по плечу и вышел.

Я аккуратно завернул кристалл и очень осторожно положил его в восьмигранную коробку. Водрузив ее на стол неподалеку от того места, где сидел Наставник, я вышел в коридор. Со всех сторон сходились послушники, монахи и ламы. Это напоминало мне растревоженный муравейник. Все словно бы стремились занять самые лучшие места из

тех, которые полагались им по их рангу. Я не спешил, я мог сесть где угодно и так, чтобы меня никто не заметил. Это было все, что мне нужно.

Звучание раковин прекратилось. Умолк гул фанфар. Поток входящих в храм уменьшился до маленького ручейка, и я обнаружил, что плетусь в хвосте. Это был великий храм, который посещал сам Высочайший, когда ему удавалось освободиться от своих обязанностей и прийти сюда вместе с другими ламами.

Огромные колонны поддерживали крышу, которая, казалось, парила в темноте ночи. Над нами, как всегда, облаками висел дым благовоний. Серые, белые и голубые клубы кружились и перемешивались. И хотя им никогда не удавалось сохранить какую-то определенную форму, каждое из этих облаков обладало своей индивидуальностью.

Маленькие мальчики с горящими факелами бегали вокруг и зажигали масляные лампы. Лампы шипели, а затем вспыхивали ярким пламенем. То тут, то там были такие, которые разгорались не сразу. В одних масло очень затвердело, а в других были обугленные фитили. Эти лампы коптили, заставляя нас чихать от дыма.

Наконец большинство ламп было зажжено. Монахи принесли длинные палочки благовоний. Их подожгли и сразу погасили. Они засветились красным светом, выпуская огромные клубы дыма. Я посмотрел вокруг и увидел, что все ламы, собравшись в одну группу, сидели, образуя стройные ряды — лицом к лицу, спиной к спине и опять лицом к лицу. В некотором отдалении от них так же сидели монахи. Еще дальше — послушники. Перед каждым из лам стоял стол высотой с фут, на которых были разложены различные маленькие предметы, включая неизменные серебряные колокольчики. Иногда попадались деревянные барабаны.

Наконец началось богослужение. Лектор подошел к кафедре и стал читать отрывки из священных книг. Ламы и монахи вторили ему. В завершение каждого отрывка одни ламы звонили в свои колокольчики, а другие слегка ударяли пальцами по барабанам. Снова и снова в ознаменование окончания определенной части ритуала откуда-то издали, из глухих углов храма доносился рокот раковин.

Я наблюдал за всем этим, но для меня это было не больше чем зрелище, не больше чем обычное ритуальное действие. Я решил, что когда-нибудь надо будет спросить Наставника, для чего нужны такие церемонии. Я сомневался в том, что они могут помочь людям стать лучше. Я знал многих монахов, которые были очень набожны во время богослужения, но за стенами храма были далеки от идеала. Другие же, никогда не бывавшие в храме, были настолько добры и внимательны, что всегда могли прийти на помощь бедному, сбитому с толку малышу, который не знал, что ему делать. Ведь дети всегда боятся попасть в неприятности из-за того, что многие взрослые не любят отвечать на их вопросы.

Я посмотрел в центр храма на группу лам и увидел, что там сидит наш уважаемый и любимый Высочайший. Он сидел тихо и спокойно окруженный аурой духовности. Я решил, что всегда буду стараться быть похожим на него и на моего Наставника, ламу Мингьяра Дондупа. Служба продолжалась и продолжалась. И мне показалось, что я даже уснул возле одной из колонн, потому что забылся, пока меня не разбудил звон колокольчиков и раскатистый гул раковин. Я услышал шум, производимый людьми, поднимающимися на ноги, и неопределенные звуки, которые они издавали, пробираясь к выходу. Я протер глаза кулаками, стараясь выглядеть бодрствующим и внимательным.

Ковыляя вслед за толпой, я направился в спальню, думая о том, как прекрасно, что скоро мне уже не нужно будет спать с целой толпой мальчишек, которые целую ночь кричат и храпят. Следующую ночь я проведу в собственной комнате.

В спальне я приготовился ко сну, завернувшись в свое одеяло. Мальчишки старались заговорить со мной. Они завидовали, что с завтрашнего дня у меня будет личная комната. Но не успев договорить до конца предложения, они начинали зевать и мгновенно засыпали, повалившись на пол. Завернутый в одеяло, я подошел к окну и посмотрел на звездное небо, на далекие горные вершины, посеребрённые лучами вос-

ходящей луны. Потом я тоже лег и заснул, не думая ни о чем. Мой сон был спокойным, без сновидений.

Глава 11 Возвращение в Чакпори

Мы вместе шли по коридору, пока в конце концов не добрались до внутреннего двора, где монах-конюх уже держал наготове двух лошадей. Одна предназначалась для Наставника, другая — к моему ужасу — для меня! Наставник приказал конюху помочь мне взобраться на лошадь, и я был очень рад этому. Принимая во внимание больные ноги, нетрудно понять, что лошадь и я редко оказывались одновременно в одном и том же месте. Когда я собирался вскарабкаться на нее, она обычно отходила, и я падал на землю. Когда же я ожидал, что она вот-вот двинется, и прыгал на нее, учитывая предполагаемое изменение ее положения, она, как правило, оставалась на месте, и я снова оказывался отнюдь не в седле.

Наконец, несмотря на свои покалеченные ноги, я с помощью конюха взобрался на лошадь. Но и тут я, видимо, сделал что-то не так, и она бросилась вперед. Наставник громко смеялся, глядя на меня и понимая, что я не в состоянии управлять этим ужасным животным. Лошадь промчалась через дворик и поскакала дальше по тропинке. Я молился за свою жизнь, боясь упасть и покатиться по склону горы.

Мы неслись вдоль стены. Из окна надо мной выглянуло толстое приветливое лицо:

— До свидания, Лобсанг. Возвращайся скорее. На следующей неделе у нас будет свежий ячмень, и я приготовлю из него новое блюдо, какого ты еще никогда не пробовал. Как только вернешься, заходи.

Затем повар увидел, что подъезжает другой всадник, и, обратив глаза к нему, взмолился:

— О! Аи ! Аи! Уважаемый Медицинский Лама, простите меня!

Приближался мой Наставник, и бедный монах решил, что вел себя слишком дерзко. Однако приветливая улыбка Наставника позволила ему снова обрести покой.

Я спускался с горы, а мой Наставник, громко смеясь, ехал следом.

— Нам нужно будет приклеить тебя к лошади, Лобсанг, — сдерживая смех, произнес он.

Я хмуро оглянулся назад. С ним было все в порядке. Это был большой человек шести футов ростом и более двухсот фунтов весом. Он был не только умен, но и мускулист. Я не сомневался, что стоило ему только захотеть, он вполне мог бы поднять эту лошадь и снести ее с горы вместо того, чтобы нести не ней. Я же, наоборот, ощущал себя мухой, севшей на слона. Я практически не мог управлять лошадью. Она часто проявляла упрямство, зная, что я буквально окаменел от страха. Она двигалась по самому краю тропы и ржала, — очевидно, ее веселила моя бестолковость.

Мы достигли подножия горы и направились по Допдальской дороге, так как, прежде чем отправиться в Чакпори, нам следовало заглянуть в одно правительственное учреждение в деревне Шо. Когда мы прибыли туда, Наставник довольно основательно привязал мою лошадь к столбу и, помогая мне спуститься на землю, сказал:

— Теперь ты должен постоять здесь, Лобсанг. Я вернусь через десять минут.

Он поднял сумку и зашагал в направлении одного из домов, оставив меня сидящим на груде камней.

— Сюда! Сюда! — раздался позади меня голос, принадлежавший, видимо, сельскому жителю. — К нам пожаловал Лама в шафранной мантии. Он оставил неподалеку двух лошадей. А вон его мальчик, который присматривает за ними. Как поживаешь, маленький Мастер?

Я огляделся и увидел небольшую группу паломников. Они стали раскланиваться предо мной в традиционных тибетских приветствиях, которыми обычно низшие по рангу приветствуют высших. Мою грудь распирало от гордости. Я бессовестно наслаждался,

греясь в лучах славы, свалившейся на меня из-за того, что оказался «мальчиком Ламы в шафранной мантии».

— О! — ответил я. — Вам не следовало бы так шумно приветствовать монаха. Мы все время погружены в медитацию, и внезапный шок в этом случае очень вреден для здоровья.

Сдвинув брови, я неодобрительно посмотрел на них и продолжил:

— Мой Мастер и Наставник Лама Мингьяр Дондуп, обладатель шафранной мантии, один из самых известных здесь лам, он действительно очень великая личность, и я советую вам не подходить близко к его лошади, потому что эта лошадь тоже знаменита — на ней ездит такой великий человек. А сейчас идите, идите и не забывайте, что вам следует обойти вокруг по Кольцевой дороге. Это принесет вам большую пользу!

С этими словами я отвернулся, считая, что поступил, как настоящий монах, и надеясь, что произвел должное впечатление.

Смех, раздавшийся неподалеку, заставил меня смущенно оглянуться. Я увидел торговца. Он стоял, положив одну руку на бедро, и ковырял соломинкой в зубах. Мельком я оглянулся и заметил, что паломники, как и ожидалось, продолжили свой путь.

— Ну? Что тебе нужно? — спросил я старого торговца, который таращил на меня свои узкие глаза. Его лицо было покрыто морщинами. — У меня нет лишнего времени.

Старик улыбнулся хитрой улыбкой.

— Не будь так строг с бедным старым торговцем, который *прожил* трудную жизнь в это тяжелое время. Нет ли у тебя случайно с собой каких-нибудь безделушек из Большого Дома? Я заплачу тебе хорошую цену за клочок волос с головы ламы или за кусочек его мантии. Я могу предложить тебе еще больше за вещь, благословленную каким-нибудь высшим ламой, например, твоим Наставником в шафранной мантии. Ответь мне, маленький Мастер, ответь, прежде чем он вернется и застанет нас вместе.

Я презрительно фыркнул, посмотрев на него. Даже если бы у меня была дюжина мантий, я бы ни одной не продал такому плуту и шарлатану. Тут, к своей радости, я увидел возвращающегося Наставника. Старый торговец тоже увидел его и зашагал прочь неуклюжей походкой.

— Ты хотел что-то купить у этого торговца? — спросил Наставник.

— Нет, уважаемый Мастер, — ответил я, — это он пытался клочки Ваших волос, обрывки мантии или то, что, как ему казалось, я мог бы стянуть у Вас.

Лама Мингьяр Дондуп засмеялся, но это был печальный смех. Он осмотрел вслед торговцу, который не терял времени и пытался побыстрее скрыться из виду.

— Очень жаль, что эти люди всегда начеку. Они всегда пытаются что-то получить и использовать это в корыстных целях. Ведь на самом деле сила не в шафранной мантии, а в душе ее обладателя.

Сказав это, он поднял меня одним мягким и легким движением и усадил на лошадь, которая была так же удивлена, как и я. Затем он отвязал поводья и протянул их мне (ох, если бы я знал, что с ними делать!). Он взобрался на свою лошадь, и мы двинулись в путь.

Мы скакали вниз по Манч-Аханхангу, оставив позади деревню Шо и Парго-Калинг. Затем перебрались по мосту, перекинутому через приток Калинг-Чу, повернули влево и пересекли небольшой парк Кунду, а затем еще раз взяли влево и, наконец, достигли дороги, ведущей в Чакпори.

Это была ухабистая и каменистая дорога. По ней было трудно передвигаться. Здесь нужны были надежные кони. Железная Гора, как мы обычно называли Чакпори, была выше горы, на которой возвышалась Потала. Ее остроконечные вершины были меньше, острее, круче. Наставник ехал впереди, и из-под копыт его лошади часто вылетали и падали передо мной небольшие камни. Моя лошадь шла следом, аккуратно придерживаясь тропинки.

Все время, пока мы поднимались, я смотрел направо — на юг, где сверкала

Счастливая Река, или Куай-Чу. Прямо подо мной находился Парк Сокровищ — Норбу-Линга, где Высочайший иногда проводил некоторое время, восстанавливая силы. Сейчас этот парк был пуст. Только несколько монахов-садовников приводили его в порядок после недавней бури. Нигде не было ни одного ламы. Я вспомнил, как до перелома ног любил скатываться вниз по горному склону, перебежал через Лингхорскую дорогу и заходил в Норбу-Линга. Тогда мне казалось, что это был сверхсекретный путь, известный лишь мне одному.

Мы достигли вершины горы, каменистого пространства перед стенами Чакпори, которые окружали весь монастырь. Монахи у ворот радушно встретили нас, двое других приняли наших коней. Со своим конем я расстался с величайшей радостью, но, встав на ноги, тяжело вздохнул.

— Я должен буду осмотреть твои ноги, Лобсанг. Они заживают не так быстро, как я ожидал, — сказал мой Наставник.

Монах взял багаж ламы и понес его прочь. Наставник пошел к монастырю, обращаясь ко мне через плечо:

— Мы увидимся снова через час.

Мне казалось, что Потала перенаселена, что это слишком «важное» место. Там всегда следовало быть «на чеку», всегда существовала опасность досадить какому-то высокопоставленному монаху или младшему ламе. Старшие ламы никогда ни на что не обижались; у них было о чем беспокоиться и без того, чтобы обращать внимание, смотрят ли на них со стороны. Во многих случаях низшие ламы суежились и беспокоились там, где высокопоставленные проявляли доброту, рассудительность и понимание.

Я вошел во двор, надеясь найти возможность хорошо подкрепиться. На этом этапе жизни пища имела большое значение для меня, потому что тсампа, несмотря на все ее преимущества, все же не слишком-то утоляла голод.

Проходя по хорошо знакомым коридорам, я встретил много сверстников — мальчишек, которые поступили в монастырь вместе со мной. Но сейчас я замечал в наших отношениях большие перемены. Я уже не был для них просто мальчишкой, другом по учебе и играм. Я находился под особым наблюдением великого ламы Мингьяра Дондупа, обладателя шафранной мантии. Слухи об этом уже распространились повсюду. Обо мне говорили, что я буду обучаться по особой программе, что получу комнату в части монастыря, отведенной для лам. Одни считали, что я буду заниматься тем, другие думали, что этим. Мне было неловко оттого, что о моих «подвигах», реальных или вымышленных, уже знали все. Один мальчишка радостно сообщил другому, что своими глазами видел, как ветер поднял меня с земли и перенес на вершину Золотой Крыши.

— Я видел это своими собственными глазами, — говорил он, — я стоял недалеко и наблюдал за ним. Затем поднялась сильная пыльная буря, и я видел, как Лобсанг взмыл вверх. Было похоже, что он сражается с демонами там, на крыше. А потом... — он принял драматическую позу и выразительно закатил глаза. — А потом он свалился прямо в руки одному из хранителей.

Рассказчик вздохнул. В этом вздохе было все — и страх, и восхищение, и зависть. Затем он продолжил:

— В тот же день Лобсанг был вызван к Высочайшему, который этим самым оказал и нам — послушникам — знак внимания и почета.

Я пробрался сквозь толпу возбужденных наблюдателей, сквозь ватагу малышей и молодых монахов, которые надеялись, что я сделаю какое-то сногшибательное сообщение. Им казалось, что я вот-вот должен заговорить о чем-то вроде божественного откровения, но я просто искал еду. Я пробрался сквозь толпу и зашагал по коридору к хорошо знакомому месту — кухне.

— А! Ты снова вернулся к нам? Ну что ж, садись, я накормлю тебя. По твоему виду не скажешь, что ты хорошо ел в Потале.

Старый монах-повар подошел, погладил меня по голове и слегка подтолкнул, так

что я оказался сидящим на куче пустых мешков из-под ячменя. Он порылся в моей мантии, пытаясь достать чашку. Наконец он вытащил ее, абсолютно чистую (сейчас это было так кстати!), и подошел к ближайшему котлу. Вскоре он вернулся с чашкой, из которой капала тсампа. Я вскочил на ноги, опасаясь, что он может пролить все на мою мантию.

— Вот, мальчик, — сказал он, вкладывая чашку мне в руки. — Ешь, ешь быстрее. Мне кажется, что за тобой могут скоро прийти — Настоятель хочет услышать обо всем, что произошло.

К счастью, вошел кто-то еще, и повар вынужден был отвлечься и оставить меня наедине с тсампой.

Я вежливо поблагодарил его. Это был добрый старик, который думал, что все дети беспомощны, но они не настолько беспомощны, какими кажутся, особенно если их хорошо накормить. Я подошел к огромному мешку с песком и аккуратно вычистил свою чашку, а затем, взяв веник, подмел песок, который рассыпался на пол, поклонился удивленному повару и вышел.

Я дошел до конца коридора, где было окно, и, опершись руками о подоконник, выглянул наружу. Подо мной было болото, а рядом струился ручей. Но я смотрел в сторону переправы. Казалось, у лодочника был необычайно напряженный день. Он налегал на весла и греб изо всех сил, не жалея себя. Его лодка из ячьей шкуры была до предела нагружена людьми и их багажом. Я не мог понять, что случилось и почему так много людей переправляются в Святой Город.

Тут я вспомнил о русских, которые оказывали большое давление на нашу страну, и сейчас, когда засуетились британцы, направляли в Лхасу огромное количество шпионов, переодетых торговцами. Эти люди думали, что мы — бедные невежественные туземцы и поэтому никогда не распознаем их. Они не знали, что большинство лам были телепатами и ясновидящими и без труда раскрывали намерения шпионов.

Я любил стоять и разглядывать разных людей, угадывая их мысли, определяя, насколько эти мысли хороши или плохи. После некоторой практики это давалось легко. Но сейчас было не время стоять и глазеть — мне нужно было увидаться с Наставником. Мне хотелось попросить разрешения прилечь. Мои ноги очень болели, и к тому же я сильно устал.

Прежде чем я окончательно выздоровел и был готов заняться своими делами, моему Наставнику пришлось отлучиться в монастырь Роуз-Фене. Я же должен был провести целую неделю среди одеял на полу. Чакпори — хотя это и хорош ее место — не совсем приветливо относится к больным мальчишкам, которые выздоравливают медленно и тем самым нарушают установленный порядок. Поэтому мне пришлось отправиться в Поталу, где, как ни смешно это звучит, было больше возможностей для моего выздоровления, чем в нашем «Храме Исцеления».

В Чакпори избранные молодые монахи обучались искусству целительства. Мы изучали все о человеческом теле, изучали, как работают различные его органы. Нас обучали акупунктуре — особому методу лечения, который состоит в том, что в тело человека вонзают очень тонкие иглы, чтобы стимулировать определенные нервные центры. Нас обучали науке о травах, мы учились, как распознавать травы, как их собирать, как их приготавливать, хранить и сушить. В Чакпори находились огромные здания, в которых монахи под руководством лам готовили различные мази и настои. Я вспомнил, как первый раз попал в одно из таких мест...

Я нерешительно заглянул в дверь, не догадываясь о том, что увижу, и не зная, кто на меня смотрит. Я изнемогал от любопытства. Хотя я еще не начинал изучать травы, мне было очень интересно. Итак, я заглянул внутрь.

Комната была большой. С балок, тянувшихся из стороны в сторону и поддерживающих треугольный остов высокой крыши, свисали веревки. Некоторое время

я смотрел, не понимая, зачем они нужны. Потом, когда глаза привыкли к полутьме помещения, я увидел, что концы веревок привязаны к кожаным мешкам. Кожа этих мешков после соответствующей обработки становилась тверже дерева. На каждом мешке была надпись — слова, которые ни о чем мне не говорили. Я смотрел, и никто не замечал меня, пока один старый лама не повернулся и не обратил на меня внимание. Он приветливо улыбнулся и сказал:

— Заходи, мальчик, заходи. Мне очень приятно, что такой малыш, как ты, уже интересуется. Заходи.

Я нерешительно подошел к нему, и он, положив руку мне на плечо, к моему изумлению, принялся рассказывать мне об этом помещении, показывая разные травы. Он объяснил мне разницу между травяным порошком, травяным чаем и травяными мазями. Мне понравился этот старик — его, казалось, удивительно облагораживали занятия с травами.

Как раз перед нами стоял длинный стол, изготовленный из довольно шершавого камня. Я не могу сказать точно, из какого камня он был сделан. Вполне возможно, это был гранит. Стол был плоским и составлял в длину примерно пятнадцать, а в ширину — шесть футов. Это была одна огромная твердая плита. Вдоль ее сторон стояли монахи, занятые разбором травяных глыб — это единственное слово, которое я смог подобрать, чтобы описать их, потому что они действительно очень походили на спрессованные глыбы травы, на массу коричневатой растительности.

Монахи раскладывали эти травы на столе, а затем плоскими кусочками камня, похожими на кирпичи, спрессовывали траву, прижимая камни к столу. Когда они поднимали их, можно было видеть, что трава измельчалась и дробилась. Они продолжали эту работу, пока от травы не оставалась волокнистая бесформенная масса. Обработав таким образом всю траву, они уходили, а к столу подходили другие монахи. У них в руках были кожаные сумки и камни с зазубренными краями. Они аккуратно соскабливали волокнистую массу со стола в сумки. После этого возвращались первые монахи и посыпали стол песком. Затем они начинали тереть его камнями, очищая поверхность и вместе с тем нанося свежие царапины, которые нужны были для того, чтобы удерживать измельчаемую траву.

В это время другие монахи уносили сумки с волокнистым веществом в дальнюю часть большой комнаты. Там, как я мог видеть, кипели котлы с водой. Один за другим они опустошали сумки в какой-нибудь котел. Мне было интересно смотреть, как он кипел и бурлил, но стоило только очередной порции травы оказаться в нем, как кипение прекращалось. Старый лама подвел меня поближе, а затем, заглянув в котел, взял палку и помешал содержимое.

— Смотри! Мы кипятим это, пока не выкипит вся вода и не получится густой сироп. Я покажу тебе, что мы с ним делаем.

Он отвел меня в другую часть зала. Я увидел огромные кувшины, наполненные отваром. Все они были помечены различными знаками.

— Вот это, — сказал он, указывая на один из кувшинов, — мы даем людям, страдающим простудой. Они принимают небольшую дозу, и, хотя вкус не совсем приятен, это все-таки лучше, чем болеть. Так или иначе, это исцеляет их.

Он рассмеялся добрым громким смехом и подвел меня к другому столу, стоящему в смежной комнате. Группа монахов работала там над чем-то вроде низкого каменного корыта. У них в руках были деревянные лопатки, которыми они под присмотром ламы смешивали целую кучу различных веществ. Старый лама, который так неожиданно стал моим экскурсоводом, сказал:

— Здесь мы храним эвкалиптовое и камфорное масла. Мы смешиваем их с очень дорогим, привозимым издалека оливковым маслом, а потом с помощью этих деревянных лопаток монахи готовят смесь, напоследок добавляя к ней масло из ячьего молока. Это масло образует хорошую основу для мазей. Когда к нам обращаются люди,

страдающие воспалением легких, им становится намного лучше после растирания такой мазью.

Я осторожно протянул палец и прикоснулся к капле вещества на краю корыта. Даже осторожно понюхав его, я ощутил резкий запах. Он словно обжег все внутри меня. Казалось, мои легкие готовы были вывернуться наизнанку. Было страшно даже кашлянуть, хотя мне очень хотелось это сделать. Засмеявшись, старый лама сказал:

— Ты бы еще намазал нос. Тогда бы, точно, лишился его. Это концентрированное вещество, оно должно быть разбавлено большим количеством масла.

Неподалеку монахи растирали листья какого-то высушенного растения и тщательно просеивали их через кусок материи, походивший на сеть с очень мелкими ячейками.

— Эти монахи готовят специальный чай. Под чаем мы понимаем смесь трав, которую можно пить. Этот своеобразный чай, — повернувшись, сказал он, — оказывает антиспазматическое действие и возвращает спокойствие при нервном тике. После того, как ты многое узнаешь, приходи сюда и прими участие в приготовлении лекарств из трав. Ты откроешь для себя много интересного.

Как раз в этот момент кто-то позвал его. Уходя, он сказал:

— Смотри, мой мальчик, смотри, сколько хочешь. Мне приятно встретить человека, который интересуется нашим искусством.

Он ушел в другую комнату.

Я ходил вокруг, принимаясь то к одному, то к другому. Потом отыскал какой-то порошок и понюхал его. Наверное, я перестарался, потому что пыль от него забилась в ноздри и дальше, в дыхательные пути. Меня начал душить кашель. Я все кашлял и кашлял, пока какой-то лама не подошел и не дал мне выпить чаю.

Придя в себя после этой неприятности, я подошел к дальней стене, возле которой стоял огромный бочонок. Я заглянул внутрь и очень удивился. Бочонок был наполнен необычайной на вид корой, какой я никогда раньше не видел. Я прикоснулся к кусочку коры, и он раскрошился под моими пальцами. Нагнувшись пониже, я удивленно разглядывал содержимое бочонка. Я не мог понять, для чего используется эта старая труха. Кора была шершавей и грязней любой из тех, что я видел в наших парках. Лама заметил меня, подошел и сказал:

— Ну что, никак не можешь понять, что это такое?

— Да, уважаемый лама, — ответил я, — мне кажется, это просто мусор.

Он засмеялся и сказал:

— Эта кора, парень, используется во всем мире для излечения самого распространенного заболевания. Она вылечила многих и спасла много жизней. Догадайся, что это? Какая самая распространенная болезнь?

Он поставил меня в тупик. Я все думал и думал, но так и не смог ответить.

— Это запор, малыш, обычный запор. Величайшее проклятие мира. Эту священную траву мы покупаем у торговцев из Индии. Мы называем ее священной, потому что ее привозят из очень далекой страны — Бразилии, где ее называют *каскара саграда* (cascara sagrada). Мы используем ее как чай или, в исключительных случаях, выпариваем ее и полученный продукт смешиваем с определенным количеством мела и сахара, а затем прессуем в таблетки. Они предназначены для тех, кто не может переносить едкого вкуса этого чая.

Лама улыбнулся мне доброй улыбкой. Очевидно, он был очень доволен моим интересом. Это было на самом деле очень занимательно.

Старый лама, которого я встретил в самом начале, быстро подошел ко мне. Поинтересовавшись, как мои дела, он улыбнулся, увидев у меня в руках кусочек *каскара саграды*.

— Пожуй его, мой мальчик. Это пойдет тебе на пользу, он излечит твой кашель, потому что, пожевав, ты будешь бояться кашлянуть.

Затем он упорхнул, подобно маленькому эльфу. Он был высокопоставленным ламой, но небольшого роста.

— Сюда, сюда! — сказал он. — Посмотри на это. Это растение из нашей страны. Узнаешь?

Это была кора дерева, которое мы называли «скользким вязом». Она была очень полезна для страдающих гастритом. Мы измельчали эту кору, приготавливая из нее пасту. Страждущий принимал эту пасту, и боли у него уменьшались.

— Погоди, малыш, погоди. Я уверен, тебя ожидает великое будущее, если ты придешь работать к нам.

Я поблагодарил его и другого ламу за их доброту и вышел. Так закончился первый из моих многочисленных визитов сюда.

Тут я услышал поспешные шаги. Подбежал мальчик с распоряжением от моего Наставника. Лама Мингъяр Дондуп ждал меня в своих апартаментах, которые сейчас были уже почти и моими, ведь я должен был поселиться в одной из соседних комнат. Я туго затянул свою мантию, стараясь выглядеть аккуратным, и без промедления отправился. Мне не терпелось поскорее узнать, какая комната будет моей.

Глава 12 Спасение монаха

Моя комната оказалась замечательной. Она была небольшой, но вполне удовлетворяла моим запросам. Меня очень обрадовало, что здесь стояло два низких стола, на одном из которых лежало большое количество журналов и газет. На другом находились лакомства, которые мне всегда очень нравились. Когда я вошел, монах-слуга улыбнулся мне и сказал:

— Боги удачи, наверное, благоволят к тебе. Твоя дверь находится по соседству с дверью высочайшего ламы Мингъяра Дондупа.

Я знал это. Его замечание не было для меня новостью. Он продолжал:

— Вот дверь прямо в его комнату. Но запомни, ты не должен входить в нее без позволения своего Наставника, потому что он может находиться в глубокой медитации. Ты встретишься с ним через некоторое время, а пока я предлагаю тебе присесть и подкрепиться.

С этими словами он вышел из комнаты. Моя комната! Как приятно это звучит! Как замечательно получить собственную комнату после того, как был вынужден долго спать в спальне, заполненной целой гурьбой мальчишек.

Я подошел к столу и тщательно обследовал разложенные там сласти. Поколебавшись немного, я наконец решил, что мне съесть. Это было розовое пирожное, верх которого был посыпан чем-то белым. Я взял его в правую руку, затем на всякий случай взял еще одно в левую и отошел к окну. Мне хотелось определить, в какой части здания я находился.

Я положил руки на каменный подоконник и высунул голову наружу. Вдруг одно из моих индийских пирожных полетело вниз, и я посмотрел ему вслед, бормоча проклятия себе под нос. Я поспешно проглотил второе, лишая его возможности разделить судьбу упавшего. Покончив с ним, я принялся рассматривать открывающийся вид.

Я находился в юго-восточной части здания. Моя комната была крайней, как раз на углу пристройки. Из окна я мог видеть Парк Сокровищ — Норбу-Линга. Сейчас он был заполнен ламами, — казалось, они ведут оживленный разговор, постоянно жестикулируя. Некоторое время я наблюдал за ними. Один из них сидел на земле. Другие постоянно двигались вокруг него и что-то декламировали. О! Я знаю, что они делают. Они репетируют публичные дебаты, в которых собирается принять участие сам Далай-Лама.

Несколько странников брели по Лингкорской дороге — брели с таким видом, словно надеялись под каждым кустом, под каждым камнем отыскать золотой слиток. Это была разношерстная публика. Некоторые из странников были истинными,

чистосердечными пилигримами. Другие были шпионами — русскими шпионами, которые следили за нами и китайцами, и китайскими шпионами, которые следили за нами и русскими. Я подумал, что если уж они шпионят друг за другом, то вполне могли бы оставить нас в покое.

Прямо под моим окном было болото. Через него протекал небольшой ручей, который вливался в Счастливую Реку. Лингкорская дорога проходила по мосту, соединявшему берега реки. С нескрываемым весельем я разглядел на нем группу городских мальчишек. Мы называли их «черными головами» из-за того, что они не брили головы, как это делали мы, монахи. Они дурачились, стоя на мосту. Бросая в реку деревянные щепки, они перебегали на другую сторону моста, наблюдая, как щепки появляются из-под него.

Вдруг один из мальчишек не удержался и неожиданно свалился в воду головой вниз. Как ни в чем не бывало, он, барахтаясь, направился к берегу, покрытому очень вязким илом, с которым мне уже пришлось иметь дело. Все мальчишки сбегались на берег и принялись помогать только что выбравшемуся из воды приводить себя в порядок. Они знали, что отец и мать вряд ли похвалят его, если он вернется в Лхасу в таком виде.

Дальше на востоке я увидел лодочника, продолжавшего упорно работать, переправляя людей через реку. Он трудился в поте лица, надеясь заработать побольше денег. Все это очень интересовало меня, потому что я еще никогда не плавал по реке на лодке, и сейчас это было самым большим моим желанием.

Чуть дальше от переправы располагался еще один парк, Кашна-Линга. Он находился на дороге, которая вела в китайскую резиденцию. Из своей комнаты я мог видеть стены этой резиденции. Мне хорошо был виден сам сад, хотя он был скрыт от взглядов высокой стеной. Мы, мальчишки, всегда считали, что за стенами китайской резиденции творятся разнообразные зверства. Кто знает? Может это так и было.

Еще дальше на восток находился Хати-Линга, очень красивый и старый парк, который располагался на болотистой почве. За парком можно было разглядеть Бирюзовый Мост. Он был необычайно красив. Мне доставляло удовольствие смотреть, как люди поднимаются на это сооружение и через некоторое время спускаются с другой стороны.

За Бирюзовым Мостом виднелся город Лхаса: Зал Совещаний и, конечно, золотая крыша Йо-Канга, лхасского собора, который, должно быть, был старейшим зданием в нашей стране. И наконец, далеко за городом виднелись горные цепи, усыпанные хижинами отшельников и множеством небольших монастырей.

Я был очень доволен комнатой и открывающимся из нее видом. Тут меня осенило, что мне не видна Потала. Но высокие чиновники Поталы также не видят меня. Здесь я буду кидать камешки или комья тсампы в ничего неподозревающих странников, и никто из них, очевидно, не увидит меня!

В Тибете у нас не было кроватей. Мы спали на полу. Иногда у нас не было даже подушек, мы просто закутывались в одеяла и располагались на полу, положив под голову свернутую мантию.

Мне некуда было идти, я сел спиной к окну так, чтобы свет падал из-за плеча, и взял журнал. Заголовок ничего не значил для меня, потому что, будь он на английском, французском или немецком языке, я все равно не сумел бы ничего прочесть. Но как только я открыл этот журнал, я понял, что он индийский. Я увидел какую-то картинку и смог прочесть под ней несколько названий и обрывки слов.

Я пролистывал страницы. Слова ничего не значили для меня, и я принялся просто разглядывать картинки. Я взялся за журнал с некоторым предубеждением, но сейчас мое отношение к нему изменилось в лучшую сторону. Мне нравилось разглядывать картинки, в то время как мои мысли блуждали где-то далеко. Я лениво переворачивал страницы и вдруг остановился и стал смеяться.

Я смеялся от всей души. На двух центральных страницах журнала была помещена серия картинок, на которых люди, стоящие на головах, завязывали себя в узлы или что-то

вроде этого. Теперь я знаю, что это были всего лишь некоторые упражнения йоги, которая в то время была очень распространена в Индии. Я смеялся громко и долго, пока неожиданно не увидел своего Наставника, Ламу Мингъяра Дондуна, который, улыбаясь, стоял у двери.

Прежде чем я вскочил на ноги, он остановил меня жестом, сказав:

— Не надо, Лобсанг, оставим формальности. Формальности подходят для официальных случаев, но эта комната — твой дом, так же, как и моя комната, — он прошел через открытую дверь, — это мой дом. Но что заставило тебя так смеяться?

Я притих и показал картинки. Наставник подошел и сел на пол рядом со мной.

— Ты не должен смеяться над верованиями других людей, Лобсанг. Разве тебе понравилось бы, если бы кто-то смеялся над твоей верой? Это, — он указал на картинки, — упражнения хатха-йоги. Я сам не занимаюсь йогой, никто из высших лам не занимается ею. Ее практикуют лишь те, кто не может заниматься метафизическими науками.

— Мастер! — умоляюще попросил я, — расскажите мне что-нибудь о йоге. Как люди занимаются ею? Что это такое? Меня все это очень интересует.

Наставник некоторое время смотрел на свои пальцы, а затем ответил мне:

— Хорошо, тебе нужно знать об этом. Давай поговорим сейчас. Я расскажу тебе кое-что.

Я сидел и слушал, как говорит Наставник. Он везде побывал, все видел и всем занимался. Я же не мечтал о большем, только бы быть похожим на него. Я слушал его так внимательно, как мог слушать только маленький мальчик.

— Меня не интересует йога, — сказал он, — потому что йога занимается лишь развитием тела. Как только тело человека достигает определенной степени развития, йога становится просто тратой времени. Из-за этого в нашей стране никто, за исключением самых низших классов, не практикует йогу. Индийцы же посвящают этому культу много времени. Мне кажется, что йога уводит человека от настоящих истин. Признано, что перед тем, как приступить к метафизическим упражнениям, человек должен научиться управлять своим телом, дыханием, эмоциями и мышлением. Но, — он улыбнулся и посмотрел на меня, — я противник йоги, потому что это лишь попытка с помощью грубой силы сделать то, что может быть достигнуто только духовными средствами.

Пока он говорил, я разглядывал картинки. Казалось удивительным, что люди завязывают себя в узлы и думают, что достигают при этом духовного развития.

Мой Наставник продолжал:

— Многие представители низших классов Индии под прикрытием хатха-йоги часто занимаются нехорошими вещами. Они практикуют гипноз и другие подобные фокусы, будучи убежденными, что все это — духовная деятельность. Но это лишь трюки и ничего больше. Я не слышал ни о ком, кто бы попал в Райские Поля лишь потому, что научился завязывать себя в узел, — сказал он смеясь.

— Но почему люди занимаются этими удивительными вещами? — спросил я.

— Есть определенные физические проявления, которых можно достичь с помощью йоги. Несомненно, что если человек практикует йогу, это позволяет ему развивать мышцы, но это не способствует духовному развитию. Многие индийские йоги выставляют себя напоказ. Таких людей называют факирами. Они путешествуют из деревни в деревню, из города в город и устраивают представления. Они завязывают себя в узлы, очень долго держат руку над головой и делают другие удивительные вещи. Они создают видимость, что практикуют самую прекрасную систему в мире. И поскольку это шумное меньшинство пользуется успехом у публики, люди думают, что хатха-йога — это путь к великим истинам. Все это полная ерунда. Йога всего лишь помогает человеку обрести контроль и дисциплинировать свое тело и не может способствовать духовному развитию. Он засмеялся и сказал:

— Тебе будет трудно поверить, но в молодости я сам занимался йогой. И я обнаружил, что трачу слишком много времени, стараясь сделать несколько детских

упражнений, вместо того, чтобы посвятить это время совершенствованию духа. По совету одного мудрого старца я бросил йогу и занялся серьезными делами.

Он посмотрел на меня и, протянув руку в направлении Лхасы, качнул ею и указал на Поталу:

— Во всей нашей стране ты не найдешь ни одного высокого ламы, занимающегося йогой. Они посвящают себя настоящим делам. — Он поднял брови и посмотрел на меня. — Йоги же, как ты знаешь, собирают вокруг себя глазеющую толпу зевак, которые уверены, что эти йоги — очень развитые люди, обладающие ключами к спасению и духовности. Настоящие приверженцы метафизики никогда не говорят о том, чем занимаются. К сожалению, йоги — это шумное меньшинство, которому легко удастся завоевать общественное мнение. Мой совет тебе, Лобсанг: никогда не связывайся с йогой, это не принесет тебе пользы. Ты родился обладающим некоторыми способностями — ясновидением, телепатией. Тебе нет никакой необходимости возиться с йогой, это может быть даже вредно.

Пока он говорил, я бездумно перелистывал страницы журнала. И вдруг мое внимание привлекла еще одна картинка. Я увидел человека, похожего на жителя Запада. Его лицо было так искажено, словно он старался сделать какое-то упражнение. Я указал на него Наставнику. Он посмотрел и сказал:

— А! Это жертва йоги. Этот западный человек занимался упражнениями и сломал себе кость. Западные люди поступают довольно глупо, когда начинают заниматься йогой, — их мышцы и кости недостаточно гибки для этого. Йогой может заниматься только тот (если он действительно захочет этого!), кто упражнялся с самого раннего возраста. Для людей среднего возраста практиковать йогу не только глупо, но и опасно. Нелепо говорить, что эти занятия полезны для здоровья. Это не так. Все, что они могут, это принести пользу некоторым мускулам. Каждый раз, когда человек ломает себе ногу или разрывает связку, это происходит по его собственной вине и служит напоминанием о том, что он занимается не своим делом.

Наставник рассмеялся и сказал, закрывая журнал: — Все йоги, которых я видел, были настоящими чудаками. Они считали себя умнейшими людьми, они думали, что знают все и что в занятиях йогой состоит спасение мира. Однако это всего лишь упражнения, то же самое, чем занимаетесь вы — мальчишки, — когда лазите по деревьям, ходите на ходулях или носитесь с бешеной скоростью по полю, пытаясь поднять змея в воздух. Йога — это только физические упражнения и ничего больше. В ней нет и следа духовности. Возможно, она поможет кому-то улучшить свое физическое состояние, но если он хочет развиваться, то рано или поздно должен будет бросить йогу и заняться стоящими вещами, духовным совершенствованием. В конце концов через несколько лет мы покинем тело, и тогда будет неважно, сильны ли его мускулы и крепки ли кости. Единственное, что будет иметь значение, — это состояние духа. После паузы Наставник продолжил:

— Я должен предупредить тебя, что многие последователи йоги забывают, что это только культ физических упражнений. Более того, они берут некоторые наши оккультные оздоровительные упражнения и объявляют их дополнением к йоге. Это неправильно, потому что оздоровительные упражнения в Тибете выполняют те, кто ни слова не слышал о йоге, и иногда им это удается намного лучше, чем йогам. Поэтому, — он строго посмотрел на меня, — никогда не стань жертвой йоги, она уведет тебя прочь от Пути.

Он встал и ушел в свою комнату. Вскоре он вернулся и сказал:

— У меня есть несколько картин, и я хочу, чтобы ты повесил их у себя на стены. Идем за ними.

Он подошел и поднял меня. Тем самым я был избавлен от мучений вставания на свои непослушные ноги. Я пошел за Наставником в его комнату. На столе лежали три свертка. Он поднял один из них и сказал:

— Это очень старая китайская картина. Она была сделана много столетий назад на

шпоне. Это подарок из города Пекина. С помощью этого изображения я хочу показать тебе, как органы человеческого тела можно представить в виде монахов, которые выполняют различную работу.

Наставник указал на одно из изображений.

— Вот здесь, например, — сказал он, — монахи заняты перемешиванием пищи и жидкости — это жедудок. Они перерабатывают всю эту пищу и отправляют ее по разным трубам, чтобы она попала к другим монахам. Если ты изучишь эту картину, ты получишь хорошее представление об основных функциях человеческого тела.

Он свернул свиток и аккуратно связал его маленькими лентами, которые были прикреплены к нему. Затем он вытащил другой и развернул его передо мной.

— Здесь, — продолжал он, — представлен позвоночник с разными чакрами. Ты видишь, что энергетические центры расположены между основанием позвоночника и макушкой головы. Эту схему можно повесить в твоей комнате, чтобы ты мог видеть ее перед сном и сразу же после пробуждения.

Он аккуратно свернул свиток и связал его.

Потом он вытащил следующий — третий» — развязал его и, развернув, показал мне.

— На этом рисунке представлена нервная система — то, что ты должен будешь изучить. Вот затылочный узел, вот блуждающий нерв, сердечное сплетение, солнечное сплетение, а вот тазовое сплетение. Все это ты должен знать, все это важно для тебя, если ты хочешь стать ламой-медиком.

Я смотрел и все больше падал духом. Мне казалось, что я никогда не смогу изучить все эти части и закоулки человеческого тела, все эти изгибающиеся нервы и огромные пятнистые чакры. Я успокаивал себя тем, что у меня впереди еще много времени. Лишь бы мне дали возможность заниматься в нужном темпе. И если даже я не смогу выучить столько, сколько нужно, — не беда. Все, что ни делается, — к лучшему.

— Сейчас я предлагаю тебе пройтись и подышать свежим воздухом. Отнеси это в свою комнату и можешь провести остаток дня по своему усмотрению... Только не попади опять в какую-нибудь переделку, — сказал он, улыбнувшись.

Я уважительно поклонился ему и взял три свитка. Войдя в свою комнату, я закрыл за собой дверь. Некоторое время я стоял посередине, размышляя, как бы мне закрепить эти картины на стенах. Тут я заметил, что на стенах уже есть подходящие выступы. Я осторожно взял стол и поставил его под одним из выступов. Взобравшись на него, что добавило мне еще фут роста, я с помощью веревки прикрепил одну из схем на стене.

Затем я отошел в противоположный конец комнаты и оценивающе посмотрел на свою работу. Картина висела неровно. Я еще раз критически присмотрелся и, подойдя к стене, выровнял ее. Удовлетворенный тем, что мне удалось правильно повесить одну из картин, я приступил к работе с остальными двумя. Наконец и с ними было покончено. Я потер руки, ощущая полное удовлетворение. С чувством выполненного долга я вышел из комнаты, хотя не знал еще, как выбраться на улицу. Вдруг в конце коридора я увидел монаха-слугу. Он дружески поприветствовал меня и сказал:

— Вот это самый короткий путь наружу. Эта дверь предназначена для лам, но мне говорили, что тебе разрешено пользоваться ею.

Он показал мне дверь, и я, поблагодарив, быстро выскользнул на свежий воздух.

Я стоял на открытой площадке. Прямо под моими ногами была горная тропинка. Справа группа монахов была занята работой. Мне показалось, что они расчищают дорогу. Я не стал околачиваться поблизости, потому что мне не хотелось быть посланным с какими-то поручениями. Я прошел вперед и, присев на камень, стал смотреть на город.

Он находился достаточно близко, и в ясном воздухе Тибета я мог отчетливо разглядеть одежду торговцев, монахов и лам, которые спешили по своим делам.

Я прошел еще несколько ярдов и сел на другой камень, возле которого рос замечательный маленький куст. Мой взгляд устремился вниз на болото. Трава на нем была

густой и зеленой. Я мог различить пузыри, поднимающиеся со дна глубоких омутов.

Вдруг я услышал возню позади меня, и хриплый гортанный голос произнес: «Мур! Мур!» Я ощутил легкий толчок в спину — твердая пушистая голова приветствовала меня. Я обернулся и погладил старого кота. Он лизнул меня в ответ своим шершавым языком, похожим на терку. Он обошел меня, прыгнул мне на колени, но тут же спрыгнул обратно и помчался к кустам, остановившись на мгновение, чтобы взглянуть на меня. У него был какой-то странный вид. Хвост и уши стояли торчком, мордочка повернута ко мне, а глаза сверкали. Я не двигался, поэтому он снова подбежал ко мне, спустившись с холма, и повторил: «Мур! Мур!» Так как я по-прежнему не двигался, он протянул свою лапу и уцепившись когтями за край моей мантии, слегка потянул за собой.

— Что с тобой? — раздраженно спросил я.

Я медленно поднялся на ноги и посмотрел вокруг, стараясь понять, что так встревожило кота. Я ничего особенного не видел, но кот бросался то к удаленному кусту, то ко мне. Я подошел к склону горы и стал осторожно спускаться вниз. Кот безумно плясал от возбуждения, вертелся вокруг, подскакивал в воздух и набрасывался на меня.

Я медленно шел к кустам и в конце концов достиг того места, где, повернувшись ко мне мордочкой, меня ждал кот. Там ничего не было.

— Ты идиот! — крикнул я в гневе. — Ты вытащил меня сюда только для того, чтобы поиграть.

— Мур! Мур! — ответил кот, цепляясь за мою мантию, ныряя под нее и покусывая мои босые пальцы, выглядывающие из сандалий.

Покорно вздохнув, я двинулся дальше. Пробираться сквозь кусты было трудно, потому что они то и дело цеплялись за мое одеяние. Здесь был уступ, и если бы я не придерживался, то мог бы упасть. Я обернулся, чтобы сказать что-нибудь «тепленькое» своему провожатому, который находился в безумном возбуждении. Метнувшись мимо меня, он прыгнул с края уступа. Мое сердце чуть было не остановилось от испуга. Этот старый кот был моим хорошим другом, и я подумал, не совершил ли он самоубийство.

Очень осторожно я опустился на колени и, держась за кусты, заглянул через край. Внизу, на расстоянии двенадцати футов, я увидел тело пожилого монаха. Я с ужасом заметил, что его голова окровавлена. Мантия тоже была вся в крови. Правая нога у него была согнута под неестественным углом. Сердце у меня сильно билось от страха и волнения. Я осмотрелся. Слева был узкий проход вниз. Я спустился, оказавшись возле старого монаха.

Испуганный, почти готовый выпрыгнуть из собственной кожи от страха, я прикоснулся к нему. Он был жив. От прикосновения он очнулся, слабо замигал глазами и застонал. Я понял, что он свалился сверху и разбил голову о камни. Кот сидел и внимательно наблюдал за мной.

Я мягко погладил голову монаха. Начиная от уха, я погладил его шею в направлении сердца. Через некоторое время он открыл глаза и посмотрел на меня невидящим взглядом. Его глаза медленно сфокусировались на мне.

— Все в порядке, — сказал я успокаивающе, — сейчас я позову кого-нибудь на помощь. Это будет быстро.

Бедный старик постарался улыбнуться и снова закрыл глаза. Я стал на четвереньки — так я мог передвигаться быстрее — и направился вверх. Достигнув тропинки, я бросился в кусты. Во дворе я чуть не столкнулся со слугой.

— Быстрее! Быстрее! — сказал я. — Там, среди скал покалеченный монах!

Пока я говорил, вышел мой Наставник и посмотрел на меня, удивленный моим возбужденным видом.

— Мастер! Мастер! — сказал я. — Только что с помощью благородного Кис-Киса я нашел старого монаха. Он разбил голову и лежит среди скал с неестественно согнутой ногой. Ему срочно нужна помощь.

Мой Наставник сделал распоряжение слуге и повернулся ко мне.

— Веди, Лобсанг, я иду с тобой, — сказал он.

Вместе мы вышли из Чакпори и добрались до маленькой тропинки. Я повел его по тропинке, круто уходящей вниз, даже не задумываясь, что его шафранная мантия может испачкаться. Моя же была и без того грязной, поэтому несколько новых пятен ничего бы не изменили. Благородный Кис-Кис был здесь, он метался по тропинке впереди нас. Он успокоился, когда увидел рядом со мной ламу Мингьяра Дондупа.

Вскоре мы подошли к монаху, который все еще лежал с закрытыми глазами. Мой Наставник склонился над ним и вытащил какие-то свертки из-под своей мантии. Он окунул тряпочку в какое-то вещество и поднес ее к носу монаха. Старик сильно чихнул и открыл глаза, в которых застыла боль. Он успокоился, когда увидел, что подоспела помощь.

— Все в порядке, друг, мы поможем тебе, — сказал мой Наставник. Услышав это, старый монах закрыл глаза и облегченно вздохнул. Наставник откинул мантию монаха, и мы увидели кусок кости, торчащий из кожи возле колена.

— Держи его, Лобсанг, держи его крепче, — сказал лама, обращаясь ко мне. — Прижми его всем весом, чтобы он не двигался. Я постараюсь вправить ногу.

С этими словами он схватил монаха за лодыжку и резко дернул, выравнивая конечность. Я увидел, как кость исчезла под кожей. Это было сделано так внезапно и аккуратно, что бедный монах даже не успел вскрикнуть.

Мой Наставник быстро подошел к кусту, на котором присмотрел две подходящие ветви. Он отрезал их ножом и, обернув полосками, оторванными от своей собственной мантии, привязал к ноге монаха.

Вскоре послышалось шарканье. Показалась группа монахов в сопровождении ламы. Они спускались по тропинке. Мы окликнули их, чтобы показать, где находимся.

Они осторожно собрались вокруг пострадавшего. Один молодой монах, желая продемонстрировать, как крепко он стоит на ногах, пренебрег осторожностью. Его нога скользнула по камню, и он покатился по горному склону. Край его мантии зацепился за кустарник, и она задралась над его головой. Он стал похож на очищенный банан, качающийся перед взорами путников, бредущих по дороге вниз. Мой Наставник рассмеялся и велел двум другим скорее помочь бедняге. Когда его вытянули вверх, он выглядел очень смущенным и покраснел от стыда. Глядя на него, я заметил, что ему скорее всего придется провести несколько дней стоя, потому что то место, которое обычно используется для сидения, было сильно поцарапано о камни.

Монахи осторожно перевернули старого монаха и подстелили под него кусок парусины. Потом они положили его обратно, устроили поудобнее и свернули парусину, в результате чего образовалось что-то похожее на трубу. Затем они просунули под парусиной крепкий шест, привязав к нему монаха широкой лентой. К счастью, он был без сознания. Двое монахов взяли за края шеста и вся процессия медленно и осторожно двинулась сквозь кусты вверх по горной тропе в направлении Чакпори.

Я стоял, поглаживая благородного Кис-Киса и рассказывая Наставнику, как Кис-Кис буквально стащил меня вниз, чтобы показать, где находится старик.

— Бедняга скорее всего умер бы, если бы Кис-Кис не позвал тебя, — сказал Наставник, поглаживая шерсть старого кота. Потом он повернулся ко мне и сказал:

— Хорошая работа, Лобсанг, ты поступил правильно, молодец.

Мы взобрались вверх по горной тропе, завидуя благородному Кис-Кису, который плясал и прыгал впереди. Наставник вошел в монастырь, а я остался сидеть на камне, дразня кота замечательным упругим кусочком коры, который я выдавал за прыткую мышку. Кот прыгал, рычал и нападал на нее. Я смотрел на кота и думал, что он — мой близкий друг.

Глава 13 Подлинный смысл религии

Мне было очень приятно снова оказаться в Чакпори среди тех, кто был так близок мне. Все Учителя здесь были полностью заняты подготовкой лам-медиков. Мой Наставник предложил мне посещать занятия по изучению трав, анатомии и медицине, потому что Чакпори был центром этих знаний.

С остальными двадцатью пятью учениками — мальчиками моего возраста и старше, — а также несколькими юными монахами из других монастырей я сидел на полу одного из наших учебных залов. Чувствовалось, что лама-преподаватель очень любит свою работу, что он искренне желает передать нам свои знания.

— Вода! — говорил он. — Вода — это ключ к хорошему здоровью. Люди пьют так мало, что их организм не может правильно функционировать. Когда человек ест сухую пищу, у него в желудке образуется густая масса, которая не может свободно проходить по кишечнику. В результате этого вся система засоряется, ухудшается пищеварение, и он оказывается неспособным заниматься изучением или практикой метафизики.

Он остановился и посмотрел на нас, словно предлагая нам обдумать сказанное.

— Мастер, — сказал молодой монах из какого-то маленького монастыря, — очевидно, когда мы пьем, мы разбавляем желудочные соки или что-то в этом роде.

Молодой монах внезапно умолк и посмотрел вокруг, сконфуженный своей смелостью.

— Хороший вопрос! — сказал Учитель. — Многие люди думают так, однако это неправильно! Организм умеет вырабатывать сильно концентрированный желудочный сок. Настолько концентрированный, что при определенных условиях этот сок может начать растворять само тело!

Мы с удивлением смотрели на него. Я даже почувствовал некоторый страх, подумав, что однажды могу съесть самого себя. Учитель улыбнулся, увидев, какое впечатление произвели его слова. Несколько секунд он хранил молчание, пока мы не успокоились.

— Гастрит, язва, расстройство желудка, чем они вызваны?

Он смотрел то на одного, то на другого в надежде получить ответ.

— Мастер! — последовал мой довольно смелый ответ. — Когда человек нервничает, у него не только начинает болеть голова. Он может заболеть и язвой.

Учитель улыбнулся мне и сказал:

— Хорошая попытка! Да, когда человек нервничает, желудочные соки становятся все более концентрированными, пока, наконец, слабейшая часть желудка не подвергается воздействию кислоты, которая обычно переваривает пищу. Эта кислота проедает в желудке дыру. Приступы боли пронизывают желудок, в результате чего концентрация желудочных соков повышается еще сильнее. В конце концов кислота просачивается сквозь отверстие и попадает в полости между слоями желудка, вызывая желудочную язву. Разумное потребление воды может намного облегчить ситуацию и предотвратить возникновение язвы. Отсюда мораль: когда вы нервничаете, пейте воду, и вы уменьшите риск заболевания язвой.

— Мастер! — сказал один глупыш. — Мне бы не хотелось, чтобы люди слишком увлекались водой. Мне часто приходится таскать воду из долины, карабкаясь по горным склонам. Это непростая работа.

Многие даже не представляют себе, с какими трудностями приходится сталкиваться здесь, в Тибете. У нас много воды, но вся она находится в труднодоступных местах. Целые команды монахов-рабочих и мальчиков вынуждены по много раз ходить по горным тропам, неся на плечах кожаные мешки, наполненные водой. Только так можно удовлетворить нужды таких монастырей, как Потала или Чакпори.

Для транспортировки воды часто используются лошади и яки. Группы из нескольких человек усердно трудятся, наполняя огромные бочки, которые расположены в доступных местах. Мы не можем просто открыть кран и подставить руку под струю, горячую или холодную. Наша вода хранится в глубоких бочках. Для мытья посуды и

полов используется очень чистый песок, также доставляемый с берега реки. Но вода является настоящей драгоценностью! Наша прачечная — речной берег. Мы относим белье к реке вместо того, чтобы поднимать реку на гору.

Учитель не обратил внимания на это глупое замечание и продолжал:

— Худшей болезнью человечества является... — он сделал паузу, чтобы добиться драматического эффекта и заставить нас пошевелить мозгами, — запор! В отличие от других болезней запор очень распространен. Он влечет за собой многие очень серьезные заболевания. Он превращает человека в медлительное, недовольное и страждущее существо. Однако запор можно вылечить.

Он еще раз остановился и посмотрел вокруг.

— И не большим количеством *каскара саграды*, не галлонами касторового масла, а обычной водой. Рассмотрим движение пищи в пищеварительном тракте. Мы глотаем ее, а затем она проходит через желудок и кишечник. Кишки покрыты так называемым эпителием, который похож на маленькие пустотелые трубочки. Они высасывают полезные вещества из переваривающейся пищи. Если пища слишком грубая или твердая, она не может свободно двигаться по кишечнику. В этом случае она начинает собираться в большие комья. Для того чтобы пища передвигалась по кишечнику, кишки время от времени изгибаются. Этот процесс называется перистальтикой. Но если пища слишком тверда, кишки не могут сдвинуть ее с места, и тогда начинается боль. Вода же необходима для размягчения этой массы.

Грустный факт, но всем студентам-медикам кажется, что они испытывают симптомы болезней, которые изучают. Я пощупал живот — да! — и мне показалось, что ощутил твердый кусочек. Надо было что-то с ним делать.

— Мастер! — обратился я. — Как действует слабительное? Лама посмотрел на меня. В его глазах промелькнула улыбка.

— Я полагаю, — заметил он, — что большинство из нас чувствовали в себе эту «твердую массу».

Слабительное вынуждены принимать люди, тело которых лишено воды. Они страдают запорами, потому что в их организме не хватает жидкости, чтобы размягчить образовавшиеся комья. Нужна вода, и поэтому слабительное в первую очередь заставляет кишечный эпителий выделить в кишки некоторое количество воды. Таким образом, масса размягчается и становится более подвижной, после чего улучшается работа кишечника. Боль в кишечнике, как правило, связана с тем, что вследствие обезвоживания тела затвердевшие комья прилипают к внутренней поверхности. Прежде чем принять слабительное, следует выпить много воды.

Он улыбнулся нам и добавил:

— Идя навстречу нашим друзьям, которые приносят воду, следует посоветовать всем страдающим выходить на берег реки и постоянно пить воду.

— Мастер, почему все страдающие запорами имеют плохую кожу, всю покрытую прыщами? — спросил мальчик с очень плохой кожей. Заметив, что все сразу посмотрели на него, он гневно вспыхнул.

— Мы должны избавляться от ядов, накапливающихся в нашем организме, естественным путем, — ответил Учитель. — Если же этого не происходит, отходы попадают в кровь, засоряют ее, и тело старается освободиться от них через поры в коже. Но дело здесь в том, что, опять-таки, эти вещества недостаточно жидкие, чтобы пройти сквозь тонкие трубочки пор. Они скапливаются там, в результате чего кожа «загрязняется». Пейте побольше воды, занимайтесь физическими упражнениями, и вам не придется платить за *каскара саграду*, фиговый сироп или касторовое масло.

Он засмеялся и сказал:

— Сейчас мы закончим, и все можем выбежать и выпить по глотку воды.

Он взмахнул рукой, давая понять, что мы свободны. Лама уже выходил, когда навстречу ему вошел посланник.

— Благородный Мастер, скажите, нет ли здесь мальчика Тьюзди Лобсанга Рампы?

Учитель оглянулся и поманил меня пальцем.

— Ну, Лобсанг, что ты натворил на этот раз? — ласково спросил он. Я с неохотой подошел, выставя напоказ свою трогательную хромоту и недоумевая, что за неприятность могла произойти. Посланник сказал ламе:

— Этот мальчик должен немедленно явиться к господину Настоятелю. Я должен доставить его, хотя сам не знаю, зачем это нужно.

Я не мог понять, что все это могло значить. Может быть, кто-то видел, как я бросал тсампу в монахов? А может, кто-то стал свидетелем того, как я подсыпал соль в чай куратора новичков? Или возможно... Я смутно перебирал в сознании всевозможные «грехи», которые признавал за собой. А что если настоятель узнал сразу о нескольких моих провинностях?

Посланник вел меня вдоль холодных и пустых коридоров Чакпори. Здесь не было заметно никакой роскоши, никаких украшений, которых было так много в Потале. Все здесь было строго и рационально. Возле двери, охраняемой двумя прокторами, посланник остановился и, прежде чем войти, пробурчал: «Подожди!» Я стоял, беспокойно переступая с ноги на ногу. Прокторы холодно смотрели на меня, словно я был представителем низшей формы жизни. Снова появился посланник.

— Входи! — сказал он и подтолкнул меня.

Я неохотно вошел в дверь, которая тут же закрылась за мной. Вошел — и непроизвольно остановился в изумлении. Здесь не было заметно никакой строгости. Господин Настоятель сидел на платформе, возвышающейся на три фута над полом. Он был одет в богатое красно-золотое одеяние. Четверо лам стояли вокруг него. Придя в себя, я поклонился, как того требовал ритуал. Я проделал это с таким жаром, что мои суставы скрипнули, а чашка и шкатулочка звякнули в унисон с ними. Лама, стоящий рядом с Настоятелем, поманил меня к себе и остановил движением руки, когда я подошел.

Господин Настоятель смотрел на меня, оглядывая с ног до головы. Он придирчиво рассматривал мою мантию и сандалии, потом, по-видимому, отдал должное моей безупречно выбранной голове.

— Это тот самый мальчик? — обратился он к одному из лам.

— Да, господин, — ответил лама, которому был адресован этот вопрос.

Еще один оценивающий взгляд.

— Мой мальчик, так это ты оказал помощь монаху Тенгли? Лама, который перед этим подавал мне знаки, посмотрел на меня и пошевелил губами. Я понял, что он хотел мне сказать.

— Мне посчастливилось сделать это, господин Настоятель, — ответил я, надеясь, что мой голос звучит достаточно скромно.

И снова этот взгляд, изучающий меня, словно я — букашка, ползущая по листу бумаги.

Наконец Настоятель заговорил:

— Да! Ты достоин похвалы, мой мальчик.

Он отвел взгляд, а лама, сидящий рядом, подал мне знак, чтобы я поклонился и ушел. Поклонившись три раза и выходя из комнаты, я мысленно поблагодарил ламу, который руководил мною с помощью таких ясных сигналов. Уткнувшись спиной в дверь и радостно нащупав ручку, я вышел и прислонился к стене. Из моей груди вырвалось облегченное «Ух!». Мой взгляд встретился с глазами гигантского проктора.

— Ну? Ты уже готов отправиться на Райские Поля? Смотри, не свались оттуда! — прорычал он мне в ухо.

Я с трудом подобрал свою мантию и пошел по коридору. Оба проктора зловеще посмотрели на меня. Где-то скрипнула дверь, и чей-то голос крикнул: «Постой!»

— О Господи, во имя зуба Будды, неужели еще не конец? — в отчаянии спросил я самого себя.

Я остановился и обернулся, чтобы посмотреть, в чем дело. Ко мне приближался лама и — какое счастье! — улыбался. Я узнал в нем того, кто подавал мне сигналы в комнате господина Настоятеля.

— Ты произвел хорошее впечатление, Лобсанг, — пробормотал он ласковым шепотом, — ты все сделал, как надо. Вот подарок для тебя. Господин Настоятель очень любит таких!

Он сунул мне в руки приятно пухлый сверток, погладил меня по плечу и ушел. Я остался стоять, в изумлении ощупывая пакет и пытаюсь догадаться, что находится внутри.

Я взглянул вверх — прокторы благожелательно улыбались, они слышали слова ламы. «Вот это да!» — вырвалось у меня, когда я посмотрел на них. Видеть улыбающегося проктора было так непривычно, что я даже испугался. Не мешкая более, я засеменял по коридору так быстро, как только мог.

— Что ты несешь, Лобсанг? — услышал я тонкий голосок.

Я оглянулся и увидел мальчика, который только недавно был принят в монастырь. Он был меньше меня, и ему было трудно приспособливаться к здешним условиям.

— Думаю, что здесь что-то съедобное! — ответил я.

— Давай посмотрим, что там. Мне так хочется есть, — сказал он тоскливо.

Я посмотрел на него. Он действительно выглядел голодным. Рядом была кладовая, мы зашли туда и сели возле дальней стены, прислонившись к мешкам с ячменем. Я развернул сверток и вытащил индийские сласти.

— О! — сказал малыш. — Я никогда не пробовал ничего подобного.

Я протянул ему розовое пирожное, покрытое белым кремом. Он откусил, и его глаза округлились. Внезапно я почувствовал, что другое пирожное, которое я держал в левой руке, куда-то пропало. Звук сзади заставил меня обернуться.

Я увидел кота, который... спокойно поедал мое лакомство! Он наслаждался им! Смирно вздохнув, я потянулся к пакету и достал оттуда еще одно пирожное.

— Мур? — сказал голос позади меня. Лапа прикоснулась к моей руке.

— Мур? Мур? — не унимался голос, и когда я обернулся, кот схватил второе пирожное и начал есть его.

— О! Ты ужасный воришка! — сердито воскликнул я, но тут вспомнил, что коты были моими друзьями и часто развлекали меня.

— Извините, уважаемый Охранник, — сказал я, одумавшись, — я забыл, что вы работаете и вполне можете претендовать на награду.

Я отпустил свое пирожное и стал гладить кота, который мурлыкал от удовольствия.

— О! — сказал малыш. — Они не дают мне даже прикоснуться к себе. Как это у тебя получается?

Он протянул руку и как бы случайно взял еще одно пирожное. Так как я не прореагировал, он расслабился и, удобно устроившись, принялся есть его. Кот мурлыкал и тыкался в меня головой. Я протянул ему еще половину, но он уже наелся. Он лишь замурлыкал громче и потерся о него своей мордочкой, измазав усы в клейком сиропе. Удовлетворенный тем, что я принял его благодарность, он побрел прочь, а затем вскочил на окно и, усевшись там, стал умываться, греясь в теплых солнечных лучах. Отвернувшись от него, я увидел, что малыш поднял пирожное, которое не доел кот, и поспешно засунул его себе в рот.

— Ты веришь в религию? — спросил он меня.

Верю ли я в религию? Это был по-настоящему интересный вопрос. Здесь нам постоянно твердили, что мы должны стать настоящими священниками, но такой откровенный вопрос поставил меня в тупик. Я задумался. Верю ли я в религию? Во что я вообще верю?

— Мне не хотелось сюда поступать, — сказал малыш. — Но они заставили меня. Я молился Святой Матери Долме. Я сильно молился, но это не помогло. Я молился, чтобы

не умерла моя мама, но она умерла, и Слуги Смерти пришли, забрали ее тело и отдали его хищникам. Я никогда не получал то, о чем молил. А ты, Лобсанг?

Мы сидели в кладовой, опираясь на мешки с ячменем. Кот, сидя на окне, все умывался и умывался. Лизнув лапу, он протирал ею мордочку, а затем, снова лизнув ее, проводил по голове за ушами и опять принимался за мордочку. Было что-то гипнотическое в том, как он это делает. Лизнул — протер, лизнул — протер, лизнул — протер...

Молитвы? Что я думаю о них? Они никогда не помогали мне. Но если молитвы не помогают, зачем тогда молиться?

— Я сжег много палочек благовоний, — сказал малыш. — Я брал их из особой коробочки, но и это никогда не помогало мне. Посмотри на меня теперь. Я в Чакпори. Меня готовят к тому, чтобы я стал тем, кем я не хочу быть. Почему? Почему я должен быть монахом, если меня это не интересует?

Я вытянул губы, поднял брови и нахмурился так же, как совсем недавно господин Настоятель хмурился при мне.

Критически оглядев малыша с головы до ног, я наконец сказал:

— Вот что я тебе скажу. Давай на некоторое время оставим этот вопрос. Я подумаю об этом и отвечу тебе со временем. Мой Наставник, Лама Мингьяр Дондуп, знает все, и я попрошу его дать мне совет.

Я увидел наполовину опустевший пакет с индийскими сладостями, свернул его и протянул изумленному малышу.

— Вот! — сказал я. — Возьми, это поможет тебе думать не только о духовных вещах. Теперь ты должен уйти, потому что я хочу остаться здесь один. Мне нужно подумать.

Я взял его под локоть, подвел к двери и легонько подтолкнул вперед. Он поспешил удалиться, наверное, опасаясь, что я передумаю и захочу вернуть себе сласти.

Когда он ушел, я занялся более важными вещами. На одном из мешков я увидел прекрасный кусок веревки. Я подошел и аккуратно отвязал его. Потом я подошел к окну, и мы с котом занялись замечательной игрой. Кот ловил кончик веревки, то прыгая по мешкам, то протискиваясь между ними. Нам было очень весело.

Потом он подошел, ткнулся в меня, стал на задние лапы и поднял хвост, сказав: «Мур!» Еще мгновение, и он запрыгнул на подоконник и исчез, отправившись на одну из своих удивительных прогулок. Я засунул кусок шнура в свою мантию и пошел прочь. Выйдя за дверь, я прошел по коридору и наконец добрался до своей комнаты.

Некоторое время я стоял, разглядывая самую важную картинку. Это была мужская фигура, на которой можно было разглядеть внутренности. В одном месте было нарисовано горло, а слева от него были изображены два монаха, занятые задуванием воздуха в левое легкое. Справа находились монахи, задувавшие воздух в правое легкое. Монахи работали усердно.

Дальше было нарисовано сердце. Здесь монахи качали кровь, вернее, какую-то жидкость, в которой кровь узнавалась с трудом. Еще дальше располагалась большая камера, которая была желудком. Один монах, наверное, старший, сидел за столом, тогда как другие пятеро сутились, поднося ему еду. Главный монах вел подсчет принесенных продуктов.

Еще одна группа монахов черпала желчь из желчного пузыря и поливала ею пищу, помогая процессу пищеварения. В это время другие трудились над чем-то, напоминавшем химическую фабрику — это была печень, — они растворяли разнообразные вещества в чанах с кислотой. Я зачарованно рассматривал эту картинку, потому что дальше тянулись кольца, изображавшие кишечник. Монахи набивали его всевозможными веществами.

На месте почек были нарисованы два монаха, которые разделяли различные жидкости и, разобравшись с ними, рассылали в нужных направлениях. Но самое интересное находилось под мочевым пузырем. Два монаха сидели по разные стороны от

какой-то трубы. Очевидно, они регулировали поток жидкости.

Мой взгляд вернулся к лицу фигуры. Неудивительно, что оно выглядело так печально, ведь внутри этого мужчины жило столько людей. Все они непонятно как забрались туда и вытворяли там разные фокусы!

Некоторое время я стоял, погруженный в приятное созерцание и фантазии, связанные с маленькими человечками.

Вдруг легкий толчок в дверь заставил ее отвориться. Я обернулся и увидел, что там стоит мой Наставник, лама Мингъяр Дондуп. Он одобрительно улыбнулся, застав меня изучающим картину.

— Это очень старая картина. Ее оригинал выполнен мастером из Китая. Первоначально картина была сделана в натуральную величину на шпоне, изготовленном из различных пород дерева. Я видел оригинал, он выглядит действительно прекрасно.

Я слышал, ты произвел хорошее впечатление на господина Настоятеля. Он сказал мне, что, по его мнению, у тебя замечательные способности.

С некоторой иронией в голосе он добавил:

— Я заверил его, что Высочайший был того же мнения. В моей голове все еще носились мысли о религии, поэтому я робко спросил:

— Мастер, могу ли я задать вопрос, который очень беспокоит меня?

— Конечно, можешь. Если смогу, с удовольствием помогу тебе. Но давай пойдем в мою комнату, устроимся поудобнее и выпьем чая.

Он проследовал в свою комнату, заметив мельком, что мой пакет с лакомствами заметно уменьшился. Там он вызвал слугу, и скоро чай уже стоял перед нами. После того, как мы покончили с едой, Лама улыбнулся мне и сказал:

— Ну, что же тебя беспокоит? Не торопись и расскажи мне обо всем. Если нужно, мы не пойдем на вечернюю службу.

Он сел в позу лотоса и сложил руки на коленях. Сел и я, вернее, прилег на бок. Я пытался упорядочить свои мысли, чтобы коротко и членораздельно сформулировать вопрос.

— Благородный Мастер, — наконец начал я, — меня беспокоит вопрос о религии. Я не вижу в ней никакой пользы. Я молюсь, молятся другие, и ничего после наших молитв не происходит. Кажется, что мы молимся в пустоту, что Бог не слушает наши молитвы. Создается впечатление, что мы живем в мире иллюзий, а молитвы — лишь одна из таких иллюзий. Я знаю, многие странники обращаются к ламам за помощью, прося разрешить их проблемы, но я никогда не слышал, чтобы это кому-нибудь помогло. Мой отец — когда у меня еще был отец — постоянно нанимал священников, но я не замечал, чтобы наша жизнь при этом становилась лучше. Мастер, можете ли вы мне указать хоть на какую-то пользу от религии?

Наставник некоторое время молчал, разглядывая свои сложенные руки. Наконец он тяжело вздохнул и посмотрел прямо на меня.

— Лобсанг, — сказал он, — религия на самом деле очень нужная вещь. Она абсолютно необходима и очень важна тем, что открывает для своих приверженцев Духовный Путь. Без религии люди были бы хуже диких зверей. Без религии им был бы чужд голос совести. Я хочу сказать, что не важно, является ли человек индуистом, буддистом, христианином или иудеем. У всех людей красная кровь, и все веры, которые они исповедуют, по своей сути сводятся к одному.

Наставник остановился и посмотрел на меня, стараясь определить, понимаю ли я то, о чем идет речь. Я кивнул, и он продолжил:

— Здесь, на Земле, большинство людей очень похожи на детей в школе, которые никогда не видели Главного Учителя и мира за пределами школы. Представь себе здание школы, полностью огражденное высокими стенами; в этой школе есть разные учителя, но главные из них никогда не показываются в обычных классах. Ученики в этой школе имеют все основания полагать, что Главных Учителей не существует, у них даже не

возникают мысли о том, что есть кто-то выше, чем их привычные наставники. И только когда человек сдает экзамены и готов перейти на более высокую ступень, он оказывается способным выйти за пределы школьных стен, посмотреть окружающий мир и, возможно, встретить Главного Учителя. Люди очень часто требуют доказательств. Они считают, что должны иметь доказательства всего, в том числе и доказательство существования Бога. Единственный способ получить эти доказательства — это научиться совершать астральные путешествия и развить свой дар ясновидения. Дело в том, что Великую Истину можно отыскать лишь вырвавшись за пределы объективного мира.

Он снова остановился и внимательно посмотрел на меня, пытаясь определить, правильно ли я понимаю его слова. Я слушал его и видел смысл во всем, что он говорил.

— Давай вообразим теперь, что мы знаем, как зовут Главного Учителя, и учимся в каком-то классе. Однако рядом находится еще один класс, заполненный такими же учениками, которые утверждают, что у Главного Учителя другое имя. Тут третья группа учеников прерывает наш спор, утверждая, что все мы идиоты, потому что Главного Учителя нет вообще, о чем свидетельствуют наши разногласия по поводу его имени. Теперь, Лобсанг, — улыбнулся мой Наставник, — ты видишь, что в одном классе могут быть индуисты, которые называют своего Главного Учителя одним именем. Другой класс может быть заполнен христианами, которые называют своего Главного Учителя по-другому. Мы сможем найти Бога — Высшую Сущность — только тогда, когда научимся видеть самое существенное в каждой религии. Мы можем поклоняться Ему различными способами, потому что все что нужно — это поклоняться, глубоко веря в Его существование.

Дверь открылась, и слуга принес еще одну порцию чаю. Мой Наставник налил себе чуть-чуть и с удовольствием выпил. Я заметил, что после такого длинного монолога у него пересохло в горле. Я решил, что мне тоже следует выпить, потому что и меня мучила жажда от долгого слушания.

— Предположим, Лобсанг, что все послушники, монахи и ламы из монастыря Роуз-Фене не несут никакой ответственности за свое поведение. В этом монастыре семь тысяч обитателей. Предположим, что каждый делает, что хочет, и нет никаких наград и наказаний. Предположим, что любой может делать то, что пожелает, не испытывая при этом никаких угрызений совести. В таких условиях очень скоро наступит анархия, могут начаться убийства и все, что угодно. Поэтому для людей очень важно во что-то верить. Религия позволяет наряду с физической дисциплиной поддерживать духовную. Физическая дисциплина подразумевает игру, при которой побеждает сильнейший. Духовная же руководствуется любовью. Мир сегодня очень нуждается в том, чтобы вернуться к религии, — не к какой-нибудь определенной, а к любой. Каждый должен обратиться к религии, которая больше подходит его темпераменту.

Я сидел и удивлялся всему этому. Я понимал смысл дисциплины, но не мог понять, почему мы не получаем ответ на молитвы.

— Благородный Мастер, — спросил я, — все это очень хорошо, но если религия так полезна нам, почему все же мы не получаем ответ на наши молитвы? Я молился, стремясь не попасть в эту дыру — ой! — я хотел сказать, в монастырь, но, несмотря на все свои молитвы, я здесь. Если религия так хороша, почему меня сослали сюда, почему все мои молитвы остались без ответа?

— Лобсанг, откуда ты взял, что твои молитвы остались без ответа? Ты имеешь неправильное представление о молитвах. Многие люди думают, что человек, который молится, обязательно простирает руки и просит какого-то таинственного Бога дать ему преимущества перед своими приятелями. Люди молят о деньгах. Некоторые просят Бога, чтобы он лишил их врагов обеих рук. Во время войны противоположные стороны молятся за победу, и при этом оба противника утверждают, что Бог на их стороне и готов сокрушить врага. Ты должен помнить, что когда человек молится, он молится только за себя самого. На самом деле Бог не похож на огромную куклу, которая сидит на престоле,

выслушивает петиции в форме молитв и раздает направо и налево все, о чем ее ни попроси!

Наставник засмеялся и продолжал:

— Представь себе, что ты пришел к Настоятелю и сказал ему, что ты молился, чтобы он отпустил тебя из монастыря или дал тебе большую сумму денег. Ты думаешь, что он ответит на твою просьбу и сделает то, о чем ты просишь? Скорее всего, он сделает все наоборот.

Я был согласен с тем, что в этом есть какой-то смысл. Однако я все еще не видел смысла в том, чтобы молиться, если невозможно получить то, о чем просишь. Я сказал об этом.

— Твое представление о молитве полностью собственническое. Ты молишься, думая только о себе. Ты думаешь, что можно помолиться, и Бог пришлет тебе целый мешок колотых грецких орехов. Ты думаешь, можно помолиться, и огромный пакет индийских сладостей свалится прямо тебе в руки. Молиться нужно о добре для других. Молясь, нужно благодарить Бога. Молитвы должны состоять из просьб о том, что ты хочешь сделать для других, а не для себя. Когда ты молишься, твои мысли заряжаются энергией, и поэтому, если это возможно и удобно, ты должен молиться вслух. Это придает молитвам дополнительную силу. Но ты должен быть уверен, что твои молитвы не противоречат законам.

Выслушав все это, я едва заметно кивнул. Мне казалось, что молитвы все-таки не очень эффективны.

Мой Наставник улыбнулся в ответ на мое выражение непонимания и продолжил:

— Ты думаешь, что молитва — это просто трата времени. Но предположим, что ты можешь получить ответ на свою молитву. Допустим, что кто-то умер, а ты помолился, и этот человек смог вернуться к жизни. Неужели ты думаешь, что возвращать к жизни умершего — это такое хорошее занятие? Некоторые люди умоляют, чтобы Бог покарал неугодного им человека. Неужели ты думаешь, что Бог будет убивать людей только потому, что какой-то необразованный и эгоистичный человек молит его об этом?

— Благородный Мастер, в храмах ламы молятся в один голос и просят при этом Бога о самых разных вещах. В чем смысл этого?

— В храмах ламы молятся особым образом. Во время молитвы они направляют свои мысли, выраженные особыми словами, на помощь людям в их горе. Они молятся, чтобы телепатически поддержать тех, кто нуждается в помощи. Их молитвы возвращают надежду тем, кто, подобно призракам, затерявшимся в пустыне, никак не может найти правильный путь. Если человек умер, ничего не зная о *другой стороне смерти*, он может заблудиться в болоте невежества. Таким образом, ламы, посылая телепатические сигналы, молятся для того, чтобы все, кто нуждается в помощи, могли получить ее.

Наставник строго посмотрел на меня и добавил:

— Ламы молятся не для собственной выгоды и не для того, чтобы получить повышение в чине. Лама никогда не будет просить, чтобы такой-то человек, например, свалился с крыши, даже если этот человек причинил ламе много зла. Лама молится лишь о помощи другим.

Мои представления о религии сильно пошатнулись. Я всегда считал, что Бог или Благословенная Мать Долма обязательно ответят на молитвы, если они были произнесены с достаточным рвением. Когда меня должны были отправить в монастырь, я молился, пока не потерял голос. Но, несмотря на это, я все же вынужден был сюда прийти. Создавалось впечатление, что молитвы помогают кому угодно, только не мне.

— Я прочел твои мысли и не могу полностью согласиться с ними, — заметил мой Наставник. — Если человек считает себя духовно развитым, он должен делать для других то, что хочет для себя. Ты обязан молиться о том, чтобы иметь силу и мудрость. Это нужно делать для того, чтобы помогать другим, даруя им силу и мудрость. Ты не должен просить о том, что нужно тебе. Это лишь напрасная и бесполезная трата времени.

— Значит, религия — это только то, что человек делает для других? — спросил я.

— Не совсем так, Лобсанг. Религия это то, чем мы живем. Это принципы поведения, которых мы добровольно придерживаемся с тем, чтобы наше Высшее Я могло очищаться и совершенствоваться. Поощряя чистые мысли, мы должны отвергать все недостойное, укрепляя и развивая при этом *сущность*, которая остается с нами, когда мы покидаем физическое тело. Когда ты достигнешь мастерства в астральных путешествиях, ты сможешь сам увидеть истину. А пока ты должен принять мои слова на веру. Религия — это реальность, она необходима. Если ты молишься и твои молитвы остаются без должного внимания, вполне может быть, что именно в этом и заключается их своеобразное исполнение. Перед тем, как прийти на Землю, человек составляет определенный список тех преимуществ и недостатков, которые должны сопровождать его на Земле. Мы планируем нашу жизнь так же, как студент огромного колледжа планирует свой курс обучения, чтобы по окончании учебы стать тем, кем хочет.

— Думаете ли Вы, что одна религия может быть лучше другой? — спросил я робко.

— Религия никогда не может быть лучше, чем человек, ее исповедующий. Возьмем, к примеру, буддистских монахов. Некоторые из них — очень порядочные люди, другие — не слишком. Религия у каждого своя. У каждого свой путь в ней. Все люди видят в религии разное. И неважно, является ли человек буддистом, индуистом, иудеем или христианином. Дело в том, что каждый исповедует религию так, как может, и верует в то, во что может.

— Мастер, — снова спросил я, — правильно ли поступают люди, меняющие свою религию? Достойно ли буддисту становиться христианином и наоборот?

— Мое личное мнение, Лобсанг, состоит в том, что кроме очень редких, исключительных случаев, человек не должен менять религию. Если человек вырос в христианской семье и живет в западном мире, этот человек должен придерживаться христианства. Человек впитывает религиозные верования вместе с первыми звуками родного языка. Часто случается, что человек, рожденный христианином, внезапно становится индуистом или буддистом. При этом определенные наследственные факторы и врожденные черты приводят к неправильному пониманию новой религии. И очень часто, чтобы компенсировать это, человек становится жадным, фанатичным по отношению к новой религии, в то время как в глубине души у него остаются неразрешенные проблемы и сомнения. Результат редко бывает удовлетворительным. Я считаю, что если человек родился и вырос в какой-то религиозной среде, это означает, что он принял соответствующую религию, и поэтому не должен ее менять.

— Гм! — смутился я. — Все это означает, что мои представления о религии переворачиваются вверх дном. Выходит, человек должен отдавать другим, не требуя ничего взамен? Сам же он должен надеяться, что кто-то попросит за него?

— Человек должен просить о понимании и о том, чтобы быть способным помочь другим, потому что только помогая другим, мы узнаем себя, только обучая других, мы обучаем себя, и только спасая других, мы спасаем себя. Человек должен отдать, прежде чем он сможет получить. Он должен отдавать самого себя, отдавать свое сострадание, свое милосердие. Пока человек не научится отдавать, он не сможет ничего получить. Человек не может надеяться на милосердие, прежде чем сам не проявит его. Он не может рассчитывать на понимание, пока не поймет проблемы других. Религия — великое начинание, Лобсанг, слишком великое, чтобы разобраться в нем в такой короткой беседе. Однако подумай об этом. Подумай, что ты можешь сделать для остальных. Подумай, как ты сможешь принести радость другим, как ты поможешь им в духовном развитии. И позволь мне спросить кое-что у тебя, Лобсанг. Ты хорошо зарекомендовал себя, спасая бедного старого монаха, попавшего в беду. Позволь мне спросить у тебя откровенно, ты ведь получил удовлетворение от этого, не так ли?

Я задумался над этим. Да! Это была правда. Я чувствовал удовлетворение,

спускаясь вслед за благородным Кис-Кисом, и впоследствии, оказывая помощь старику.

— Да, уважаемый Мастер. Вы правы. Я получил большое удовлетворение.

Упали вечерние тени, и закат натянул над нашей долиной свое пурпурное покрывало. В далекой Лхасе начали один за другим появляться огоньки. Было видно, как за шелковыми занавесками движутся люди. Где-то под нашим окном один из котов издал жалобный крик, и вскоре ему ответил другой кошачий голос. Мой Наставник встал и потянулся. Казалось, у него тоже онемели конечности. Я поднялся на ноги и чуть было не свалился лицом вниз: мы сидели и разговаривали так долго, что мои ноги совсем затекли. Лама подхватил меня и помог удержаться на ногах. Некоторое время мы смотрели в окно. Потом мой Наставник сказал:

— Этой ночью было бы неплохо как следует отдохнуть, потому что — кто знает? — завтра мы, возможно, будем очень заняты. Спокойной ночи тебе, Лобсанг, спокойной ночи.

— Благородный Мастер, — сказал я, — спасибо за то, что вы уделите мне столько времени. Вы так хорошо все объяснили, что, несмотря на свой очень нерасторопный и вялый ум, я, кажется, начинаю кое-что понимать. Спасибо Вам. Спокойной ночи.

Я поклонился и пошел к двери.

— Лобсанг! — позвал меня Наставник, и я повернулся к нему. — Господин Настоятель очень хорошо отзывался о тебе, и это нужно отметить особо, потому что он весьма аскетичный и строгий человек. Ты молодец. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — снова сказал я и ушел к себе.

Я быстро закончил свои нехитрые приготовления ко сну и лег. Мне долго не спалось. Я думал о тех вещах, которые услышал. И чем больше я думал, тем очевиднее мне становилось, что искренняя приверженность религии является залогом успешного духовного развития.

Глава 14 Путешествие в горы

Я недовольно перевернулся и некоторое время лежал, соображая, где нахожусь. С большой неохотой я заставил себя выглянуть в окно. Небо на востоке было светло-розовым. Кристаллики льда, висящие высоко над отчетливо вычерченными в прозрачном воздухе горными пиками, сверкали всеми цветами радуги. Справа от меня небо было еще темно-фиолетовым, и я наблюдал, как оно постепенно светлело. Было холодно. Каменный пол напоминал глыбу льда. Я дрожал. Мое старое тонкое одеяло было слабой защитой от утреннего холода. Я зевнул и протер глаза, пытаюсь отогнать сон. Процедура вставания обещала быть столь неприятной, что мне хотелось отложить ее хотя бы на несколько минут.

Все еще наполовину спящий, я неохотно нащупал «подушку», которую заменяла мне мантия. Плохо соображая после глубокого сна, я долго копошился, пытаюсь определить, где у нее «верх». Затем я сделал отчаянное усилие, пытаюсь натянуть ее на себя. К своему величайшему огорчению я обнаружил, что не попал внутрь. Я выругался и вдруг заметил, что нечаянно разорвал свою мантию. В одном протертом месте была старая дыра, и теперь она легко поддалась моему усилию. Стоя голым на морозном воздухе, я мрачно осматривал поврежденное место. Было настолько холодно, что воздух, который я выдыхал, клубился небольшими белыми облаками. Что скажет мой куратор? Мне уже приходилось иметь с ним дело, и поэтому я знал, что он скажет: «Порча монастырского имущества — это бессмысленная глупость со стороны безмозглого мальчишки!»

Нам никогда не выдавали новые мантии. Если кто-то вырастал из своей, он получал другую от своего старшего товарища. Все наши мантии были такими ветхими, что едва не распадались на куски.

Итак, с моей мантией покончено, решил я, посмотрев на жалкие обрывки.

Материал буквально расползлся под моими пальцами. Я сидел и грустил, завернувшись в свое одеяло. Что мне теперь делать? На всякий случай я сделал в мантии еще несколько дыр и, завернувшись в одеяло, словно в мантию, отправился на поиски куратора. Когда я вошел в его комнату, он как раз отчитывал малыша, который просил новую пару сандалий.

— Ноги были изобретены раньше сандалий, мой мальчик! — говорил он. — Если я захочу, вы все будете ходить босиком. Ну ладно, вот тебе новая пара. Только будь с ней поосторожней.

— Ну а что тебе? — спросил он, заметив, что я стою, завернувшись в потертое одеяло.

Как он на меня смотрел! В его глазах можно было прочесть нескрываемое раздражение, ведь подумать только, какому-то послушнику опять нужно было что-то получить на его замечательном складе!

— Благородный Мастер, — начал я, едва выговаривая слова, — моя мантия порвалась. Она была очень ветхой, и ее давно следовало поменять.

— Поменять?! — заорал он. — Только я здесь могу определить, что нужно поменять! Я, а не ты, негодный мальчишка! Уходи отсюда и ходи, завернувшись в свои отрепья! В следующий раз будешь думать, прежде чем говорить.

Один из слуг наклонился и что-то прошептал ему на ухо.

— Что? Что? Что ты сказал? Продолжай! — пробубнил куратор, нахмурившись.

— Я сказал, что этот мальчик недавно был на приеме у Высочайшего, а вчера его вызывал наш Настоятель. Этот мальчик — *чела* благородного Мастера, Ламы Мингьяра Дондупа, — сказал слуга.

— Угу! — пробормотал куратор. — Почему же, во имя зуба Будды, ты сразу не сказал мне, кто он? Ты дурак! Ты глупее любого послушника!

Затем он повернулся ко мне, и натянутая улыбка появилась на его строгом лице. Было заметно, что он усердно пытается выглядеть как можно любезнее.

— Дай мне посмотреть твою мантию, — сказал он.

Я молча протянул ее, повернув так, что дыры на спине сразу же бросались в глаза. Он взял разорванное одеяние и легонько потянул его. К моему облегчению дыра увеличилась, и наконец мантия распалась на две части. Открыв рот от изумления, куратор посмотрел на меня и сказал:

— Да! Она действительно немного порвана. Пойдем со мной, и ты получишь новую.

Он взял меня за локоть и пощупал мое одеяло.

— Гм! Одеяло у тебя тоже очень старое. С ним может случиться то же, что и с мантией. Нужно будет и его поменять, — сказал он.

Мы вошли в какую-то комнату. О! Это был целый зал. Мантии всех размеров висели на крюках, вбитых в стену. Тут были мантии и для высочайших лам и совсем скромные одеяния для обычных работников. Он вел меня, держа за руку. Мы часто останавливались, он ощупывал висящие вещи и морщился. Было заметно, что он влюблен в каждую из них.

Мы пришли туда, где висела одежда для послушников, и остановились. Мастер погладил свою щеку и потянул за мочку уха.

— Итак, ты — тот самый мальчик, который сначала слетел с крыши, а затем вспорхнул обратно? Гм! Ты тот, кто по специальному распоряжению встречался с Высочайшим? Гм! Ты тот, кто лично беседовал с господином Настоятелем нашего монастыря? Гм! И, что самое удивительное, ты добился расположения Настоятеля! Гм!

Он нахмурился и, казалось, смотрел куда-то вдаль. Я полагаю, он размышлял о том, что — кто знает — может мне придется еще раз увидеть Высочайшего или Настоятеля. Этот тщеславный человек подумал, что тогда я, быть может, замолвлю за него словечко.

— Я собираюсь сделать нечто необыкновенное. Я дам тебе новую мантию, одну из тех, что сшили на прошлой неделе. Если Высочайший благоволит тебе, если господин Настоятель благоволит тебе, и если великий Лама Мингъяр Дондуп благоволит тебе, это значит, что я должен подыскать тебе одежду, в которой ты, оказавшись перед ними, не опозоришь меня. Гм!

Он вышел в другую комнату, которая была продолжением большого склада. Здесь были новые мантии, их недавно сшили монахи, работающими под руководством лам. Он порылся в куче одежды, которую еще не развесили на крюки. Вытащив мантию, он сказал:

— Надень ее. Посмотрим, хорошо ли она на тебе сидит.

Я поспешно сбросил с себя одеяло и, постаравшись аккуратно его сложить, примерил новую мантию. Мне было хорошо известно, что новая мантия была своеобразным знаком для послушников и монахов. Такую мантию обычно носил человек, который побывал в какой-то «передряге», и поэтому заслуживает особого внимания. Я был очень рад получить новую мантию. Таким образом я из обычного послушника, носившего потрепанную одежду, превращался в очень важного человека.

Новая мантия пришлась мне впору. Она была сшита как раз на меня, и хотя я носил ее всего несколько минут, мне уже стало намного теплее.

— Мне в ней очень удобно, Мастер, — сказал я с большим удовлетворением.

— Гм! Мне кажется, мы можем придумать что-нибудь получше. Подожди немного.

Он опять стал рыться в куче, что-то бормоча себе под нос и быстро перебирая четки. Затем он перешел к другой куче и в конце концов вытащил из нее очень красивую мантию. Вздыхнув, он величественно произнес:

— Это мантия из особой партии. Она была сшита для торжественных случаев. Примерь ее. Мне кажется, что, надев ее, ты произведешь хорошее впечатление на высших господ.

Да, в этом можно было не сомневаться. Мантия была замечательной. Она мне понравилась. Возможно, она была немного длинновата и доставала мне до самых стоп, однако это означало, что мне есть куда расти, и что прекрасная мантия будет дольше принадлежать мне. В любом случае то, что кажется немного длинным, всегда можно укоротить, сделав спереди большую складку. В образовавшемся при этом огромном мешке можно носить с собой много полезных вещей. Я вертелся на месте, а куратор внимательно осматривал меня. Наконец он кивнул и, оттянув нижнюю губу, задумчиво заметил:

— Мы с тобой зашли уже так далеко, что можно сделать еще один шаг. Эта мантия твоя, мой мальчик, но я дам тебе еще одну, потому что, как мне кажется, ты не из тех, кто с ними церемонится.

Мне было трудно разобрать его слова, потому что он бормотал их себе под нос, повернувшись ко мне спиной и роясь в куче мантий. В конце концов он повернулся ко мне, держа в руках еще одну мантию.

— Примерь ее, — сказал он. — Я слышал, тебе выделили собственную комнату в той части монастыря, где живут ламы, поэтому никто из старших ребят не сможет отобрать у тебя эту мантию.

Я был в восторге. Теперь у меня было две мантии: одна — на каждый день, а другая — парадная. Куратор с заметным раздражением посмотрел на мое одеяло.

— О, мы ведь собирались заменить тебе одеяло. Пойдем со мной и подберем что-нибудь получше.

Он потащил меня за собой в главное хранилище и позвал монаха, который пришел с лестницей в руках. Монах ловко забрался по лестнице и взял одеяло с одной из полок. Нужно сказать, что по сравнению с мантией оно оставляло желать лучшего, и поэтому куратор, недовольно вздохнув, ушел в смежную комнату. Когда через несколько секунд он вернулся оттуда, у него в руках было одеяло высшего качества.

— Возьми это, мой мальчик, возьми, — проговорил он дрожащим голосом, — это одно из наших лучших одеял, изготовленных для особых случаев. Возьми его и, когда встретишь господина Наставника, помни о том, как хорошо я с тобой обошелся и как роскошно одел.

Куратор прикрыл глаза руками и принялся всхлипывать, словно скорбя о расставании с такими замечательными и качественными вещами.

— Я очень обязан Вам, благородный Мастер, — ответил я. — Уверен, — тут я пустил в ход дипломатию, — что мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, очень высоко оценит Вашу доброту ко мне. Спасибо Вам!

Сказав это от чистого сердца, я повернулся и вышел из кладовой. Слуга, стоявший снаружи, торжественно подмигнул мне, и мне пришлось приложить усилие, чтобы громко не рассмеяться в ответ.

Я вышел в коридор и направился в свою комнату. Я так спешил, неся в руках мантию и одеяло, что чуть было не столкнулся со своим Наставником.

— О, благородный Мастер, — воскликнул я. — Прошу прощения. Я не заметил Вас.

Мой Наставник засмеялся и сказал:

— Лобсанг, ты выглядишь, как странствующий торговец. Можно подумать, что ты только что вернулся из-за гор. Не решил ли ты переквалифицироваться?

Я рассказал ему обо всех неприятностях: о том, что моя мантия разорвалась сверху донизу, о кураторе и о том, как он, отчитывая одного из малышей, пообещал, что все будут ходить босыми. Наставник завел меня в свою комнату, и мы сели. Внезапно внутри меня что-то громким звуком напомнило, что я давно не ел. К моему счастью, Наставник услышал это предупреждение. Он улыбнулся и сказал:

— Я вижу, ты тоже еще не завтракал. Ну что ж, позавтракаем вместе.

Он позвонил в серебряный колокольчик.

Вскоре тсампа оказалась перед нами. Мы принялись за еду и до конца завтрака не обменялись ни словом. Позже, когда слуга убрал посуду, Наставник сказал:

— Итак, ты произвел впечатление на куратора. И, должно быть, сильное впечатление, если он расщедрился на целых две мантии и одно одеяло в придачу. С тобой трудно соревноваться!

— Мастер, у меня из головы никак не выходят мысли об одежде. Если куратор сказал, что мы должны ходить без сандалий, почему бы нам не ходить без одежды?

Мой наставник засмеялся и заметил:

— Много лет назад люди вообще не носили одежду и поэтому никогда не ощущали недостатка в ней. В те времена тело могло приспосабливаться к широкому диапазону температур. Сейчас, пользуясь одеждой, мы изнежились и разрушили механизм терморегуляции.

Он замолчал, обдумывая что-то, а затем снова засмеялся:

— Но ты представь себе кого-нибудь из наших толстых старых монахов, прогуливающих по двору совсем без одежды. Вот это было бы зрелище! История одежды очень интересна. Поначалу люди совсем не носили ее. В то время не было ни обманов, ни предательств, потому что все могли видеть ауру друг друга. Но однажды вожди племен решили обзавестись чем-то, что отличало бы их от остальных людей. Для этой цели стали использовать пучки перьев или несколько мазков краски, изготовленной из различных ягод. Тут в дело вмешались женщины. Им тоже захотелось украсить себя. Они тоже стали использовать пучки перьев.

Наставник улыбнулся, подумав обо всех этих людях, и я довольно ярко представил себе нарисованную им картину. Он продолжал:

— Когда некоторые мужчины и женщины впервые украсили себя, остальные, подражая им, почувствовали необходимость в том же. В конце концов все различия стерлись, и поэтому вожди были вынуждены добавить к своим нарядам еще кое-что. Вся

история повторилась сначала, в результате чего люди приобретали все больше и больше одежды. В конце концов женщины стали одеваться довольно вызывающе. Своей одеждой они старались прикрыть то, что не следует прикрывать. Пойми меня правильно, когда люди могут видеть ауру, нет ни предательства, ни войн, ни двурушничества. Именно с тех пор, когда люди качали носить одежду, они перестали видеть ауру и утратили свои ясно-видческие и телепатические способности.

Он строго посмотрел на меня и сказал:

— Сейчас будь особо внимательным. То, что я скажу, очень тесно связано с задачей, которую ты должен будешь выполнить в будущем. Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его внимательно. Наставник продолжил:

— Если ясновидящий, который может видеть ауру другого человека, хочет достаточно точно определить какую-то болезнь, он должен осмотреть неприкрытое тело. Когда люди одеты, их аура загрязнена.

Я удивленно приподнялся на своем месте, потому что не мог понять, как одежда может загрязнить ауру. Я сказал об этом. Мой Наставник сразу ответил:

— Если человек обнажен, его аура не подвержена воздействию никаких других аур. Если же человека одеть в платье из ячьей шерсти, на его ауру начнет оказывать влияние аура яка, аура человека, который стриг яка, аура человека, который чесал и прядл пряжу и, наконец, аура того, кто ткал материал. Поэтому, если ты будешь разглядывать ауру сквозь одежду, тебе вполне может открыться вся личная жизнь яка и его семьи, а это не совсем то, что тебе нужно.

— Но, Мастер, — последовал мой изумленный вопрос, — как все же одежда влияет на ауру?

— Я расскажу тебе. Все сущее имеет собственное поле влияния — магнетическое поле. Посмотрев в окно, ты видишь яркий дневной свет, но если прикрыть окно шелковой занавеской, этот свет будет сразу изменен влиянием занавески. Другими словами, в этом случае ты будешь видеть голубоватое свечение, которое вряд ли поможет тебе сказать, что представляет собой настоящий солнечный свет.

Он довольно криво усмехнулся мне и продолжал:

— В действительности, очень хорошо, что люди так неохотно расстаются со своей одеждой. Я всегда считал, что у каждого человека существует своеобразная историческая память о том, что без одежды его аура может быть увидена и истолкована кем-то другим. Сегодня многие люди, как правило, имеют греховные мысли. Поэтому им неприятно, когда другие узнают о том, что владеет их сознанием. Чтобы этого не происходило, они покрывают тела одеждой. Однако все это не больше чем маскарад. Ведь за масками чистоты и невинности скрывается греховность.

Несколько секунд он думал, а затем добавил:

— Многие религии утверждают, что человек сделан по подобию Бога, но это означает, что человек, стыдящийся своего тела, стыдится образа Бога. Трудно представить, к чему это может привести. На Западе ты увидишь, что люди часто выставляют напоказ одни участки своего тела, а другие оставляют закрытыми, тем самым привлекая к себе внимание. Другими словами, Лобсанг, многие женщины на Западе носят вызывающую одежду. Когда я был там, в моду вошли специальные подкладки, которые именовались «веселыми обманщиками». Эти подкладки предназначались для того, чтобы заставить мужчин думать, будто женщина обладает тем, чего на самом деле у нее нет. А западные мужчины всего несколько лет назад носили в брюках предметы, которые они называли «дутыми штучками». Это были специальные матерчатые подушечки, которые создавали впечатление, что человек, носящий их, щедро наделен природой и тем самым может быть мужественным партнером. К сожалению, чем больше подкладка, тем меньше мужества! Еще одним недостатком одежды является то, что она закрывает доступ свежему воздуху. Если люди будут меньше носить одежду и больше принимать воздушные ванны, их здоровье заметно улучшится. Если человек постоянно закутан в тряпки, воздух

не циркулирует, и размножаются микробы.

Я задумался над этим, но все-таки никак не мог понять, почему одежда способствует размножению микробов. Я выразил свои сомнения, на что Наставник ответил:

— Если ты посмотришь на открытый участок земли, ты не заметишь на нем ни одного насекомого. Но стоит поднять прогнившее бревно или сдвинуть большой камень, как перед тобой предстанет огромное количество различных букашек. Насекомые, черви и множество других созданий размножаются и живут только в темных изолированных местах. Подобно этому, тело покрывается бактериями и микробами. Солнечный свет препятствует их размножению и позволяет сохранить здоровье. Но если человек дает застоявшемуся воздуху скапливаться под плотной одеждой, это способствует распространению различных бактерий.

Довольно серьезно посмотрев на меня, он продолжил:

— Позже, когда ты станешь врачом и будешь лечить людей, ты увидишь, что если долго не приводить в порядок одежду, в ней появляются личинки примерно так же, как под камнем, лежащим на земле, скапливаются насекомые. В будущем ты сам узнаешь обо всем этом. Он встал, потянулся и сказал:

— А сейчас нам пора. Я даю тебе пять минут на приготовления, а затем жду в конюшне. Нам предстоит совместное путешествие.

Он дал понять, что я могу взять свою мантию и одеяло и отнести их в свою комнату. Я поклонился, собрал свои пожитки и вышел через смежную дверь. Несколько минут я потратил на подготовку, а потом, как и было сказано, направился в конюшню.

Выйдя на открытое пространство двора, я остановился в изумлении. Во дворе собралась целая кавалькада. Некоторое время я пробирался вдоль стены, едва передвигая ноги. Я не понимал, кто это и для чего эти люди здесь собрались. На мгновение мне показалось, что кто-то из Настоятелей собрался в путешествие. Но вдруг появился мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп. Он быстро оглядывался по сторонам. Мое сердце ушло в пятки, когда я понял, что вся эта суета началась из-за нас.

Я увидел лошадь Наставника и свою, которая была намного меньше. Четверо слуг-монахов, которые должны были нас сопровождать, уже сидели верхом. Еще четыре лошади стояли рядом. Они были нагружены узлами и свертками, однако груза было немного, и они могли использоваться как запасные. Лошади стояли, фыркая, перебирали ногами и помахивали хвостами. Я подошел ближе, следя за тем, чтобы не оказаться позади какой-нибудь лошади. Однажды игривый жеребец повернулся ко мне задом и ударил копытом в грудь с такой силой, что я свалился с ног и кубарем покатился по земле. С тех пор я стал намного осторожней.

— Итак, Лобсанг, мы отправляемся в горы. Мы проведем там два или три дня, и ты будешь моим помощником.

Сказав это, он подмигнул мне. Я понял, что это очередной этап моего обучения. Мы подошли к лошадям. Предназначенный для меня конь повернул голову и задрожал, узнав меня. Глаза его округлились, и он недовольно заржал. Нужно сказать, что наша симпатия была взаимной. Мне он нравился не больше, чем я ему. Однако монах-конюх ловко подхватил меня и помог сесть в седло. Наставник уже ждал меня, сидя верхом.

— Это хороший конь, — прошептал конюх. — У тебя не должно быть с ним никаких неприятностей.

Наставник огляделся, проверяя, все ли готово. Я находился позади него. Монахи-помощники тоже были на своих местах, держа выючных лошадей на длинных привязях. Он поднял руку, и мы пустились в путь. Дорога шла вниз с горы.

Оказалось, что мой конь имеет скверную привычку: на крутых спусках он опускал голову так низко, что я вынужден был изо всех сил цепляться, чтобы не соскользнуть с его шеи. Всякий раз, когда он делал это, я упирался ногами в его уши. Насколько я мог судить, это ему нравилось не больше, чем мне — его фокусы. Горная дорога была тряской

и очень оживленной, поэтому все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы удержаться в седле. И все-таки на одном повороте дороги я заставил себя поднять голову и осмотреться. Внизу простиралась цветущая долина. Когда-то я жил здесь в родительском доме.

Мы спускались все ниже и ниже с горы и наконец, свернув влево, выехали на Лингхорскую дорогу. Мы прошли по мосту, и, когда стала видна китайская миссия, неожиданно для меня свернули направо на дорогу, ведущую в Кашиа-Линга. Я удивился, зачем для поездки в такой маленький парк нужно было собирать целую процессию. Наставник не объяснил мне, в какую часть гор мы направляемся. Горы окружали Лхасу, напоминая чашу, и поэтому о конечной цели нашего путешествия я мог только догадываться.

Но тут я внезапно подпрыгнул от радости. От этого мой несчастный конь принялся брыкаться. Наверное, он подумал, что я решил проучить его. Мне удалось удержаться, потому что я так сильно натянул поводья, что его голова задралась назад, и это вскоре заставило его успокоиться. Я получил хороший урок: крепче держи поводья, и ты в безопасности. Лошади перешли на спокойный шаг, и вскоре мы достигли места, где дорога расширялась. Здесь было много торговцев, только что переправившихся через реку. Мой Наставник и старший слуга спешили. Слуга направился к перевозчику и вернулся обратно после нескольких минут беседы с ним.

— Все в порядке, уважаемый лама, — сказал он, — мы можем отправляться.

Сразу началась суета. Слуги слезли с лошадей и занялись багажом. Он был снят и перенесен в лодку. Затем всех лошадей связали одним длинным поводом, и двое монахов, забравшись верхом, повели их в реку. Я внимательно наблюдал за ними. Монахи подняли свои мантии и закрепили их на уровне талии. Лошади, смело погрузившись в воду, уверенно поплыли к другому берегу. Я с удивлением заметил, что Наставник был уже в лодке. Он приглашал и меня подняться на борт. Так первый раз в жизни я попал в лодку. За мной последовали двое оставшихся слуг. Бормоча что-то себе под нос, перевозчик оттолкнулся от берега, Некоторое время я ощущал головокружение, потому что лодка вращалась по кругу.

Лодка была сделана из шкур яков. Они были аккуратно сшиты, и вода не проникала между ними. Полость между шкурами надувалась воздухом. Люди со своими пожитками забирались в лодку, и тогда лодочник брал длинные весла и медленно греб, направляя лодку к противоположному берегу. Когда навстречу дул ветер, переправа занимала много времени. Но лодочнику всегда удавалось наверстать упущенное на обратном пути. Много, конечно, зависело от направления и силы ветра.

Я был очень счастлив. В эту первую поездку по реке мне предстояло узнать много нового. Я так сильно вцепился пальцами в стены кожаной лодки, что, как мне показалось, острые ногти могли ее повредить. Мне было страшно сдвинуться с места. При каждой попытке пошевелиться что-то прогибалось подо мной. Казалось, я сидел на чем-то очень подвижном. Это было совсем не похоже на обычное сидение на твердом каменном полу, который никогда не качался. Вдобавок ко всему, по воде катили волны, лодка покачивалась, и я почувствовал неприятные приступы дурноты. Вскоре я понял, что в этот день слишком много съел. Я очень беспокоился, что меня может стошнить прямо перед шутниками. Правильно задерживая дыхание, я смог не посрамить себя. Вскоре дно лодки коснулось покрытого мелкими камнями берега, и мы высадились на землю.

Вскоре наша кавалькада снова тронулась в путь. Наставник, как всегда, впереди, а я за ним, почти распластавшись на своем коне. За нами ехали слуги, разделившись по двое по двое. Шествие замыкали четыре навьюченные лошади. Наставник огляделся и, убедившись, что все готовы, повернул на запад и прищепил своего коня.

Мы все тряслись и тряслись на своих лошадях, все время двигаясь на запад, туда, куда уходит утро. У нас было принято говорить, что солнце восходит на востоке, а потом перебирается на запад, унося утро с собой. Очень скоро солнце догнало нас и застыло над

головой. Облаков не было, и солнечные лучи жгли немилосердно. Однако, когда мы попадали в тень высоких скал, то ощутили сильный холод. На нашей высоте не доставало воздуха, чтобы выровнять жар солнечных лучей и холод горной тени.

Мы скакали несколько часов. Наконец мы достигли того места, которое мой Наставник выбрал для привала. По какому-то не замеченному мной сигналу монахи спешили и сразу стали кипятить воду. Топливом служил сушеный навоз яков, а вода была набрана в ближайшем горном ручье. Примерно через полчаса мы уже ели тсампу. К этому времени я как раз почувствовал острую необходимость в ней. Коней накормили и отвели к ручью напиться.

Я сидел, прислонившись спиной к камню, который по размерам не уступал зданию храма в Чакпори. С высоты этой точки я осматривал долину Лхасы. Воздух был абсолютно чист. Не было ни тумана, ни пыли — все вокруг было видно с удивительной ясностью. Я видел путников и торговцев, проходивших через Западные Ворота. При желании можно было проследить взглядом весь пройденный нами путь, и в начале его снова увидеть лодочника, который перевозил очередную группу путников через Счастливую Реку.

Вскоре пришло время опять отправляться в путь. Лошади были навьючены, мы забрались на них и двинулись дальше по горной тропе, уходя все дальше и дальше вглубь подножья Гималаев. Через некоторое время мы покинули широкую наезженную дорогу, ведущую в Индию, и свернули на едва заметную тропинку, которая поднималась все выше и выше.

Мы двигались медленно. Над нами находился маленький монастырь, примостившийся на уступе скалы. Я разглядывал его с огромным интересом — он буквально очаровал меня. В этом монастыре исповедовали буддизм, отличающийся от нашего. Монахи и ламы в нем могли жениться и жили со своими семьями в отдельных домах.

Через некоторое время мы наконец достигли плато, на котором находился этот монастырь. Мы увидели монахов и монахинь, гуляющих вместе. Я был очень изумлен, когда обнаружил, что головы монахинь тоже гладко выбриты. У всех здесь были темные лица, которые сверкали на солнце.

— Здесь очень часто случаются песчаные бури, и поэтому все покрывают лицо тонким слоем жира, который защищает кожу, — шепнул мне Наставник. — Скоро нам придется надеть кожаные маски.

Все мое внимание было приковано к маленькому монастырю, и я был благодарен судьбе за то, что моя лошадь уверенно стояла на ногах и знала о горных тропах намного больше меня. Неподалеку бегали маленькие дети. Я недоумевал, почему одни монахи должны жить в безбрачии, тогда как другим позволено жениться. Я не понимал, почему между ветвями одной и той же религии существуют такие различия. Монахи и монахини некоторое время провожали нас взглядами, а затем перестали обращать на нас внимание, словно мы были обычными торговцами.

Мы поднимались все выше. Высоко над собой я увидел выкрашенную в бело-желтый цвет постройку, теснившуюся на уступе скалы, которую я назвал бы неприступной. Указывая на нее, Наставник сказал:

— Туда мы и направляемся, Лобсанг, именно в эту хижину. Но поднимемся мы туда лишь завтра утром, потому что путь туда очень опасен. Сегодня же мы заночуем здесь в горах.

Мы проехали еще примерно с милю и остановились посреди скопления скал, которые образовали в одном месте подобие блюдца. Мы спешили, привязали и накормили лошадей. Едва мы успели приготовить и съесть тсампу, как на нас, словно темный занавес, опустилась ночь. Я завернулся в одеяло и стал всматриваться в пространство между скалами. В стороне Чакпори и Поталы мерцало множество огоньков. Очень ярко сияла луна, и Счастливую Реку впору было переименовать в Серебряную —

она сверкала, словно полоска чистейшего серебра. Ночь была спокойной: ни малейшего ветерка, ни одного движения, даже ночные птицы не подавали голоса. Вверху мириадами оттенков мигали яркие звезды. Через мгновение я уснул.

Я проспал целую ночь. Никто не будил меня ни на службу, ни куда-либо еще. Но утром, когда я проснулся, у меня было ощущение, будто по мне прошлась сотня яков. Все кости ныли, и мне никак не удавалось удобно усестся. Я вспомнил своего вредного коня и подумал, что он, должно быть, чувствует себя так же, хотя я при этом и догадывался, что это скорее всего не так.

Вскоре в нашем маленьком лагере началась суeta, дежурные монахи принялись за приготовление тсампы. Я решил прогуляться перед завтраком и пошел по тропе, разглядывая долину Лхасы. Затем мое внимание опять привлекла хижина, располагавшаяся в четверти мили вверх. Выглядела она довольно странно и напоминала одно из птичьих гнезд, плотно прикрепленных к стенам домов, от которых так и ждешь, что они свалятся на голову. Сколько я ни приглядывался, я не мог разглядеть никакой тропинки, ведущей к этой хижине. Я вернулся и стал есть тсампу, прислушиваясь к разговорам моих спутников. Как только мы закончили еду, Наставник сказал:

— Пора двигаться, Лобсанг. Лошади и трое монахов останутся здесь. Мы возьмем с собой слугу и пойдем вверх.

Моя душа ушла в пятки. Я сомневался, удастся ли мне пройти весь этот путь пешком по склону горы. Я был уверен, что если уж кони не могут преодолеть этот путь, то я и подавно. Слуга отвязал веревку от одной из лошадей и обмотался ею. Мне вручили сумку, хотя я не знал, что было в ней. Наставник и монах тоже взяли по сумке. Трое слуг, оставшихся внизу, выглядели очень счастливыми. Они радовались, что на некоторое время останутся без надзора. Им ничего не нужно было делать, следовало лишь присматривать за лошадьми.

Мы двинулись в путь, пробираясь между камнями и отыскивая места, куда можно уверенно поставить ногу. Дорога становилась все хуже. Монах, вооруженный веревкой и двумя привязанными к ней камнями, возглавил нашу группу. Резким движением он бросал веревку перед собой, она обматывалась вокруг камней и зацеплялась за них. Затем монах дергал ее, проверяя, насколько надежно она закреплена. После этого он забирался по веревке вверх и, достигнув конца, еще надежней укреплял ее. Затем по ней поднимались мы с Наставником. Хотя это было довольно опасно, мы проделывали так снова и снова.

Наконец, после одной из особенно трудных попыток мы достигли каменной платформы. Она была шириной тридцать футов и образовалась, по-видимому, в результате обвала много лет назад. Я поблагодарил Бога за то, что вскарабкался на край этой платформы, а затем с трудом заставил себя встать, поднявшись сначала на колени, и только потом в полный рост. Встав, я сразу посмотрел направо, где всего в нескольких футах находилась хижина. Некоторое время мы стояли, тяжело дыша, стараясь прийти в себя после трудного пути.

Я был очарован открывшимся видом. Я мог видеть буквально все — и Золотую Крышу Поталы, и внутренний двор Чакпори. Насколько я понял, там ожидали прибытия очередного груза трав, потому что монахи носились повсюду, а весь монастырь был похож на растревоженный улей. Движение сквозь Западные Ворота было намного интенсивнее, чем обычно. Мне стало жаль, что все это происходит без меня, и я вздохнул, когда вспомнил, что мне пришлось карабкаться на какие-то глупые горы для того, чтобы встретиться с людьми, живущими в уединении. И кому может прийти в голову отгораживать себя от мира в такой хижине?

Тут мне пришлось отвлечься от своих мыслей, потому что со стороны хижины приближались три человека. Один из них был очень стар, и его поддерживали двое молодых. Они подошли к нам, и тогда мы, захватив с собой багаж, вместе направились в хижину.

Глава 15 Благословение отшельника

Старик был совершенно слеп. Я с удивлением смотрел в его глаза и чувствовал, что в них есть что-то необычное. Некоторое время я не мог понять, что делало их такими странными. Позже я узнал, как он ослеп. В Тибете отшельники часто замуровывались в кельи и долго жили в них. Эти кельи были абсолютно лишены света. Монахи могли проводить там от трех до семи лет. Человек выбирался наружу лишь тогда, когда решал, что срок его добровольного заключения подошел к концу.

Процесс возвращения в мир занимал определенное время. Сначала в крыше кельи проделывалась маленькая дырочка, чтобы внутрь мог проникнуть только тонкий луч света. С каждым днем отверстие увеличивали, и примерно через месяц тот, кто находился внутри, мог снова видеть. Во время затворничества зрачки глаз полностью открываются, и если человек сразу выйдет на яркий солнечный свет, он мгновенно ослепнет. Однажды старый отшельник сидел в своей келье, где провел к тому времени уже двадцать лет. Вдруг огромный камень, свалившийся со скалы, ударил в стену хижины, и она рухнула. Яркий солнечный свет ударил прямо в лицо старика. В то же мгновение он ослеп.

Я слышал, как отшельник говорил моему Наставнику:

— Согласно обычаю, в первые дни мы предлагали нашему брату пищу, но она оставалась нетронутой. Он не отвечал нам, и мы решили, что его душа выпорхнула из пустой оболочки его тела.

Мой Наставник взял старика за руку.

— Не беспокойся, брат мой, — сказал он, — мы разберемся с этим. Может быть, ты проводишь нас в келью?

Спутники старика вышли во двор. Слева располагалось несколько келий. Я насчитал их пять. Совершенно пустые, лишённые какого бы то ни было комфорта, — это были настоящие кельи. В них не было ни столов, ни танок, ничего. Кругом только каменный пол, на котором монахи могли сидеть или спать. Пройдя мимо келий, мы вошли в небольшой темный домик, который ненадежно пристроился на скалистом уступе горного склона. Мне это сооружение показалось довольно шатким, однако, по-видимому, оно простояло здесь не одну сотню лет.

В центре большой мрачной комнаты была еще одна. Когда мы вошли в нее, стало совсем темно. Освещая путь масляной лампой, мы вошли в абсолютно темный коридор. Пройдя десяток шагов, мы уткнулись в голую стену. Лампа роняла слабый свет, который, казалось, только подчеркивал темноту. Наставник взял лампу в руку и поднял ее на уровень груди. Я увидел тщательно закрытый люк. Наставник наощупь протиснулся внутрь. Помещение напоминало по объему шкаф. Он постучал во внутреннюю стенку «шкафа» и осторожно прислушался. Лампа осветила внутреннее пространство и я увидел нечто, напоминающее встроенный в стену ящик.

— У этого ящика, Лобсанг, — сказал он, — две двери, внешняя и внутренняя. Обитатель кельи выжидает некоторое время, а затем открывает дверцу, выбирается наружу и забирает принесенные ему пищу и воду. Он никогда не видит света, никогда ни с кем не разговаривает, он сохраняет обет молчания. Похоже, что с обитателем этой кельи что-то случилось, несколько дней он ничего не ест и мы не знаем, жив он или мертв.

Наставник посмотрел на отверстие в стене, затем на меня. Повернувшись снова к отверстию, он измерил его рукой, потом, измерив меня, сказал:

— Кажется, если ты снимешь мантию, то как раз сможешь пробраться сквозь это отверстие и посмотреть, все ли там в порядке.

— О! Мастер! — испуганно воскликнул я. — А что если я заберусь внутрь и не смогу вылезти обратно?

Несколько секунд Наставник подумал и сказал:

— Сначала мы выбьем дверцу камнем. Потом я подниму тебя и буду поддерживать, чтобы ты смог пролезть в отверстие, держа лампу в вытянутых руках. Света будет достаточно, чтобы разглядеть, нуждается ли сидящий там в помощи.

Наставник вышел в другую комнату и принес три масляные лампы. Из двух ламп он извлек фитили и, аккуратно сплетя их вместе, приладил к третьей, которую доверху наполнил маслом. Между тем монах выбрался наружу и вернулся, неся с собой довольно внушительный камень. Он протянул камень мне и я поднял его. Нужно заметить, что его вес вполне соответствовал размерам.

— Мастер, а почему этот монах не может просто ответить нам? — спросил я.

— Потому что он дал клятву, обет не разговаривать ни с кем на протяжении некоторого времени, — ответил Наставник.

Я с неохотой скинул мантию, дрожа от холода. У нас в Чакпори я всегда мерз, но здесь, высоко в горах, было еще холоднее, озноб так и сотрясал меня. Я не стал снимать сандалии, потому что пол напоминал глыбу льда.

Между тем монах взял камень и сильно ударил им в дверь. С громким треском она слетела с петель. Мои спутники действительно не смогли бы даже заглянуть во внутреннюю келью. Их головы были слишком большими, а плечи широкими. Наставник поднял меня и держал в горизонтальном положении. Я вытянул руки вперед, будто собирался нырнуть. Монах поджег фитиль масляной лампы и аккуратно вложил ее прямо мне в руки. Я пополз вперед. Рама этого несчастного «шкафа» была очень шершавой, но мне все-таки удалось преодолеть похожий на ящик проход, извиваясь из стороны в сторону, протискиваясь то вперед, то назад. В конце концов моя голова и руки оказались внутри. Тут же я почувствовал тошнотворное зловоние. Оно было отвратительным, это был запах гниющего мяса, запах протухших продуктов. Что-то подобное можно было почувствовать, случайно наткнувшись на давно лежащий труп яка или лошади. Этот запах, кстати, напоминает мне о санитарных приспособлениях, которые по всему миру в большинстве своем давно уже пришли в негодность. Зловоние буквально душило меня, и я прилагал невероятные усилия, пытаясь высоко держать лампу. Мерцающее сияние отражалось от каменных стен, и я увидел старого монаха. Он сидел, уставившись на меня, его глаза сверкали. Я испуганно дернулся, поцарапав кожу на плечах. Я опять посмотрел на монаха и увидел, что в его глазах отражается свет лампы, но они не мигали, они ни разу не дрогнули. Я принялся махать ногами, давая понять, что немедленно хочу выбраться отсюда. Меня осторожно вытянули обратно. Я не смог удержаться и меня стошнило.

— Мы не можем оставлять его там! — сказал Наставник. — Нам нужно проломить стену и вытащить его наружу.

Я поборол тошноту и надел мантию. Мои спутники вооружились инструментами, состоящими из тяжелого молота и двух железных ломов, расплюснутых на конце. Ломы вставили в выемку стены и ударили по ним молотом. Каменный блок поддался и вывалился из стены, потом еще и еще один. Вонь была ужасной. Наконец в стене образовалось отверстие, в которое мог пройти человек. Внутри зашел один из монахов, неся с собой масляную лампу. Вскоре он вернулся с посеревшим лицом и подтвердил мои слова.

— Мы должны обвязать его веревкой и вытащить наружу, — сказал монах, — он распадается на куски. По моему, он гниет уже давно.

Он молча вышел из комнаты и скоро вернулся с длинным куском веревки, затем влез в дыру в стене, и мы слышали, как он там двигался.

— Все в порядке, — вернувшись, сказал он, — можно вытаскивать.

Двое монахов осторожно взялись за веревку и стали тянуть. Вскоре показалась голова старика, его руки. Он был в ужасном состоянии. Монахи осторожно вытащили его и, аккуратно подняв на руки, вынесли наружу.

В дальней стене кельи был небольшой проход, уводящий вглубь горы. Двое монахов со своей ношей вошли туда и скрылись из виду. Я знал, что они отнесут тело на

открытое место, где хищники вскоре уничтожат его. Не было никакой возможности похоронить тело здесь, среди твердых горных скал, поэтому мы устраивали «воздушные похороны».

Тем временем монах-слуга, который был с нами, сделал маленькое отверстие в стене, и тусклый луч света ворвался внутрь. Он принес ведро воды и вылил его внутрь кельи, очищая ее от следов последнего обитателя. Скоро кто-нибудь другой займет эту келью и проведет здесь десять, двадцать или еще больше лет.

Позднее, когда мы сидели все вместе, слепой старик сказал:

— Я чувствую, что среди нас есть некто, кому суждено долго путешествовать и многое увидеть. Я смог все узнать о нем, когда прикоснулся рукой к его голове. Мальчик, сядь ближе.

Я неохотно подошел и сел прямо перед стариком. Он поднял руки, которые были холодны, как лед, и положил их на мой бритый череп. Его пальцы слегка пробежались по контуру моей головы, ощущая многочисленные шишки.

У тебя будет очень тяжелая жизнь, — сказал он.

Я вздохнул. Все говорили мне об этом, но всякий раз после таких слов мне становилось не по себе.

— Только в самом конце жизни, после многочисленных трудностей, испытаний и несчастий, которые будут приходить одно за другим, ты добьешься успеха. Ты исполнишь то, ради чего пришел в этот мир.

Все это я слышал и раньше. Я побывал у многих предсказателей, провидцев, астрологов, ясновидящих, и каждый из них повторял одно и то же.

Закончив говорить, старик убрал руки. Я встал и отошел так далеко, как мог. Мой поступок заставил его изумленно улыбнуться.

Наставник и все остальные начали долгую дискуссию об очень серьезных вещах. Для меня их разговор не представлял особого смысла. Они говорили о священных книгах, о том, что творится в Тибете, о том, как найти лучший способ сохранить Священные Знания, о том, что первые шаги уже сделаны и многочисленные книги и священные предметы отнесены в горы и спрятаны в пещерах. В храмах будут оставлены копии, чтобы подлинные, старинные вещи не попали в руки захватчиков, которые придут через некоторое время.

Я вышел наружу и сел на камень. Мой взгляд был устремлен далеко, в направлении города Лхасы, который тонул сейчас во мраке приближающейся ночи. Только высочайшие шпили Чакпори и Поталы освещались слабым сумеречным светом. Они походили на острова, плавающие в темно-пурпурном море. Чем дольше я сидел, тем глубже эти острова погружались во всепоглощающую темноту. Яркие лучи лунного света падали на склоны гор и прикасались к крыше Поталы, которая светилась золотым сиянием. Я зашел в хижину, снял мантию и, укутавшись в одеяло, крепко уснул.